UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322724 6

PG
3453
B2
1914a
t.7

15

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Balmont, Konstantin Dmitrievich.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ЖАРЪ-ПТИЦА

СВИРѢЛЬ СЛАВЯНИНА

[т. 7]

МОСКВА 1907

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ“

LIBRARY
AUG 31 1972
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3453
B2
1914a
t.7

РИСУНОКЪ ОБЛОЖКИ РАБОТЫ К. СОМОВА.
НАДПИСЬ — М. ДОБУЖИНСКАГО.
ИСПОЛНЕНО ВЪ 12 КРАСОКЪ ХРОМОЛИТОГРАФІЕЙ
И. КАДУШИНЫМЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

1977 8 6 7
0P5 0 0 1

Ю. Б. СИЛЬНИЦКИЙ
ЖАРЪПТИЦА
СВИРЬ СЛАВЯН

ВОРОЖБА.

ЗНАКЪ : ХРИЗОЛИТЪ.

Хризолитъ, зеленовато-золотистый, столь великимъ обладаетъ холодомъ, что, приложивъ его къ лицу, умѣряютъ жаръ горячки. Отъ Звѣзды зовущейся Сѣвернымъ Вѣнцомъ даръ онъ этотъ имѣетъ. И хорошъ онъ дабы прогонять видѣнія.

Жанъ де ля Тай де Бондаруа.

Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Вѣсахъ", воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова, Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенпрейса, О. Гиліа, К. Вальзера-А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларіонова, И. Ливитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Миліоти Л. Пастернака, О. Рэдона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерждъ-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Ѳеофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованная въ „Вѣсахъ", больше нигдѣ не появлялась.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ" за всѣ шесть лѣтъ изданія — 40 руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906—по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909—по 7 руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.)—27 руб., безъ пересылки; **1907 г. отдѣльно не продается.** Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ — при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ" **Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23** (телефонъ 50-89). Изданія к-ва „Скорпіонъ" можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ" **Петербургъ, Садовая, 18.**

К. Д. Бальмонтъ

PG3453
.B2
1907

408422
31

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій пер., д. № 8.
1907.

Жаръ-Птица

Свирѣль Славянина

1906 — Лѣто

Народныя повѣрья—
Неполныя страницы,
Разрозненныя перья
Отъ улетѣвшей птицы.

Она вотъ тутъ сидѣла
На камнѣ самоцвѣтномъ,
И пѣла здѣсь такъ смѣло
О снѣ своемъ завѣтномъ.

О томъ заморскомъ краѣ,
Гдѣ Море съ Небомъ слито,
Гдѣ дума, въ вѣчномъ Маѣ,
Цвѣтами перевита.

Гдѣ свѣтовъ зарожденье,
Гдѣ завершенье мраковъ,
Гдѣ видитъ умъ сплетенье
Всего какъ вѣщихъ знаковъ.

Пропѣла, улетѣла,
Предъ взоромъ лишь зарница,
Лишь видишь—здѣсь блестѣла
Воистину Жаръ-Птица.

Ты во тьмѣ ужь усладу себѣ улучи,
Подъ зеленый кустъ, въ Океанъ я бросаю ключи.
А въ зеленомъ кустѣ грозна Матка сидитъ,
Маткамъ старшая всѣмъ,
И сидитъ, и гудитъ—
Непокорную жечь! Непокорна зачѣмъ!
Въ лугъ за цвѣтами, цвѣтикъ есть алъ,
Бѣлый и синій расцвѣлъ.
Матка гудитъ. Семьдесятъ семь у ней жалъ,
Для непокорныхъ пчелъ.
Будьте жь послушными, пчелы,
Пусть отягчится, какъ гроздъ полновѣсный,
Межь цвѣтовъ свѣтловольныхъ и кельею тѣсной,
Рой вашъ веселый.
Съ вами въ союзъ я вошелъ,
Слово я твердо сказалъ,
Его повторять я не стану.
За непокорнице жь тотчасъ подъ кустъ, къ Океану,
Тамъ Матка старшая сидитъ, и семьдесятъ семь у ней
жалъ,
Семьдесятъ семь у ней жалъ,
Для непокорныхъ пчелъ!

ЗАГОВОРЪ НА ЗЕЛЕНУЮ ДУБРОВУ.

Я по острову хожу,
Черезъ всѣ лѣса гляжу,
По прогалинамъ и мракамъ,
По оврагамъ, буеракамъ,
Дубъ, береза, липа, ель,
Ива, жимолость, и хмѣль,
И калина, и рябина,
И дрожащая осина.
Я по всѣмъ гляжу вѣтвямъ,
По листамъ, и по цвѣтамъ,
Я зову мою дуброву,—
Быть бы живу мнѣ, здорову:—
Подступясь къ ней звѣрь и гадъ,
Чтобъ сейчасъ же шли назадъ,
Чтобъ не шли къ намъ люди злые,
Вѣдьмы, вихри, водяные,
Чтобъ въ дубровѣ, подъ листвой,
Самъ себѣ я былъ большой,
Чтобы листья мнѣ, въ шуршаньи,
Были въ тихомъ послушаньи,
Чтобы легкій вѣтеръ къ намъ
Шелъ, танцуя, по верхамъ.

ЗАГОВОРЪ РАТЛИКА.

Подъ моремъ Хвалынскимъ стоитъ мѣдный домъ,
Закованъ Змѣй огненный въ домѣ томъ,
Подъ Змѣемъ подъ огненнымъ ключъ семипудовой,
Отъ свѣтлаго терема, съ богатырской броней.
По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ,
Плыветъ Лебедь бѣлая, по синимъ волнамъ,
Ту Лебедь поймаю я, схватаю ее,
Ты, Лебедь, исполни мнѣ желанье мое.
На море Хвалынское лети поскорѣй,
Сдѣлай такъ, чтобъ заклеванъ былъ огненный Змѣй,
Изъ-подъ Змѣя достань мнѣ ключъ семипудовой,
Лети себѣ послѣ на Волгу домой.
— До моря Хвалынскаго не мнѣ долетать,
И Змѣя, что въ пламени, не мнѣ заклевать,
И мнѣ ль дотащить ключъ семипудовой,
Отпусти меня лучше за совѣтъ дорогой.
На Буянѣ на островѣ — для тебя это кладъ —
Воронъ есть, онъ всѣмъ воронамъ старшій братъ,
Злою Вѣдьмою Кіевской онъ посаженъ, — такъ вотъ,
Долетѣвъ до огнистаго, Змѣя онъ заклюетъ.—
Какъ мнѣ Лебедь повѣдала, такъ я сдѣлалъ, пошолъ,
И въ лѣсу съ злою Вѣдьмою я избушку нашолъ,
Злая Вѣдьма упрямилась: — Что̀, молъ, Воронъ! Что̀ въ немъ!
Но сказала, помчался онъ, прилетѣлъ въ мѣдный домъ.
Онъ разбилъ мѣдный домъ, онъ уважилъ меня,
Змѣя онъ заклевалъ, не страшася огня,

Онъ досталъ и принесъ мнѣ ключъ семипудовой,
Отперъ теремъ я свѣтлый, и владѣю броней.
Въ этой бранной одеждѣ, все впередъ я, впередъ,
Ни стрѣла не достанетъ, ни пищаль не убьетъ.
Симъ моимъ заговоромъ оградившись, иду.
Воронъ, Воронъ, о, Воронъ, врагъ желаненъ, я жду!

ЗАГОВОРЪ ОТЪ ПОГАСШИХЪ.

Иду я въ чистомъ полѣ,
На свѣтлой вольной волѣ,
Навстрѣчу мнѣ бѣгутъ,
Свились въ крученый жгутъ,
Семь духовъ съ полудухами,
Все черные, все злые,
Охочіе до зла.
Семь духовъ съ полудухами,
Моя душа свѣтла,
Всѣ злости — мнѣ чужія,
Что̀ дѣлать вмѣстѣ намъ?
Идите къ старикамъ,
Со злобными старухами,
Со злобными,
Надгробными,
Бѣгите въ старость — тамъ,
Обширная какъ нива,
Всегда вамъ есть пожива,
Я — вёсны длю,
Я то люблю,
Что юно и красиво.
Подальше отъ меня
Погасшихъ вы держите,
Бѣгите же, спѣшите,
Не тьмѣ быть съ свѣтомъ дня,
Прочь, дальше отъ меня!

ЗАГОВОРЪ ХМѢЛЯ.

Хмѣль я, смѣющійся Хмѣль,
Пчела прожужжитъ, или шмель,
Все цвѣтетъ расцвѣтающій Хмѣль.
Хмѣль я, пьяню я, и млѣю,
Снова, въ похмѣльи, хмѣлѣю.
И поетъ, разливаясь, свирѣль.
Все я цвѣту да гуляю,
Самъ я себя выхваляю: —
Нѣтъ меня, Хмѣля, сильнѣй,
Нѣтъ веселѣй и хмѣльнѣй.
Старъ меня знаетъ и малъ,
Хмѣля, какъ вешняго Леля,
Царь не одинъ восхвалялъ.
Долга безъ Хмѣля недѣля.
Меня и мудрецъ восхвалилъ,
Пріумножилъ я мудрому силъ.
Меня славословилъ монахъ
Въ именитыхъ своихъ погребахъ.
Рабочій, крестьянинъ, солдатъ
Захмѣлѣютъ — ой, Хмѣлюшко, братъ! —
А я ихъ скорѣй на постель,
Я добрый бываю, я Хмѣль.
Дѣвица ль со мной, молодица, —
Поетъ имъ любовная птица,

Войду я имъ въ разумъ, пьяню,
И губы къ губамъ я маню.
Гдѣ Хмѣль, — тамъ сейчасъ обниматься,
Гдѣ Хмѣль, — тамъ браниться и драться,
А чуть кто отъ Хмѣлю проспится, —
Мириться, и въ Хмѣлѣ дружиться.
Хмѣля кому же не знать, —
Велика, велика моя рать!

Былъ только лихъ на меня
Садовникъ, сурьезный мужикъ.
Вотъ онъ пришелъ среди дня —
Больно работать привыкъ —
По саду ходитъ, гуляетъ,
Борозды всюду копаетъ,
Соломою ихъ застилаетъ.
Тутъ-то я, Хмѣль, загадалъ,
По тычиночкѣ вверхъ подавался,
По тычинкѣ легко побѣжалъ,
Надъ сурьезнымъ надъ нимъ посмѣялся, —
Какъ ударится въ тынъ головой,
Какъ взмахнется да въ грязь бородой.
Такъ-то, братъ, эдакъ вѣрнѣе,
Будешь теперь похмѣльнѣе.
Кто на Хмѣля возсталъ, берегись: —
Сверху падаютъ — такъ таки внизъ!

ЗАГОВОРЪ ЛЮБОВНЫЙ.

Въ чисто поле я пойду,
Рѣчь съ Вѣтрами поведу:—
Вѣтры, Вихори, скорѣй,
Дайте власть мечтѣ моей,
Буйны Вихори, яруйте,
По всему вы свѣту дуйте,
Распаляте, разожгите,
Дѣву красную сведите
Вы со мной,
Душа съ душой,
Тѣло съ тѣломъ,
Онѣмѣлымъ,
Плоть же съ плотью,
Хоть же съ хотью,
Поскорѣй,
Вѣтры, къ радости моей,
Счастья ради, страсти ради,
День въ ея зажгите взглядѣ,
Вы въ ея мечтахъ повѣйте,
Разогрѣйте, разомлѣйте,
Вы въ ея застыньте слухѣ,
Не сроните словъ присухи
Ни на воду, ни на лѣсъ,
Ни на землю — силенъ Бѣсъ:—

Въ воду сроните — вода
Вся изсохнетъ навсегда,
Въ лѣсъ — такъ лѣсъ шумѣть не станетъ,
Лѣсъ засохнетъ, лѣсъ повянетъ,
А на землю — міръ сгоритъ,
Все горя, возговоритъ: —
Вѣтры, Вихори, яруйте,
Только насъ скорѣй задуйте,
А присуху поскорѣй
Къ милой мчите, будьте съ ней,
Вы снесите, положите
Этотъ пламень въ сердце ей,
Въ тѣло бѣлое, живое,
Въ сердце дѣвы ретивое,
Въ хоть и плоть,
Въ хоть и плоть!—

Въ чистомъ полѣ есть криница,
Въ чистомъ полѣ Чаровница,
Печь горитъ, а на печи
Кипь кипитъ, прядетъ лучи,
Кипь кипитъ, перекидаетъ,
Все горитъ, перегораетъ,
Сохнетъ, сохнетъ на огнѣ,—
Такъ бы дѣва обо мнѣ
Ретивымъ своимъ кипѣла,
Кровью жгучею горѣла,
Безъ меня бы не умѣла
Ни забыться, ни любить,
Безъ меня ни жить, ни быть!

ЗАГОВОРЪ СЕМИ ВѢТРОВЪ.

Въ чисто поле я пошелъ,
Въ чисто поле я пришелъ,
На Востокъ я поглядѣлъ,
На Востокѣ камень бѣлъ,
На Востокѣ камень алъ,
Семь я братьевъ повстрѣчалъ,
Семь я братьевъ, семь Вѣтровъ
Вопрошалъ напѣвомъ словъ: —
Семь вы братьевъ, Вѣтровъ буйныхъ,
Семь вы Вѣтровъ многоструйныхъ,
Вы вблизи, и вы вдали,
Вы теперь куда пошли?
— Шли мы въ чистыя поля,
Бродимъ, колосъ шевеля,
Шли въ широкія раздолья,
Шли въ лѣса, гдѣ пни и колья,
Шли туда, гдѣ косятъ травы,
Рубятъ лѣсъ, искать забавы,
Гдѣ распахана земля,
Гдѣ въ продольностяхъ поля.—
— Вы подите, семь Вѣтровъ,
Соберите съ блѣдныхъ вдовъ
Всю ихъ жгучую тоску,
Слезъ текучую рѣку,

За одинъ возьмите счетъ
Всѣ тоски у всѣхъ сиротъ,
Всѣ ихъ вбросьте вы въ нее,
Сердце кто томитъ мое,
Въ ней зажгитесь вдвое, втрое,
Распалите ретивое,
Кровь горячую пьяня,
Чтобъ возжаждала меня,
Чтобъ отъ этой жгучей жажды
Разгорѣлась не однажды,
Чтобы ей неможно быть,
Безъ меня ни ѣсть, ни пить,
Чтобъ скучала, замѣчала,
Что дышать ей стало мало,
Какъ горящимъ въ часъ бѣды,
Или рыбѣ безъ воды,
Чтобы бѣгала, искала,
Страха Божія не знала,
Не боялась ничего,
Не стыдилась никого,
И въ уста бы цѣловала,
И руками обнимала,
И какъ вьется хмѣль средь дня,
Такъ вилась бы вкругъ меня.

ЗАГОВОРЪ НА ТРИДЦАТЬ ТРИ ТОСКИ.

Тамъ на морѣ Океанѣ,
Тамъ на островѣ Буянѣ,
Свѣтитъ камень Алатырь,
А кругомъ и даль и ширь.
На огнѣ тамъ есть доска,
На доскѣ лежитъ тоска,
Не одна тоска, смотри,
Не одна, а тридцать три.
И мечутся тоски,
Кидаются тоски,
И бросаются тоски,
Вдоль дороги, вдоль рѣки.
Черезъ всѣ пути-дороги,
Черезъ горы крутороги,
Перепутьемъ и путемъ,
Мчатся ночью, мчатся днемъ.
Дѣва смотритъ вдоль рѣки,
Вы мечитесь къ ней, тоски,
Къ дѣвѣ кинь тесь вы, тоски,
Опрокиньтесь вы, тоски,
Кинь тесь въ очи, бросьтесь въ ликъ,
Чтобы міръ въ глазахъ поникъ,
И въ сахарныя уста,
Чтобъ страдала красота.

Чтобы молодецъ былъ ей
Свѣта бѣлаго милѣй,
Чтобы Солнце ослѣпилъ,
Чтобы Мѣсяцемъ ей былъ.
Такъ, не помня ничего,
Чтобъ плясала для него,
Чтобы тридцать три тоски
Были въ пляскѣ позвонки.
Чтобъ кидалася она,
И металася она,
И бросалася она,
И покорна, и нѣжна.

ЗАГОВОРЪ КРАСНОЙ ДѢВИЦЫ.

Съ темной зарею, съ вечерней зарею,
Спать я ложилась, заря закатилась,
Было темнымъ темно.
Вставала я съ утренней красной зарею,
Умывалась я свѣжей водой ключевою,
Было свѣтлымъ свѣтло.
Изъ двери во дверь, изъ воротъ воротами,
Пошла я дорогой, сухими путями,
До Моря, гдѣ островъ на немъ.
Отъ Моря смотрѣла, а Море горѣло,
На поле смотрѣла, и въ полѣ узрѣла:—
Стоитъ Семибашенный Домъ.
Пою я, и вижу, подъ слово напѣва:—
Тамъ Красная Дѣва, тамъ ясная дѣва
На креслѣ сидитъ золотомъ.
Твердитъ заговоры, на скорби, недуги,
И стала молить я о миломъ, о другѣ,
Вошла въ Семибашенный Домъ.
Сердцемъ смирилась, до ногъ поклонилась,
Вотъ, говорю, я къ Могучей явилась,
Ты мнѣ съ моимъ помоги.
Чарой скрути призороки, недуги,
Злыя шептанья, намеки, испуги,
Все, что готовятъ враги.
Все за двѣнадцатью спрячь ты замками,

Красная Дѣва, будь ласкова съ нами,
Въ Море ключи опусти.
Бѣлая рыбица пусть ихъ проглотитъ,
Всѣ пусть двѣнадцать ключей не воротитъ,
Дай намъ любить и цвѣсти.
Съ темной зарею, съ вечерней зарею,
Пусть онъ смѣется со мною одною,
Будетъ темнымъ темно.
Съ утренней мглою, съ красной зарею,
Пусть онъ подольше помедлитъ со мною,
Будетъ свѣтлымъ свѣтло.

ЗАГОВОРЪ МАТЕРИ.

Разрыдалась я во теремѣ родительскомъ высокомъ,
Съ красной утренней зари
Въ чисто поле, въ тосковань одинокомъ,
Все смотря, смотря, какъ въ Небѣ, въ тучкахъ таютъ янтари,
Досидѣлася до поздней до вечерней я зари,
До сырой росы, въ бѣдѣ,
Стало ясно и звѣздисто, стало тихо такъ вездѣ.
Не взмилилось мнѣ о дитяткѣ тоской себя крушить,
Гробовую я придумала тоску заговорить.
Чашу брачную взяла я, со свѣчою обручальной,
Въ чисто поле я пошла,
Я достала платъ вѣнчальный,
Въ студенцѣ загорномъ, чистомъ, зачерпнувъ, воды взяла,
Призорочною чертою
Очертилась я въ лѣсу,
Подъ Луною молодою
Я надъ свѣжею водою
Слово молвлю о дитяти, чтобъ сберечь его красу.

Вотъ надъ чашей этой брачной,
Надъ водой ключа прозрачной,
Предъ свѣчою обручальной,
Разстеливши платъ вѣнчальный,
Чисто личико я мою,
И свѣчу своей свѣчою,

Той единою, вѣнчальной,
Чтобъ не быть душѣ—печальной,
Утираю платомъ бѣлымъ,
Завѣщаю: Вѣкъ будь смѣлымъ,
Будь весеннихъ дней милѣе,
Солнца яснаго свѣтлѣе,
Ненаглядный мой, любя,
Отвожу я отъ тебя:—
Духа страшнаго, сѣдого,
Вѣтра, Вихоря ночного,
Домовыхъ и водяныхъ,
Одноглазыхъ лѣшихъ злыхъ;—
Змѣя огненнаго знаю,
Отъ него предохраняю,
И отъ Кіевской отъ злой
Вѣдьмы, съ Муромской сестрой;—
И отъ Ворона лихого,
Отъ Кощея, и отъ слова
Чернокнижника-волхва,
Чьи захватисты слова;—
Отъ русалки отъ моргуньи,
И отъ той Яги-колдуньи,
И отъ знахаря-слѣпца
Будь сохраненъ до конца.
Пусть въ ночи и въ полуночи
У тебя не меркнутъ очи,
Пусть въ дорогѣ и пути
Знаешь ты, куда идти.
Будь сокрытъ отъ скорби страстной,
И отъ смерти отъ напрасной,
Отъ враговъ и отъ бѣды,
Отъ огня и отъ воды.
А какъ часъ твой смертный глянетъ,
Пусть твой разумъ воспомянетъ
Про того, въ тебѣ чья кровь,

Про мою къ тебѣ любовь.
Ты на родину вернися,
Съ кровнымъ, съ близкимъ распростися,
И къ сырой землѣ прильни,
Непробуднымъ сномъ засни.
Слово то, что я сказала,
Живо съ самаго начала,
И сильнѣе, чѣмъ Вода,
Да пребудетъ навсегда.
Кто перечить мнѣ захочетъ,
Кто морочитъ, узорочитъ,
Пусть узорчанье его
Возвратится на него.
Пусть въ свои впадетъ узоры,
И за древнія за горы
Пусть вѣдунъ напрасный тотъ
Въ Преисподнюю сойдетъ.

ЗАГОВОРЪ ОХОТНИКА.

Засвѣтло всталъ я,
Лицо умывалъ я,
И въ двери иду изъ дверей,
Изъ воротъ я иду въ ворота,
Въ чисто поле, къ дремучему лѣсу, гдѣ между вѣтвей
Днемъ темнота.
А изъ лѣсу дремучаго, темнаго,
Изъ лѣсу огромнаго,
Двадцать бѣгутъ ко мнѣ дьяволовъ, сатананловъ, лѣсныхъ,
И двадцать иныхъ,
Пѣшіе, конные, черные, бѣлые,
Низкіе,
Близкіе,
Страшные видомъ, а сами несмѣлые,
Сатананлы, и дьяволы, стали они предо мной,
На опушкѣ лѣсной.
Сатананлы, и лѣшіе, дьяволы странные,
Низкіе, близкіе, темные,
Плоско-огромные,
И вы, безъимянные,
Видомъ иные,
На островъ идите,
Звѣрей мнѣ гоните,
Въ мои западни поставныя,

Ночныя, вечорнія, утреннія,
И полуденныя, и полуночныя,
Идите, гоните,
Остановите,
Въ моихъ западняхъ примкните!

ЗАГОВОРЪ НА УТИХАНІЕ КРОВИ.

Два брата камень сѣкутъ,
Гдѣ два брата, и кровь есть тутъ.
Двѣ сестры въ окошко глядятъ,
Двѣ свекрови въ воротахъ стоятъ.
Ты, свекоръ, воротись,
А ты, кровь, утолись.
Ты, сестра, отворотись,
А ты, кровь, уймись.
Ты, братъ, смирись,
А ты, кровь, запрись.
Кровь бѣжитъ, братъ дрожитъ,
Братъ дрожитъ, братъ бѣжитъ,
Сестра кричитъ, свекоръ ворчитъ.
А это слово крѣпко будь,
Чтобъ кровь идти забыла путь,
Чтобъ кто ушелъ, пришелъ назадъ,
Сестра къ сестрѣ, и къ брату братъ.

ЗАГОВОРЪ НА ПУТЬ-ДОРОГУ.

Ѣду я изъ поля въ поле, поле въ поле, и луга,
Долгъ путь, и нѣтъ мнѣ друга, всюду чувствую врага.
По вечернимъ ѣду зорямъ, и по утренней зарѣ,
Умываюся росою въ раноутренней порѣ.
Утираюсь яснымъ солнцемъ, облекаюсь въ облака,
Опоясался звѣздами, и свѣтла моя тоска.
О, свѣтла тоска, какъ слезы, звѣзднымъ трепетомъ жива,
Ѣду полемъ, въ чистомъ полѣ Одолень ростетъ трава.
Одолень-траву сорвалъ я, ей на сердцѣ быть, цвѣти,
Дѣлай легкой путь-дорогу, будь подмогой мнѣ въ пути.
Одолѣй высоки горы, долы, топи, берега,
Темны чащи, темны думы, тайну темнаго врага.
Чтобъ рука не поднималась, замышляющая зло,
Чтобы въ совѣсти вспѣненной стало тихо и свѣтло,
Чтобы зеркаломъ холоднымъ въ даль душа могла взглянуть,
Чтобъ съ цвѣткомъ, съ цвѣткомъ у сердца, равномѣрно мѣрить путь.

ЗАГОВОРЪ ОТЪ ЧЕРНОЙ НЕМОЧИ.

Птица летитъ за моря,
Звѣрь за лѣса убѣгаетъ,
Дерево въ дерево, искра въ огонь ускользаетъ, горя,
Желѣзо въ руду, свою мать, земля въ Мать-Землю вникаетъ,—
Такъ, Черная немочь, не мучай души,
Не мучь и усталаго тѣла,
Въ черную тьму, въ непроглядную Ночь поспѣши,
Въ пропасть, гдѣ Ночь безъ предѣла.
Оставь Человѣка, недугъ,
Уйдите, болѣсти, хворобы,
Уныніе, приступы злобы,
Всѣ корчи, которыя узятъ, кривятъ мірозданія кругъ.
Да не будутъ умы какъ угрюмые гробы,
Свѣтъ да войдетъ въ бытіе,
Слово велико мое,
Въ словѣ моемъ Человѣкъ воплощаетъ желанье свое!

ЗАГОВОРЪ ГРОМОВЪ.

Громъ съ Востока означаетъ изобиліе во всемъ,
Громъ съ Полудня—лѣто тепло, но созрѣнье яблокъ трудно,
Громъ отъ Запада—такъ лѣто будетъ скудное дождемъ,
Громъ съ Полуночи—такъ лѣто будетъ сѣверно и скудно.
Громъ съ Полуночи—замкнись въ холодномъ царствіи своемъ,
Громъ отъ Запада—слюбися съ влажной тучей обоюдно,
Громъ съ Полудня—въ честь твою мы сокъ изъ яблокъ винный пьемъ,
Громъ съ Востока, Громъ съ Полудня—гряньте въ мірѣ многочудно.

ЗАГОВОРЪ ОТЪ СГЛАЗА.

Богъ, избавь отъ глаза насъ,
Защити на слабый часъ,
Сохрани отъ чернаго,
Сѣро-голубого,
Ласковаго, злого,
Желтаго, укорнаго,
Синяго, нѣмого,
Отъ зеленолистнаго,
Горько-ненавистнаго,
Лживаго, завистнаго,
Яснаго, лихого,
Женскаго, мужского,
И отъ полуночнаго,
Отъ совсѣмъ безсрочнаго,
Отъ непостижимаго,
Намъ неощутимаго,
Но неотвратимаго,
Богъ, избавь отъ глаза насъ,
Въ глазѣ жизнь—и смертный часъ.

ЗАГОВОРЪ ПРОТИВЪ СМЕРТИ.

Начертивши ножомъ
Круговую черту,
Углемъ ее обведя,
И зажженной лучиной какъ глазомъ змѣинымъ глядя,
Въ полночасьи ночномъ,
И зажженной лучиной, сосновой, отрѣзанный кругъ свой святя,
Озаряя свою круговую черту,
И въ молчаньи узоры заклятья, узоры проклятья плету.
Смерть заклинаю,—не бѣлую,—черную,
Желтую, сѣрую, красную,
Смерть я зову, отвергаю,
Зарокъ налагаю
На рабыню подвластную,
Смерть, уходи,
Въ сказку мою, въ сказку жизни узорную,
Смерть, не гляди,
Смерть заклинаю я красную,
Отъ убійства, безчасную,
Смерть заклинаю я черную,
Отъ безчестья, позорную,
Смерть заклинаю я желтую, Смерть пожелтѣвшую,
Съ жизнью живущую, съ жизнью отъ лѣтъ ослабѣвшею,
Смерть заклинаю ползучую, сѣрую,
Мутною тучей встающую,

Чтобъ закрыть, заслонить Красоту съ жизнелюбящей вѣрою,
Сѣро-гнетущую,
Самую тяжкую, самую въ жизняхъ обычную,
Соки въ расцвѣтностяхъ пьющую,
Тяжесть кошмарныхъ повторностей, тускло ростущую,
Съ силой дневной, ежедневной, недѣльной, годичною,
Въ плоскости все забывающей, краски стирающей,
Счета не знающей,
Счета не знающей,
Незнакомой съ какой бы то ни было мѣрою,
Смерть заклинаю я сѣрую,—
Чтобъ въ садъ мой, въ расцвѣтной различности дней,
Когда я прослушаю пѣснь полнозвонности,
Когда охвачу всѣ предѣлы я,—
Въ своей непреклонности,
Въ освѣжительной силѣ своей,
Пришла ко мнѣ, бѣлая, бѣлая,
Та, въ нагорной одеждѣ, что Смертью зовется, равно, межь людей,
Но кого я Свободой, и Новою Жизнью зову въ многострунностяхъ
пѣсни моей.

ЗАГОВОРЪ ОТЪ МЕТАЛЛОВЪ И СТРѢЛЪ.

За горами за дольними
Тамъ Небо беззвѣздное,
За горами за дольними
Есть Море желѣзное.
Путь въ Морѣ безслѣдный,
Есть въ Морѣ столбъ мѣдный,
На столбѣ томъ чугунный Пастухъ,
Отъ всѣхъ онъ живыхъ вдали,
До Неба тотъ столбъ отъ Земли,
На Востокъ и на Западъ чугунный Пастухъ
Говоритъ, размышляя велухъ.
У того Пастуха убѣдителенъ видъ,
Онъ, заповѣдуя, дѣтямъ своимъ говоритъ:—
Желѣзу, булату, синему, красному,
Мѣди и стали,
Свинцу,
Сéребру, золоту, цѣнному камню прекрасному,
Стрѣламъ и пищали,
Борцамъ зауряднымъ, кулачнымъ, и чудо-борцу,
Великій даетъ имъ завѣтъ:—
Вы всѣ, увидавшіе свѣтъ,
Желѣзо, каменья, свинецъ,
Другіе металлы, узнайте теперь свой конецъ,
Въ мать свою Землю сокройтесь, въ глубины Молчанья великаго,

Въ безгласную Ночь,
Отъ лица свѣтлоликаго
Прочь!
Пищалямъ, кинжалу, ножу, топору—
Кровавую кончить игру,
Пусть на лукѣ застынетъ навѣкъ тетива.
Крѣпче кольчуги и тверже булата
Воля, что сжата
Въ эти слова,
Я ихъ замыкаю замками, и ключъ
Бросаю подъ Камень горючъ,
На дно,
Въ желѣзное Море. Да будетъ отнынѣ рѣшенье мое свершено!

ЗЫБИ ГЛУБИННЫЯ.

ЗНАКЪ: ГОРНЫЙ ХРУСТАЛЬ.

Солнечный свѣтъ, проходя черезъ горный хрусталь, зажигаетъ огонь, который издревле зовется священнымъ огнемъ.

Орфей.

МЕЖДУ ОГНЕМЪ И ВОДОЙ.

Море съ Землей говорило:
Въ комъ изъ насъ наибольшая сила?
Земля отвѣчала вулканомъ: Во мнѣ.
Но хохотъ раздался въ морской глубинѣ.
Земля обожгла всѣ приморскія страны,
Но въ Морѣ подводные вскрылись вулканы,
Въ огнѣ.
И въ Мексикѣ есть не одинъ Геркуланумъ,
Но сволъ ли кто счетъ всѣмъ потопленнымъ странамъ,
На днѣ?

Море съ Землей говорило:
Что же, въ комъ наибольшая сила?
Земля отвѣчала чуть слышно: Во мнѣ.
И цвѣтокъ въ предвечерней расцвѣлъ тишинѣ.
Море цвѣтка не достало,
Но вѣрить въ побѣду земную не стало.
И тучку родила морская вода,
И въ тучкѣ жемчужная свѣтитъ звѣзда.

ВЪ НАЧАЛѢ ВРЕМЕНЪ.

Славянское сказаніе.

Въ началѣ временъ
Вездѣ было только лишь Небо да Море.
Лишь дали морскія, лишь дали морскія, да свѣтлый бездонный
вкругъ нихъ небосклонъ.
Въ началѣ временъ
Богъ плавалъ въ ладьѣ, въ безпріютномъ, въ безбрежномъ просторѣ,
И было повсюду лишь Небо да Море.
Ни лѣса, ни травки, ни горъ, ни полей,
Ни блеска очей, Міръ—безъ сновъ, и ничей.
Богъ плавалъ, и видитъ—густая великая пѣна,
Тамъ Кто-то лежитъ.
Тотъ Кто-то невѣдомый тайну въ себѣ сторожитъ,
Названіе тайной мечты—Перемѣна,
Не видно ея никому,
Въ нѣмой сокровенности—дѣйственно-страшная сила,
Но Морю и Небу значеніе пѣны въ то время невидимо было.
Богъ видитъ Кого-то, и лодку направилъ къ нему.
Невѣдомый смотритъ изъ пѣны, какъ будто бы что запримѣтилъ.
„Ты кто?“—вопрошаетъ Господь.
Причудливо этотъ безвѣстный отвѣтилъ:—
„Есть Плоть, надлежащая Духу, и Духъ, устремившійся въ Плоть.
Кто я, разскажу. Но начально
Возьми меня въ лодку свою“.

Богъ молвилъ: „Иди". И протяжно затѣмъ, и печально,
Какъ будто бы издали голосъ раздался вступившаго съ Богомъ въ ладью:—
„Я Дьяволъ".—И молча тѣ двое поплыли,
Въ своей изначальной столь разнствуя силѣ.
Весло, разрѣзая, дробило струю.
Тѣ двое, тѣ двое.
Кругомъ—только Небо да Море, лишь Море да Небо нѣмое.
И Дьяволъ сказалъ: „Хорошо если бъ твердая встала Земля,
Чтобъ было намъ гдѣ отдохнуть". И весломъ шевеля,
Богъ вымолвилъ: „Будетъ. На дно опустись ты морское,
Пригоршню песку набери тамъ во имя мое,
Сюда принеси, это будетъ Земля, Бытіе".
Такъ сказалъ, и умолкъ въ совершенномъ покоѣ.
А Дьяволъ спустился до дна,
И въ Морѣ глубокомъ,
Сверкнувши въ низинахъ тревожнымъ возжаждавшимъ окомъ,
Двѣ горсти песку онъ собралъ, но во имя свое, Сатана.
Онъ выплылъ ликуя, играя,
Взглянулъ—ни песчинки въ рукѣ,
Взглянулъ, подивился—сводъ Неба предъ этимъ сіялъ и синѣлъ вдалекѣ,
Теперь—отодвинулась вдвое и втрое надъ нимъ высота голубая.
Онъ снова къ низинамъ нырнулъ.
Впервые на Морѣ былъ бѣшеный гулъ,
И Небо содвинулось, дальше еще отступая,
Какъ будто хотѣло сокрыться въ бездонностяхъ, прочь.
Приблизилась первая Ночь.
Вотъ Дьяволъ опять показался. Шумнѣй онъ дышалъ и свободнѣй.
Въ рукѣ золотилися зерна песку,
Изъ бездны взнесенныя ввысь, во имя десницы Господней.
Изъ каждой песчинки—Земли создалось по куску.
И было Земли ровно столько, какъ нужно,
Чтобъ рядомъ улечься обоимъ имъ дружно.
Легли.

Къ Востоку одинъ, и на Западъ другой.
Несчетныя звѣзды возникли вдали,
Надъ бездной морской,
Жемчужно.
Былъ страненъ, нежданенъ во влажностяхъ гулъ.
Богъ спалъ, но не Дьяволъ. Богъ крѣпко заснулъ.
И сталъ его Темный толкать потихоньку,
Толкать полегоньку,
Чтобъ въ Море упалъ онъ, чтобъ въ Безднѣ Господь потонулъ.
Толкнетъ—а Земля на Востокѣ все шире,
На Западъ толкнетъ—удлинилась Земля,
На Югъ и на Сѣверъ—мелькнули поля,
Все ярче созвѣздья въ раздвинутомъ Мірѣ,
Все шире на Морѣ ночная Земля.
Все больше, грознѣе. Гудятъ водопады.
Чернѣютъ провалы разорванныхъ горъ.
Гдѣ-жь Богъ? Онъ межъ звѣздъ, тамъ, гдѣ звѣздъ миріады!

И врагъ ему Дьяволъ съ тѣхъ поръ.

ГЛУБИННАЯ КНИГА.

Восходила отъ Востока туча сильная, гремучая,
Туча грозная, великая, какъ жизнь людская—длинная,
Выпадала вмѣстѣ съ громомъ Книга Праотцевъ могучая,
Книга-Исповѣдь Глубинная,
Тучей брошенная къ намъ,
Растянулась, распростерлась по равнинамъ, по горамъ.
Долины та Книга будетъ—описать ее нельзя,
Поперечина - помѣряй, истомитъ тебя стезя,
Буквы, строки—чащи лѣса, расцвѣченные кусты,
Эта Книга—изъ глубинной безпричинной высоты.
Къ этой Книгѣ ко божественной,
Въ день великій, въ часъ торжественный,
Соходились сорокъ мудрыхъ и царей,
Сорокъ мудрыхъ, и несчетность разномыслящихъ людей.
Царь Всеславъ до этой Книги доступается,
Съ нимъ вѣдунъ-пѣвецъ подходитъ Свѣтловзоръ,
Передъ ними эта книга разгибается,
И глубинное писанье расцвѣчается,
Но не полно означается узоръ.
Велика та Книга—взять такъ не поднять ее,
А хотя бы и поднять—такъ не сдержать ее,
А ходить по ней—не выходить картинную,
А читать ее—прочесть ли тьму глубинную.
Но вѣдунъ подходитъ къ Книгѣ, Свѣтловзоръ,

И подходитъ царь Всеславъ, всепобѣдительный,
Духъ у нихъ, какъ и у всѣхъ, въ тѣлесный скрытъ цвѣтной уборъ,
Но другимъ всѣмъ не въ примѣръ горитъ въ нихъ свѣтъ нездѣшній, длительный.
Царь Славянскій вопрошаетъ, отвѣчаетъ Свѣтловзоръ.
„Отчего у насъ зачался бѣлый вольный свѣтъ,
Но доселѣ, въ долги годы, въ людяхъ свѣта нѣтъ?
Отчего у насъ горитъ Солнце красное?
Мѣсяцъ свѣтелъ серебритъ Небо ясное?
Отчего сіяютъ ночью звѣзды дружныя,
А при звѣздахъ все жь глубоки ночи темныя?
Зори утренни, вечернія—жемчужныя?
Дробенъ дождикъ, вѣтры буйные—бездомные?
Отчего у насъ умъ-разумъ, помышленія?
Міръ-народъ, какъ Море, сумрачный всегда?
Отчего всей нашей жизни есть круженіе?
Наши кости, наше тѣло, кровь-руда?“

И вѣдунъ со взоромъ свѣтлымъ тяжело дышалъ,
Передъ Книгою Глубинной онъ отвѣтъ царю держалъ.

„Бѣлый свѣтъ у насъ зачался отъ хотѣнья Божества,
Отъ великаго всемірнаго Воленія.
Люди жь темны оттого, что воля свѣта въ нихъ мертва,
Не хотятъ въ душѣ разслышать вѣчность пѣнія.
Солнце красное—отъ Божьяго пресвѣтлаго лица,
Мѣсяцъ свѣтелъ—отъ Божественной серебряной мечты,
Звѣзды частыя—отъ ризъ его, что блещутъ безъ конца,
Ночи темныя—отъ Божьихъ думъ, отъ Божьей темноты.
Зори утренни, вечернія—отъ Божьихъ жгучихъ глазъ,
Дробенъ дождикъ—отъ великихъ, отъ повторныхъ слезъ его,
Буйны вѣтры оттого, что есть у Бога вѣщій часъ,
Неизбѣжный часъ великаго скитанья для него.
Разумъ нашъ и помышленья—отъ высокихъ облаковъ,

Міръ-народъ—отъ тѣни Бога, свѣтотѣнь живетъ всегда,
Нѣтъ конца и нѣтъ начала—оттого нашъ кругъ вѣковъ,
Камень, Море—наши кости, наше тѣло, кровь-руда".

И Всеславъ, желаньемъ властвовать и знать всегда томимъ,
Свѣтловзора вопрошалъ еще, была бесѣда длинная.
Книгу Бездны, въ чьи листы мы каждый день и часъ глядимъ,
Онъ сполна хотѣлъ прочесть, забылъ, что Бездна—внѣпричинная,
И на вѣчность, на одну изъ многихъ вѣчностей, предъ нимъ
Заперлась, хотя и свѣтитъ, Книга-Исповѣдь Глубинная.

МОРЕ ВСѢХЪ МОРЕЙ.

Къ литургіи шелъ сильный царь Волотъ,
Все прослушалъ онъ, во дворецъ идетъ.
Но вопросъ въ душѣ не одинъ горитъ.
Говоритъ съ нимъ царь, мудрый царь Давидъ.
„Ты ужь спрашивай, сильный царь Волотъ,
На любой вопросъ умъ отвѣтъ найдетъ".
И бесѣда шла отъ царя къ царю.
Такъ приводитъ ночь для людей зарю.—
„Гдѣ начало дней? Гдѣ всѣхъ дней конецъ?
Городамъ какой городъ есть отецъ?
Кое древо—мать всѣмъ древамъ земнымъ?
Кою травамъ мать мы опредѣлимъ?
И какой старшой камень межъ камней?
Птица между птицъ? Звѣрь между звѣрей?
Рыба между рыбъ? Озеро озеръ?
Море всѣхъ морей? Всѣхъ степей просторъ?"
Такъ-то вопрошалъ сильный царь Волотъ,
Мудрый царь Давидъ рѣчь въ отвѣтъ ведетъ.—
„Гдѣ начало дней, тамъ и дней конецъ,
Ихъ связалъ въ одно вышній нашъ Отецъ.
Свѣтъ идетъ во тьму, тьма ведетъ во свѣтъ,
Большее понять—разума въ насъ нѣтъ.
Городъ городовъ—строится въ умахъ,
Радость въ немъ—свѣча, свѣтъ во всѣхъ домахъ,

Тамъ сады для всѣхъ, всѣ цвѣты есть въ немъ,
Водоемы бьютъ, съ башней каждый домъ.
Кипарисъ есть мать всѣмъ древамъ земнымъ,
Кипарисъ родитъ благовонный дымъ,
Въ часъ, какъ духъ у насъ посвященъ мольбамъ,
Ѳиміамъ его дышетъ въ храмахъ намъ.
А всѣмъ травамъ мать есть плакунъ-трава,
Потому что грусть въ ней всегда жива,
И приходитъ годъ, и уходитъ годъ,
А въ плакунъ-травѣ все слеза цвѣтетъ.
Камень камнямъ всѣмъ—огневой рубинъ,
Въ немъ святая кровь, въ немъ пожаръ глубинъ,
Передъ тѣмъ какъ новь распахать для насъ,
Нужно сжечь лѣса въ самый жаркій часъ.
Птица птицамъ всѣмъ есть морской Стратимъ,
Взоръ его—огонь, а перо—какъ дымъ,
Онъ крыломъ своимъ обнимаетъ міръ,
Всѣхъ живыхъ зоветъ на всемірный пиръ.
Звѣрь звѣрей земныхъ есть единорогъ,
На скрещеньи онъ всѣхъ земныхъ дорогъ,
И куда нейди, все придешь къ нему,
И узнаешь свѣтъ, миновавши тьму.
Рыба между рыбъ китъ есть исполинъ,
Возлюбившій ночь и исподъ глубинъ,
Двухъ сыновъ родилъ исполинскій китъ,
И на нихъ на трехъ весь нашъ міръ стоитъ.
Озеро—отецъ всѣхъ земныхъ озеръ—
Есть зеркальный кругъ между снѣжныхъ горъ,
Кто на высь взойдетъ, глянетъ въ тотъ затонъ,
Весь увидитъ міръ какъ одинъ сонъ.
Степь степей земныхъ, Море всѣхъ морей—
Въ помыслахъ людскихъ, въ сердцѣ у людей,
Кто въ зеркальный кругъ заглянулъ въ мечтѣ,
Вѣчно онъ въ степи, въ Морѣ, въ Красотѣ".

ВИДѢНІЕ ЦАРЯ ВОЛОТА.

Былъ великъ тотъ день, и свѣтла заря,
Какъ сошлись у насъ сорокъ два царя.
Всѣхъ могуче былъ свѣтлый царь Волотъ,
А вторымъ за нимъ царь Давидъ идетъ.
И сказалъ Волотъ: „Ой цари людей!
Что вамъ видѣлось въ темнотѣ ночей?
Вы повѣдайте, чѣмъ вашъ сонъ живетъ?“—
Но молчатъ цари. И рече Волотъ:—
„А мнѣ снилося, и таковъ мой сонъ.
Будто свѣтъ горитъ намъ со всѣхъ сторонъ,
Отъ Востока всталъ, и зажегъ весну,
Свѣторусскую озарилъ страну.
И съ полуденной стороны, свѣтло,
Древо-золото до Небесъ взошло,
А на деревѣ кречетъ-бѣлъ сидитъ,
А въ ногахъ его позвонокъ звенитъ.
Кто изъ васъ, цари, изъяснитъ мнѣ сонъ?“—
И сказалъ Давидъ, былъ онъ царь ученъ:—
„Государь ты нашъ, первый царь Волотъ,
Сонъ твой сбудется, сонъ твой жизни ждетъ.
Солнца красный свѣтъ, алый лучъ весны—
То начальный Градъ для родной страны.
Свѣторусская возгоритъ земля,
Кровью вскормятся всѣ луга-поля.

Какъ восточныя облака горятъ,
Городамъ земнымъ вспыхнетъ первый Градъ,
Свѣторусскій Градъ, гдѣ не будетъ тьмы,
Гдѣ блеснутъ сердца, возгорятъ умы,
Древо-золото—тѣхъ умовъ оплотъ,
Тѣхъ сердецъ расцвѣтъ, что свѣтло цвѣтетъ.
Кречетъ-бѣлъ на немъ—бѣлизна души,
Позвонокъ всѣмъ намъ говоритъ: Спѣши,
Поспѣшите всѣ, всѣхъ зоветъ тотъ звонъ,
Въ насъ да сбудется златоцвѣтный сонъ".—
И задумались сорокъ два царя,
И раскинулась широко заря,
И свѣтло горитъ первый царь Волотъ,
И во всѣ края жаркій свѣтъ идетъ.

ТРИ НЕБА.

Три Неба вѣдали прапрадѣды мои,
Индійцы, слившіе лукавый умъ Змѣи
Съ великой кротостью въ превратномъ бытіи.

И Небо первое сіяетъ бѣлизной,
Второе—синею недвижною волной,
А третье—золотомъ, безсмертьемъ, глубиной.

По Небу первому проходятъ облака,
По Небу синему въ моря идутъ вѣка,
Даль Неба вѣчнаго для слова высока.

Мы млекомъ облачнымъ питаемъ дѣтскій глазъ,
Лазурь застывшая усталыхъ нѣжитъ насъ,
А свѣтъ безсмертія цѣлуетъ въ смертный часъ.

И если золото бездонной высоты
Неописуемо въ словахъ людской мечты,
Все жь сердцу вѣдомо, что тамъ цвѣтутъ цвѣты.

Асватта-дерево, основа всѣхъ міровъ,
Ростетъ развѣсисто, не вѣдая вѣтровъ,
Кругомъ Вселенная—одинъ безмѣрный ровъ.

Съ Асватты капаетъ амрита, свѣжій медъ,
Въ зеленыхъ вѣчностяхъ цѣлебность травъ цвѣтетъ,
И солнца новыя здѣсь зачинаютъ ходъ.

Двѣ птицы вѣщія сидятъ вверху всегда,
Одна изъ нихъ клюетъ румяный цвѣтъ плода.
Другую разглядѣть нельзя намъ. Никогда.

ЧЕРНОБЫЛЬ.

Шелъ наймитъ въ степи широкой,
Видитъ чудо: Стая змѣй
Собралась, свилась, какъ лента, какъ драконъ зеленоокій,
Въ кругъ сложилась океанскій переливчатыхъ огней,
Въ средоточьи, на свирѣли, колдовалъ имъ чародѣй.
И наймитъ, повѣря чуду, что свершалося воочью,
Подошелъ къ свирѣли звонкой, къ змѣевому средоточью,
Къ чаровавшему, въ безбрежномъ, степь и воздухъ, колдуну.
Змѣи искрились, свивались,
Звуки флейты раздавались,
Цѣпи дня позабывались,
Сонъ слагался, утончая длинно-свѣтлую струну.
И наймитъ, хотя былъ темнымъ,
И несвѣдущимъ въ вещахъ,
Увидалъ себя въ огромномъ
Морѣ, Морѣ всеединомъ, слившемъ день и ночь въ волнахъ.
И наймиту чудно стало,
Умножались чудеса.
Степь сіяньемъ изумруднымъ говорила, гулъ рождала,
И отъ травки къ каждой травкѣ возникали голоса.
И одна изъ травъ шептала, какъ быть вольнымъ отъ болѣсти,
И другая говорила, какъ всегда быть молодымъ,
Какъ любить и быть любимымъ, какъ избѣгнуть лютой мести,
И еще, еще, и много, возникали тайновѣсти,
И всходилъ какъ будто къ Небу изумрудно-свѣтлый дымъ.

Въ скудномъ сердцѣ у наймита
Было радостно-легко.
Океанское раздолье было счастіемъ повито,
И пѣвучій звукъ свирѣли разносился далеко.
Такъ бы вѣчно продолжалось, счастье видится воочью
Подходящимъ въ звукахъ пѣсни къ змѣевому средоточью,
Да на-грѣхъ наймитъ склонился, вырвалъ стебель чернобыль,
Приложилъ къ губамъ тотъ стебель — и внезапно все сокрылось,
И наймитъ лишь степь увидѣлъ — лишь въ степи предъ нимъ крутилась,
И, кружася, уносилась та же, та же, та же пыль.

НАВОЖДЕНІЕ.

Владимірское преданіе.

Жилъ старикъ со старухой, и былъ у нихъ сынъ,
Но мать прокляла его въ чревѣ.
Дьяволъ часто бываетъ надъ нашею волей сполна властелинъ,
А женщина, сына проклявшая,
Силу слова не знавшая,
Часто бывала въ слѣпящемъ сознаніе гнѣвѣ.
Если Дьяволъ попуталъ, лишь Богъ тутъ поможетъ одинъ.
Сынъ все же у этой безумной родился,
Выросъ большой, и женился.
Но онъ не былъ какъ всѣ, въ дни когда онъ былъ малъ.
Правда, шутилъ онъ, игралъ, веселился,
Но минутами слишкомъ задумчивъ бывалъ.
Онъ не былъ какъ всѣ, въ день когда онъ женился.
Правда, весь свѣтлый онъ былъ подъ вѣнцомъ,
Но что-то въ немъ есть нелюдское—мать говорила съ отцомъ.
И точно, жену онъ любилъ, съ ней онъ спалъ,
Ласково съ ней говорилъ,
Да, любилъ,
И любился,
Только по свадьбѣ-то вскорости вдругъ онъ безъ вѣсти пропалъ.
Искали его, и молебны служили,
Нѣтъ его, словно онъ въ воду упалъ.
Дни миновали, и мѣсяцы смѣну временъ сторожили,

Мѣняли одежду лѣсовъ и долинъ.
Гдѣ онъ? Нечистой то вѣдомо силѣ.
И если Дьяволъ попуталъ, тутъ Богъ лишь поможетъ одинъ.

Въ дремучемъ лѣсу стояла сторожка.
Зашелъ ночевать туда нищій старикъ,
Чтобъ въ лачугѣ пустой отдохнуть хоть немножко,
Хоть на часъ, хоть на мигъ.
Легъ онъ на печку. Вдругъ конскій послышался топотъ.
Ближе. Вотъ кто-то слѣзаетъ съ коня.
Въ сторожку вошелъ. Помолился. И слышится жалостный шопотъ:
„Богъ суди мою матушку—прокляла до рожденья меня!“
Удаляется.
Утромъ нищій въ деревню пришелъ, къ старику со старухой на дворъ.
„Ужь не вашъ ли сынокъ“, говоритъ, „объявляется?“
И старикъ собрался на дозоръ,
На развѣдку онъ въ лѣсъ отправляется.
За печкой, въ сторожкѣ, онъ спрятался, ждетъ.
Снова невѣдомый кто-то въ сторожку идетъ.
Молится. Сѣтуетъ. Молится. Шепчетъ. Дрожитъ, какъ видѣнье.
„Богъ суди мою мать, что меня прокляла до рожденья!“
Сына старикъ узнаетъ.
Выскочилъ онъ. „Ужь теперь отъ тебя не отстану!
Насилу тебя я нашелъ. Мой сынокъ! Ахъ, сынокъ!“ говоритъ.
Странный у сына безмолвнаго видъ.
Молча глядитъ на отца. Ждетъ. „Ну, пойдемъ“. И выходятъ навстрѣчу туману,
Теплому, зимнему, первому въ зимней ночи предъ весной.
Сынъ говоритъ: „Ты пришелъ? Такъ за мной!“
Сѣлъ на коня, и поѣхалъ куда-то.
И тѣмъ же отецъ поспѣшаетъ путемъ.
Прорубь предъ ними, онъ въ прорубь съ конемъ,
Такъ и пропалъ, безъ возврата.
Тамъ, гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ.

Старикъ постоялъ-постоялъ возлѣ проруби, тускло мерцавшей при мартовской желтой Лунѣ.
Домой воротился.
Говоритъ помертвѣвшей женѣ:
„Сына сыскалъ я, да выручить трудно, нашъ сынъ подо льдомъ очутился.
Живетъ онъ въ водѣ, между льдинъ.
Что̀ намъ подѣлать? Разъ Дьяволъ попуталъ, тутъ Богъ лишь поможетъ одинъ“.
Ночь наступила другая.

Въ полночь, въ лѣсную сторожку старуха, вздыхая, пошла.
Вьюга свистѣла въ лѣсу, не смолкая,
Вьюга была и сердита и зла,
Плакалась, точно у ней—и у ней—есть на сердцѣ кручина.
Спряталась мать, поджидаетъ,—увидитъ ли сына.
Снова и снова. Сошелъ онъ съ коня.
Снова и снова молился съ тоскою.
„Мать, почему жь прокляла ты меня?“
Снова копыто, подковой звеня,
Мѣрно стучитъ надъ замерзшей рѣкою.
Искрятся блестки на льду.
„Такъ. Ты пришла. Такъ иди же за мною“.
„Сынъ мой, иду!“
Прорубь страшна. Конь со всадникомъ скрылся.
Мартовскій мѣсяцъ въ высотахъ свѣтился.
Мать содрогнулась надъ прорубью. Стынетъ. Горитъ какъ въ бреду.
„Сынъ мой, иду!“ Но какою-то силой
Словно отброшена, вьюжной дорогою къ дому идетъ.
Мѣсяцъ зловѣщій надъ влажной разъятой могилой
Золотомъ матовымъ краситъ студености водъ.

Призракъ! Какую-то душу когда-то съ любовью ты назвалъ здѣсь милой!
Третья приблизилась полночь. Кто третій къ сторожкѣ идетъ?

Мать ли опять? Или, можетъ, какая старуха святая?
Старый ли снова отецъ?
Нѣтъ, наконецъ,
Это жена молодая.
Раньше пошла бы—не смѣла, ждала
Старшихъ, чередъ соблюдая.
Ночь молчала, свѣтла,
Съ Мѣсяцемъ порваннымъ, словно глядящимъ,
Внизъ, къ этимъ снѣжно-бѣлѣющимъ чащамъ.
Топотъ. О, топотъ! Весь міръ пробужденъ
Этой звенящей подковой!
Онъ! Неужели же онъ!
„Милый! Желанный! Мой прежній! Мой новый!"
„— Милая, ты?"—„Я, желанный!"—„За мной!"
„— Всюду!"—„Такъ въ прорубь".—„Конечно, родной!
Въ рай или въ адъ, но съ тобою.
О, не съ чужими людьми!"
„— Падай же въ воду, а крестъ свой сними".
Мѣсяцъ былъ весь золотой надъ пустыней Небесъ голубою.
Въ безднѣ глубокой, въ подводномъ дворцѣ, очутились и мужъ и жена.
Прорубь высоко-высоко сіяетъ, какъ будто вѣнецъ. И душѣ поневолѣ
Жутко и сладко. На льдяномъ престолѣ
Свѣтлый предъ ними сидитъ Сатана.
Призраки возлѣ различные свѣтятся зыбкой и блѣдной толпою.
„Кто здѣсь съ тобою?"
„— Любовь. Мой законъ".
„— Если законъ, такъ изыди съ нимъ вонъ.
Намъ нарушать невозможно закона".

Въ это мгновеніе, въ музыкѣ звона,
Въ гулѣ весеннихъ ликующихъ силъ,
Льды разломились.
Мартовскій Мѣсяцъ побѣдно свѣтилъ.
Милый и милая вмѣстѣ вверху очутились.

Звѣзды отдѣльныя въ небѣ надъ ними свѣтились,
Словно мерцанья церковныхъ кадилъ.
Вѣяло теплой весною.
Звоны и всплески неслись отъ расторгнутыхъ льдинъ.
„О, наконецъ я съ тобой!“—„Наконецъ ты со мною!“

Если попутаетъ Дьяволъ, такъ Богъ лишь поможетъ одинъ.

ТАЙНА СЫНА И МАТЕРИ.

Тайной скрыты всѣ рожденья,
Тайной скрыта наша смерть.
Богъ, спаси отъ искушенья,
И возьми насъ послѣ смерти въ голубую твердь.

Вотъ, выходитъ мать изъ терема, и вся она—кручина,
Чернымъ шелкомъ обвила она дитя, родного сына,
Положила на корабликъ, и пустила на Дунай.
„Уплывай, судьба, въ безвѣстность. Горе! Дитятко, прощай".
Чтобы страшнаго избѣгнуть, по волнамъ дитя пустила,
Обливаяся горючими слезами, говорила:—
„Ахъ, ты тихій Дунай,
Ты сыночка принимай,
Ты корабликъ этотъ новый потихоньку колыхай.
А ты, быстрая вода,
Будь ему сестрой всегда.
А ты, желтый песокъ,
Береги его, какъ золото не разъ ты уберегъ.
Вы, лѣса, вы не шумите,
Мово сына не будите".
Плачетъ мать. И будетъ плакать. Жаль ребенка своего.
Страшный рокъ ей былъ предсказанъ. Ускользнетъ ли отъ него?

Двадцать лѣтъ прошло, неполностью. До тихаго Дуная

За водой вдова изъ терема выходитъ молодая.
Пристаетъ корабль, на палубѣ красивый молодецъ,
Онъ рѣкой, лѣсами выхоленъ, зовутъ его Донецъ.
„Эй пригожая вдова, куда идешь ты?“—„За водою“.
„Любишь ты Донца, скажи мнѣ? Обвѣнчаешься со мною?“
„Я люблю Донца, красивъ онъ. Обвѣнчаюся съ Донцомъ“.
Вотъ сидятъ. Вино и медъ тутъ. Были, были подъ вѣнцомъ.
То, что тайно, станетъ явно. Незабвенные есть знаки.
Горекъ медъ, вино не пьяно. Боль огнемъ горитъ во мракѣ.
„Что же это? Какъ же это? Какъ же быть на свѣтѣ намъ?
Мать, поди и утопися. Я же въ лѣсъ пойду къ звѣрямъ“.

Полно, темные. Постойте, сердцу больно.
Нѣтъ вины на васъ, когда вина невольна.
Если страшное вамъ было суждено,
Помолитесь, канетъ темное на дно.
А Дунай течетъ, до Моря убѣгая,
И Дунаю мать родная—глубь морская.
Изъ морей рѣка по каплѣ собралась,
До морей идутъ всѣ рѣки въ должный часъ.

Ахъ, Дунай ты, Дунай,
Ты меня не потопляй,
Плачу я, мое ты горе потихонечку качай.
А ты, свѣтлая вода,
Будь душѣ сестрой всегда.
А ты, желтый песокъ,
Золотись въ свой должный срокъ.
А вы, темные лѣса,
Вы шумите, говорите, ухожу я въ Небеса.
Всѣмъ они открыты намъ,
Есть скончанье всѣмъ путямъ.
Міръ, прощай.
Ахъ, Дунай ты, Дунай, тихій плещущій Дунай!

ГОРЕ.

Въ воскресенье матушка замужъ отдала,
Въ понедѣльникъ Горе привязалось къ ней.
„Ты скажи мнѣ, матушка, какъ избѣгнуть зла?
Горе привязалося, помоги скорѣй.
Я отъ Горя спрячуся въ темные лѣса,
Тамъ поютъ привольные птичьи голоса“.
Горе вслѣдъ бѣжитъ за ней, Горе говоритъ:
„Лѣсъ срублю, тебя найду. Чу, какъ лѣсъ шумитъ“.
„—Ты скажи мнѣ, матушка, мнѣ куда идти?
Можетъ, я въ поляхъ смогу свой уютъ найти?“
Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говоритъ:
„Всѣ поля серпомъ прижну, рожь не защититъ“.
„—Ты скажи мнѣ, матушка, гдѣ укрыться мнѣ?
Я пойду въ зеленый лугъ, онъ цвѣтетъ во снѣ“.
Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говоритъ:
„Я скошу зеленый лугъ, лугъ измѣнитъ видъ“.
„—Ты скажи мнѣ, матушка, какъ развѣять тьму?
Въ теремъ я высокъ пойду, спрячусь въ терему“.
Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говоритъ:
„Теремъ я высокъ зажгу, теремъ твой сгоритъ“.
„—Ты скажи мнѣ, матушка, гдѣ же скрыться мнѣ?
Въ горы я круты пойду, скроюсь въ вышинѣ“.
Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говоритъ:
„Я червемъ совьюсь, не твердъ предъ червемъ гранитъ“.

„—Ты скажи мнѣ, матушка, гдѣ же отдыхъ мнѣ?
Въ землю я сыру пойду, скроюсь въ глубинѣ“.
Горе вслѣдъ идетъ за ней, заступомъ стучитъ,
Стало, разсмѣялося, ростъ, говоритъ:
„Дочь моя родимая, я тебѣ вѣдь мать,
Ты сумѣла, доченька, горе горевать“.

ДОБРЫНЯ И СМЕРТЬ.

Поѣхалъ Добрыня въ домашнюю сторону. Закручинился. Хочетъ домой.

Попадалася Смерть на дорогѣ престрашная. Говоритъ, покачавъ головой:—

„Полно ѣздить по свѣту, и кровь лить напрасную, кровь невинную въ мірѣ струить“.

А Добрыня ей: „Ты-то кто? Царь ли, царевичъ ли? Иль изволишь ты витяземъ быть?“

Отвѣчаетъ ему: „Я не царь, не царевичъ я, и не витязь. Я страшная Смерть“.

„—Ай ты страшная Смерть, какъ мечомъ я взмахну своимъ, твою голову вскину на твердь!“

„—Эй Добрыня, поспѣй съ бѣлымъ свѣтомъ проститися, выну пилья, засвѣтятъ, звеня,

Подсѣку, эти пилья—невиданно-острыя, подсѣку, упадешь ты съ коня“.

Тутъ взмолился Добрыня: „Ой Смерть ты престрашная! Дай мнѣ сроку на годъ и на два,

За грѣхи попрощаться, за силу убитую, и о крови промолвить слова“.

„—Я не дамъ тебѣ воли на часъ на единственный“.—„Дай же сроку на этотъ лишь часъ“.

„—На минуту одну, на минуту не дамъ его“.—И минута иная зажглась.

Подсѣкла она молодца страшными пильями, и еще, и еще подсѣкла.

И упалъ тутъ Добрыня съ коня изумленнаго. И душа изъ Добрыни ушла.

СТИХЪ О ГОРѢ.

Отчего ты, Горе, зародилося?
Зародилось Горе отъ земли сырой,
Изъ-подъ камня сѣраго явилося,
Подъ ракитой спало подъ сухой.
Встало Горе, въ лапти пріобулося,
И въ рогожку Горе пріодѣлося,
Повязалось лыкомъ, усмѣхнулося,
И близь добра молодца усѣлося.
Смотритъ, видитъ молодецъ: не скроешься.
Сѣрымъ зайцемъ въ поле устремляется.
„Стой, постой", тутъ Горе усмѣхается,
„Въ западнѣ моей", молъ, „успокоишься".
Да, не такъ легко отъ Горя скроешься.
Онъ въ рѣку уходитъ рыбой-щукою.
„Будетъ неводъ молодцу наукою,
Въ частой сѣти скоро успокоишься".
Смотритъ, видитъ молодецъ: не скроешься.
Въ лихорадку онъ, да во постелюшку.
„Полежи, ты день лежи, недѣлюшку,
Полежишь въ горячкѣ, успокоишься".
Смотритъ, что жь, и въ бредѣ не укроешься?
Застоналъ тутъ молодецъ въ лихой тоскѣ.
Знать, одинъ есть отдыхъ—въ гробовой доскѣ.

Горе заступъ взяло: „Успокоишься“.
Жизнь возникла, жизнь въ землѣ сокрылася.
Тутъ и все. А Горе усмѣхается.
Изъ-подъ камня сѣраго родилося.
Снова къ камню сѣрому склоняются.

СТИХЪ ПРО ОНИКУ ВОИНА.

Это было въ оно время, по ту сторону временъ.
Жилъ Оника, супротивника себѣ не вѣдалъ онъ,
Что хотѣлося ему, то и дѣялось,
И всегда во всемъ душа его надѣялась.
Такъ вотъ разъ и обсѣдлалъ онъ богатырскаго коня,
Выѣзжаетъ въ чисто поле пышноликое,
Ужаснулся, видитъ, стрѣчу, словно сонъ средь бѣла дня,
Не идетъ—не ѣдетъ чудо, надвигается великое.
Голова у чуда-дива человѣческая,
Вся повадка, постать-стать какъ будто жреческая,
А и тулово у чуда-то звѣриное,
Сильны ноги, и копыто лошадиное.
Сталъ Оника къ чуду рѣчь держать, и чудо вопрошать:
„Кто ты? Царь или царевичъ? Или какъ тебя назвать?"
Колыхнулася поближе тѣнь ужасная,
Словно туча тутъ повѣяла холодная:
„Не царевичъ я, не царь, я Смерть прекрасная,
Безпосульная, безстрастная, безродная.
За тобою".—Тутъ онъ силою булатною
Замахнулся, и на Смерть заноситъ мечъ,—
Отлетѣлъ ударъ дорогою обратною,
Мечъ упалъ, и силы нѣтъ въ размахѣ плечъ.
„Дай мнѣ сроку на три года, Смерть прекрасная",
Со слезами тутъ взмолился Воинъ къ ней.

„На три мѣсяца, три дня“—мольба напрасная—
„Три минутки“.—Счетъ составленъ, роспись дней.
Больше нѣтъ ни лѣтъ, ни мѣсяцевъ, ни времени,
Ни минутки, чтобъ другой нарядъ надѣть.
Будетъ. Палъ Оника Воинъ съ гуломъ бремени.
Палъ съ коня. Ему мы будемъ память пѣть.

ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА РУСИ.

То не вѣтры въ Небѣ слеталися,
То не тучи въ Небѣ сходилися,
Наши витязи въ бой собиралися,
Наши витязи съ недругомъ билися.
Какъ со всею-то волей охотною
Развернули размашистость рьяную,
Потоптали дружину несчетную,
Порубили всю силу поганую.
Стали витязи тутъ похвалятися,
Неразумно въ побѣдѣ смѣятися,
Что, молъ, плечи могутны все биться хотятъ,
Кони добрые не уходилися,
И мечи-то ихъ не притупилися,
Намъ нездѣшнюю силу давай, говорятъ,
И съ нездѣшнею силой мы справимся,
Да и такъ ли мы съ ней позабавимся.
Только слово такое промолвилъ одинъ,
Какъ явилися двое воителей,
Только двое, не полчище вражьихъ дружинъ,
Но воителей, не говорителей.
И воскликнули: „Вступимте, витязи, въ бой,
Пусть васъ семеро, насъ только двое“.
Не узнали воителей витязи, въ этой минутѣ слѣпой,
Разгорѣлося сердце въ груди ретивое,
Жажда биться—въ крови горяча.
Налетѣлъ тутъ одинъ на воителей, свѣтятъ глаза огневые,
Разрубилъ пополамъ ихъ, съ плеча,

Стало четверо ихъ, всѣ четыре—живые.
Налетѣлъ тутъ другой, и испробовалъ силу меча,
Разрубилъ пополамъ, стало восьмеро ихъ, всѣ—живые.
Налетаетъ тутъ третій, и очи горятъ огневые,
Разрубилъ пополамъ молодецкимъ ударомъ съ плеча,
Стало вдвое ихъ больше, идутъ, всѣ идутъ, всѣ—живые.
Тутъ всѣ витязи бросились эту дружину рубить,
Размахнутся—гдѣ недруги, вдвое имъ быть,
Надвигаются, грозно-нѣмые.
И безвѣстная сила ростетъ и ростетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
И не столько ужь витязи борются тутъ,
Какъ ихъ добрые кони копытами бьютъ.
А безвѣстная рать все ростетъ и ростетъ,
Все на бьющихся витязей съ боемъ идетъ.
Разростаются силы, и грозны, и жутки.
Бились витязи ровно три дня, три часа, три минутки,
Намахалися плечи могутныя ихъ,
Притупились мечи ихъ булатные,
Уходилися кони въ разбѣгахъ своихъ,
Утомили удары возвратные.
А безвѣстная рать все ростетъ и ростетъ,
Все на бьющихся витязей съ боемъ идетъ.
Испугались бойцы тутъ могучіе,
Побѣжали къ горамъ,
Побѣжали къ пещерамъ, къ ущельямъ, гдѣ чащи дремучія,
Подбѣжитъ одинъ витязь къ горѣ—и останется тамъ,
Каменѣетъ,
Подбѣгаетъ другой—и, какъ камень, причтется къ камнямъ,
Третій, всѣ,—подбѣжитъ изумленный—нѣмѣетъ.
Съ этихъ поръ на Руси уже болѣе витязей нѣтъ,
Съ этихъ поръ въ сумракъ горъ углубиться не всякій посмѣетъ,
Страненъ глыбъ ихъ узоръ, и таинственный свѣтъ
Надъ провалами часто бѣлѣетъ.

ЗАГАДКА.

Что безъ крылъ летитъ?
Что безъ ногъ бѣжитъ?
Безъ огня горитъ?
И безъ ранъ болитъ?
Вѣтры буйные,
Туча грозная,
Солнце ясное,
Сердце страстное.
Вѣтры вольные,
Тучи черныя,
Солнце красное,
Сердце страстное.

Что, безъ крылъ летя,
Безъ огня свѣтя,
Всѣхъ громовъ сильнѣй,
Всякихъ ранъ больнѣй?
О, не буйные
Вѣтры съ тучами,
И не ясное
Солнце красное.
О, не буйные
Вѣтры съ тучами,—
Сердце страстное,
Въ буряхъ властное.

ТРИ СЕСТРЫ.

Были когда-то три страстныя,
Были три вѣщихъ Сестры.
Старшую звали Ласкавицей,
Среднюю звали Плясавицей,
Младшую звали Летавицей,
Жили они для игры.
Жили они для веселія,
Взять, заласкать, заплясать.
Что жь, говорятъ, въ самомъ дѣлѣ я
Сердце-то буду вязать?
Такъ говорили. И съ каждою
То же все было одно:
Взманятъ, замучаютъ жаждою,
Бросятъ на самое дно.
Умъ заласкаетъ Ласкавица,
Пляской закружитъ Плясавица,
Въ летѣ, въ полетѣ Летавица
Души закрутитъ въ звено.
Но отъ игранья безпечнаго
Рокъ имъ велѣлъ отойти.
Въ Небѣ, у самаго Млечнаго,
Въ Вѣчность потока, Пути,
Свѣтятъ три звѣздочки малыя,
Вѣкъ имъ быть въ мѣстѣ одномъ,

Вѣчно они запоздалыя,
Возлѣ Пути, но не въ немъ.
Звѣзды дорогою Млечною
Быстро бѣгутъ и бѣгутъ,
Въ новую жизнь, безконечную,
Эти же вѣчно все тутъ.
Свѣтятся Сестры-Красавицы,
Да, но на мѣстѣ одномъ,
Въ собственной сѣти Лукавицы,
Возлѣ Пути, но не въ немъ.

НѢЖНЫЯ ЗОРИ.

Близь потока могучаго звѣздъ,
Разметавшихся въ Небѣ какъ мостъ,
Что до Вѣчности тянется въ Море,
Возлѣ млечныхъ сіяній пути,
Гдѣ приходится мертвымъ идти,
Свѣтятъ звѣздочки—Дѣвичьи Зори.
Эти звѣздочки свѣтятъ для глазъ
Не минуту, не годъ, и не часъ,
Нѣтъ, все время, покуда есть очи.
И не млечный, не бѣлый въ нихъ свѣтъ,
И не мертвымъ дорога онъ, нѣтъ,
Хоть и мертвому путь съ нимъ короче.
Изумруднымъ и алымъ огнемъ,
Голубымъ и опаловымъ сномъ,
Въ Мірѣ—міръ, эти звѣздочки въ Морѣ.
И они никуда не ведутъ,
Но, коль нѣженъ ты, вотъ, они тутъ,
Эти вольныя Дѣвичьи Зори.

ЧЕТЫРЕ ИСТОЧНИКА.

Въ нѣкомъ краѣ, блестками богатомъ,
Протекаетъ шесть и шесть ключей,
Млекомъ, медомъ, серебромъ, и златомъ,
Въ вѣчномъ свѣтѣ огненныхъ лучей.
Бѣлый, желтый, и блестяще-бѣлый,
Ярко-желтый, рдяные ключи,
Въ этомъ краѣ ландышъ онѣмѣлый
Пьетъ, не прячась, жаркіе лучи.
Въ этомъ краѣ, блестками богатомъ,
Лютикъ влажный свѣтитъ цѣлый годъ,
Совмы лилій дышутъ ароматомъ,
Пышнымъ сномъ подсолнечникъ цвѣтетъ.
Цѣлый день поютъ и вьются пчелы,
Ночью свѣтятъ стаи лебедей.
Въ этотъ праздникъ, свѣтлый и веселый,
Входитъ тотъ, кто любитъ свѣтъ лучей.

РѢШЕНІЕ МѢСЯЦЕВЪ.

Славянская сказка.

Мать была. Двухъ дочерей имѣла,
И одна изъ нихъ была родная,
А другая падчерица. Горе—
Предъ любимой—нелюбимой быть.
Имя первой—гордое, Надмена,
А второй—смиренное, Маруша.
Но Маруша все жь была красивѣй,
Хоть Надмена и родная дочь.
Цѣлый день работала Маруша,
За коровой приглядѣть ей надо,
Комнаты прибрать подъ звуки брани,
Шить на всѣхъ, варить, и прясть, и ткать.
Цѣлый день работала Маруша,
А Надмена только наряжалась,
А Надмена только издѣвалась
Надъ Марушей: Ну-ка, ну еще.
Мачиха Марушу поносила:
Чѣмъ она красивѣй становилась,
Тѣмъ Надмена все была дурнѣе,
И рѣшили двѣ Марушу сжить.
Сжить ее, чтобъ красоты не видѣть,
Такъ рѣшили эти два урода,
Мучили ее—она терпѣла,

Били—все красивѣе она.
Разъ, средь зимы, Падменѣ наглой,
Пожелалось вдругъ имѣть фіалокъ.
Говоритъ она: „Ступай, Марушка,
Принеси пучокъ фіалокъ мнѣ.
Я хочу заткнуть цвѣты за поясъ,
Обонять хочу цвѣточный запахъ".
—„Милая сестрица"—та сказала,
„Развѣ есть фіалки средь снѣговъ!"
—„Тварь! Тебѣ приказано! Еще ли
Смѣешь ты со мною спорить, жаба?
Въ лѣсъ иди. Не принесешь фіалокъ,—
Я тебя убью тогда. Ступай!"
Вытолкала мачиха Марушу,
Крѣпко заперла за нею двери.
Горько плача, въ лѣсъ пошла Маруша,
Снѣгъ лежалъ, слѣдовъ не оставлялъ.
Долго по сугробамъ, въ лютой стужѣ,
Дѣвушка ходила, цѣпенѣя,
Плакала, и слезы замерзали,
Вѣтеръ словно гналъ ее впередъ.
Вдругъ въ дали Огонь ей показался,
Свѣтъ его ей зовомъ былъ желаннымъ,
На гору взошла она, къ вершинѣ,
На горѣ пылалъ большой костеръ.
Камни вкругъ Огня, числомъ двѣнадцать,
На камняхъ двѣнадцать свѣтлоликихъ,
Трое—старыхъ, трое—помоложе,
Трое—зрѣлыхъ, трое—молодыхъ.
Всѣ они вокругъ Огня молчали,
Тихо на Огонь они смотрѣли,
То двѣнадцать Мѣсяцевъ сидѣли,
А Огонь имъ разно колдовалъ.
Выше всѣхъ, на самомъ первомъ мѣстѣ
Былъ Ледень, съ сѣдою бородою,

Волосы—какъ снѣгъ подъ свѣтомъ луннымъ,
А въ рукахъ изогнутый былъ жезлъ.
Подивилась, собралася съ духомъ,
Подошла и молвила Маруша:
„Дайте, люди добры, обогрѣться,
Можно ль сѣсть къ Огню? Я вся дрожу".
Головой серебряно-сѣдою
Ей кивнулъ Леденъ: „Садись, дѣвица.
Какъ сюда зашла? Чего ты ищешь?"
—„Я ищу фіалокъ", былъ отвѣтъ.
Ей сказалъ Леденъ: „Теперь не время.
Снѣгъ вездѣ лежитъ".—„Сама я знаю.
Мачиха послала и Надмена.
Дай фіалокъ имъ, а то убьютъ".
Всталъ Леденъ и отдалъ жезлъ другому,
Между всѣми былъ онъ самый юный.
„Братецъ Мартъ, садись на это мѣсто".
Мартъ взмахнулъ жезломъ поверхъ Огня.
Въ тотъ же мигъ Огонь блеснулъ сильнѣе,
Началъ таять снѣгъ кругомъ глубокій,
Вдоль по вѣткамъ почки показались,
Изумруды травъ, цвѣты, весна.
Межъ кустами зацвѣли фіалки,
Было ихъ кругомъ такъ много, много,
Словно голубой коверъ постлали.
„Рви скорѣе!" молвилъ Мѣсяцъ Мартъ.
И Маруша нарвала фіалокъ,
Поклонилась кругу Свѣтлоликихъ,
И пришла домой, ей дверь открыли,
Запахъ нѣжный всюду разлился.
Но Надмена, взявъ цвѣты, ругнулась,
Матери понюхать протянула,
Не сказавъ сестрѣ: „И ты понюхай".
Ткнула ихъ за поясъ, и опять.
„Въ лѣсъ теперь иди за земляникой!"

Тотъ же путь, и Мѣсяцы все тѣ же,
Благосклоненъ былъ Леденъ къ Марушѣ,
Сѣлъ на первомъ мѣстѣ братъ Іюнь.
Выше всѣхъ Іюнь, красавецъ юный,
Сѣлъ, поверхъ Огня жезломъ повѣялъ,
Тотчасъ пламя подиялось высоко,
Стаялъ снѣгъ, одѣлось все листвой.
По верхамъ деревья зашептали,
Лѣсъ отъ пѣнья птицъ сталъ голосистымъ,
Запестрѣли цвѣтики-цвѣточки,
Наступило лѣто,—и въ травѣ
Бѣленькія звѣздочки мелькнули,
Точно кто нарочно ихъ насѣялъ,
Быстро переходятъ въ землянику,
Созрѣваютъ, много, много ихъ.
Не успѣла даже оглянуться,
Какъ Маруша видитъ гроздья ягодъ,
Всюду словно брызги красной крови,
Земляника всюду на лугу.
Набрала Маруша земляники,
Услаждались ею двѣ лѣнтяйки.
„Ѣшь и ты", Надмена не сказала,
Яблокъ захотѣла, въ третій разъ.
Тотъ же путь, и Мѣсяцы все тѣ же,
Братъ Сентябрь возсѣлъ на первомъ мѣстѣ,
Онъ слегка жезломъ костра коснулся,
Ярче запылалъ онъ, снѣгъ пропалъ.
Вся Природа грустно посмотрѣла,
Листья стали падать отъ деревьевъ,
Свѣжій вѣтеръ гналъ ихъ надъ травою,
Надъ сухой и желтою травой.
Не было цвѣтовъ, была лишь яблонь.
Съ яблоками красными. Маруша
Потрясла—и яблоко упало,
Потрясла—другое. Только два.

„Ну, теперь иди домой скорѣе“,
Молвилъ ей Сентябрь. Дивились злыя.
„Гдѣ ты эти яблоки сорвала?“
—„На горѣ. Ихъ много тамъ еще.“
„Почему жь не принесла ты больше?
Вѣрно все сама дорогой съѣла!“
—„Я и не попробовала яблокъ.
Приказали мнѣ домой идти.“
—„Чтобъ тебя сейчасъ убило громомъ!“
Дѣвушку Надмена проклинала.
Съѣла красный яблокъ.—„Нѣтъ, постой-ка,
Я пойду, такъ больше принесу.“
Шубу и платокъ она надѣла,
Снѣгъ вездѣ лежалъ въ лѣсу глубокій,
Все жь наверхъ дошла, гдѣ тѣ Двѣнадцать.
Мѣсяцы глядѣли на Огонь.
Прямо подошла къ костру Надмена,
Тотчасъ руки грѣть, не молвивъ слова.
Строгъ Леденъ, спросилъ: „Чего ты ищешь?
—„Что еще за спросъ?“ она ему.
„Захотѣла, ну и захотѣла,
Ишь сидитъ, какой, подумать, важный,
Ужь куда иду, сама я знаю“.
И Надмена повернула въ лѣсъ.
Посмотрѣлъ Леденъ—и жезлъ приподнялъ.
Тотчасъ сталъ Огонь горѣть слабѣе,
Небо стало низкимъ и свинцовымъ,
Снѣгъ пошелъ, не шелъ онъ, а валилъ.
Засвисталъ по вѣткамъ рѣзкій вѣтеръ,
Ужь ни зги Надмена не видала,
Чувствовала—члены коченѣютъ,
Долго дома мать ее ждала.
За ворота выбѣжитъ, посмотритъ,
Поджидаетъ, нѣтъ и нѣтъ Надмены,
„Яблоки ей вѣрно приглянулись,

Дай-ка я сама туда пойду."
Время шло, какъ снѣгъ, какъ хлопья снѣга.
Въ домѣ все Маруша пріубрала,
Мачиха нейдетъ, нейдетъ Надмена.
„Гдѣ онѣ?" Маруша сѣла прясть.
Смерклось на дворѣ. Готова пряжа.
Дѣвушка въ окно глядитъ отъ прялки.
Звѣздами надъ ней сіяетъ Небо.
Въ свѣтломъ снѣгѣ мертвыхъ не видать.

ЖЕРНОВА.

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.

Литовская пѣсня.

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Вы, мысли, разрѣшайтесь
Въ пѣвучія слова.
Въ душѣ есть тоже зерна,
И долго и упорно
Таятся зерна тѣ
Въ душевной темнотѣ.

Но мракъ души не вѣченъ,
Восходятъ зеленя.
О, милый, ты отмѣченъ
Тамъ въ сердцѣ у меня.
Вотъ стебли зеленѣютъ,
Желтѣютъ и полнѣютъ,
Густѣетъ ихъ толпа,
И мирно ждетъ серпа.

Красиво жнется нива,
Красивъ склоненный жнецъ.

О, все въ тебѣ красиво,
И мой ты наконецъ.
Лежатъ снопы рядами,
Блестятъ они предъ нами,
Наполнены воза,
Любуются глаза.

Вы, зерна, возвращайтесь,
Ужъ мельница жива.
Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Безъ друга, молодая,
На мельницѣ была я,
Вдвоемъ зерно дроблю,
Люблю тебя, люблю.

КОЛОСЪ.

Рекъ Атлантъ: „Пшеничный колосъ—даръ Венеры, какъ пчела,
Съ высоты Звѣзды Вечерней власть Звѣзды ихъ принесла.“
Даръ блистательной Венеры—нѣжный хлѣбъ и желтый медъ.
И колосья золотятся, и въ лугахъ пчела поетъ.
Въ пышноцвѣтной Атлантидѣ, межъ садовъ и пирамидъ,
Слышу я, пшеничный колосъ, тамъ въ вѣкахъ, въ вѣкахъ шумитъ.
Вижу я равнины Майи, и Халдейскія поля,
Ширь предгорій Мексиканскихъ, Перу, дышетъ вся Земля.
Тамъ пшеничныя колосья, тяжелѣя, смотрятъ внизъ,
Тамъ агавы змѣйно свѣтятъ, желтый свѣтится маисъ.
И они даны, быть-можетъ, намъ небесной вышиной,
Но ржаной, ржаной нашъ колосъ—достовѣрно онъ земной.
Нашъ земной, и мой родной онъ, шелестящій въ тишинѣ,
Между Сѣверныхъ селеній безъ конца поющій мнѣ.
О Славянской нашей долѣ, что не красочна въ вѣкахъ,
Но раздольна, и хрустальна въ непочатыхъ родникахъ.
О Славянской нашей думѣ, что идетъ со дна души,
И поетъ, какъ этотъ колосъ, въ храмѣ Воздуха, въ тиши.
Въ безконечныхъ, ровныхъ, скорбныхъ предрѣшеніяхъ судебъ,
Темныхъ, да, какъ кладъ подземный, нужныхъ намъ, какъ черный хлѣбъ.
Нужныхъ намъ, какъ шелестящій колосъ, колосъ нашъ ржаной.
Чтобы міръ не разставался съ тайной чарой, намъ родной.

ЛЕНЪ.

Странный сонъ мнѣ ночью снился: будто всюду ленъ,
Голубое всюду поле въ синевѣ временъ.

Нѣжно-малые цвѣточки, каждый живъ, одинъ,
Каждый, въ малости, создатель міровыхъ глубинъ.

Всѣ цвѣтки глядятъ, и взоръ ихъ—въ сторонѣ одной,
И смущеніе и радость овладѣли мной.

Вотъ проходитъ зыбь морская, зыбь морского сна,
Здѣсь и тамъ свѣтло мелькаетъ въ Морѣ бѣлизна.

Что-то будто бы хоронятъ и святятъ цвѣты,
Въ посвященьи кто-то стонетъ, стелются холсты.

Кто-то былъ, и измѣнился, и кого то нѣтъ,
Жизнь и смерть въ цвѣточкѣ каждомъ, и лазурный свѣтъ.

Каждый, въ малости, создатель голубого сна,
Синей зыбью снова дышетъ, шепчетъ глубина.

И безбрежно такъ и нѣжно всюду въ мірѣ ленъ,
Голубое всюду поле въ синевѣ временъ.

ЗАРИНА.

По-санскритски Тамара—Вода,
Массагетская диво-царица Томирисъ есть Дочь Океана,
А владычица Сакскихъ степей есть Зарина, Заря,
Что всегда
Достовѣрна надъ зыбью тумана,
Достовѣрною волей тверда,
Хоть и нѣжно сіяетъ, горя,
Какъ сіяютъ снѣга на вершинахъ, цвѣты, и каменья, и пѣна,
Какъ сіяла, сіяетъ, и будетъ сіять,
Лунный камень, Елена,
Лунный Эллинскій сонъ, и Троянскій, и нашъ, до скончанія дней,
Роковая печать
Тѣхъ, кто въ счастье влюбленъ,
Тѣхъ, въ комъ Агни, Огонь, созиданье, свѣтящійся, красочный сонъ,
Тѣхъ, чьи мысли—безбрежность морей,
Роковая печать
Для поющей, для огненной, плещущей, думы предвѣчной моей.

ЖИВАЯ ВОДА.

ЗН КЪ: КРАСНЫЙ РУБИНЪ.

Карбункулъ, иначе красный рубинъ, иначе ликъ или цвѣтъ огня, отъ Солнца имѣетъ даръ свѣтить въ темнотѣ, и быть надлежащимъ оружіемъ противъ отравы.

Жанъ де ля Тай де Бондаруа.

ВОЛХЪ.

Мы Славяне—дѣти Волха, а отецъ его—Словенъ,
Мы всегда какъ будто тѣ-же, но познали смыслъ измѣнъ.

Прадѣдъ нашъ, Словенъ могучій, побѣдительный былъ змѣй,
Змѣйно стелется ковыль нашъ въ неоглядности степей.

Волхъ Всеславичъ, многоликій, оборачиваться могъ,
Волхомъ рыскалъ, былъ онъ соколъ, туръ былъ красный, златорогъ.

Солнцеликій, змѣегибкій, бѣсомудрый, чародѣй,
Онъ отъ женщины красивой насъ родилъ, крылатыхъ змѣй.

Самъ отъ женщины красивой и отъ змѣя былъ рожденъ,
Такъ гласитъ объ этомъ голосъ отдалившихся временъ.

Молода княжна гуляла, расцвѣталъ весенній садъ,
Съ камня змѣй скочилъ незапно, изумрудный свѣтитъ взглядъ.

Вьется лентой переливной, прикоснулся бѣлыхъ ногъ,
Льнетъ къ чулочику шелкову, бьетъ сафьянный башмачокъ.

Бѣлизну ноги ласкаетъ, затуманилъ, опьянилъ.
И содвинулись недѣли, Волхъ рожденъ прекрасной былъ.

Сине Море сколебалось, пошатнулась глубина,
Съ Солнцемъ краснымъ въ Небѣ вмѣстѣ закраснѣлася Луна.

И отъ рыбъ по Морю тучи серебристыя пошли,
И летѣли птицы въ Небѣ, словно дымъ стоялъ вдали.

Скрылисъ туры и олени за громадой синихъ горъ,
Зайцы, волки, и медвѣди все тревожатся съ тѣхъ поръ.

И протяжно на озерахъ кличетъ стая лебедей,
Ибо Велхъ родился въ мірѣ, соколъ, волкъ онъ, туръ, и змѣй.

Оттого въ степи и въ чащахъ звѣрь намъ радость, не бѣда,
И змѣею наша пѣсня длится, тянется всегда.

Оттого и вѣщій Волховъ именатъ среди стихій,
Чародѣемъ онъ зовется, вѣковой рѣчной нашъ змій.

И по сушѣ, и по Морю, всюду въ мірѣ, далеко,
Прозвучитъ въ столѣтьяхъ пѣсня про богатаго Садко.

СВѢТОГОРЪ И МУРОМЕЦЪ.

Былъ дрвле Свѣтогоръ, и Муромецъ могучій,
Два наши, яркіе въ вѣкахъ, богатыря.
Столѣтія прошли, и растянулись тучей,
Но память ихъ живетъ, но память ихъ—заря.
Забылся Свѣтогоръ. А Муромецъ бродячій,
Наѣхавъ, увидалъ красивую жену.
Смущенъ былъ богатырь. А тотъ, въ мечтѣ лежачей,—
Умно ли,—предалъ умъ, оглядку волка, сну.
Красивая жена, лебедка Свѣтогора,
Сманила Муромца къ восторгамъ огневымъ,
И тотъ не избѣжалъ обмана и позора,
Губами жадными прильнулъ къ губамъ слѣпымъ.
Проснувшись, Свѣтогоръ узналъ о вещи тайной,
Онъ разорвалъ жену, и разметалъ въ поляхъ.
А дерзкій Муромецъ сталъ побратимъ случайный,
И дружно съ тѣмъ другимъ онъ сѣялъ въ мірѣ страхъ.
Плѣниться сумракомъ,—не диво намъ. Однако
Что̀ было, да уйдетъ съ разливною водой.
Сразивши полчища возлюбленниковъ мрака,
Пріѣхали они къ гробницѣ золотой.
Легъ Свѣтогоръ въ нее, была гробница впору.
„Братъ названный,“ сказалъ, „покрой меня.“ Покрылъ.
Примѣрилъ доски онъ къ гробницѣ Свѣтогору,
И доски приросли. А тотъ проговорилъ: —

„Братъ названный, открой.“ Но тайны есть въ могилахъ,
Какихъ не разгадать. И приподнять досокъ
Безсмертный Муромецъ, могучій, былъ не въ силахъ.
И доски сталъ рубить, но разрубить не могъ.
Лишь онъ взмахнетъ мечомъ,—и обручъ есть желѣзный.
Лишь онъ взмахнетъ мечомъ—и обручъ есть другой.
О, богатырь Земли, еще есть міръ надзвѣздный,
Подземный приговоръ, и тайна тьмы морской!
Въ гробницѣ снова зовъ: „Братъ названный, скорѣе.
Бери мой вѣщій мечъ, мечъ-кладенецъ возьми.“
Но силенъ богатырь, а мечъ еще сильнѣе,
Не можетъ онъ поднять, сравнялся онъ съ людьми.
„Братъ названный, поди, тебѣ придамъ я силы.“
И дунулъ Свѣтогоръ всѣмъ духомъ на Илью.
Мечъ-кладенецъ подъятъ. Но цѣпки всѣ могилы.
Напрасно, Муромецъ, ты тратившь мощь свою.
Ударитъ—обручъ вновь, ударитъ—обручъ твердый.
„Братъ названный, приди, еще я силы дамъ.“
Но Муромецъ сказалъ: „Довольно силы гордой.
Не понесетъ Земля. Довольно силы намъ.“
„Когда бы ты припалъ“, былъ голосъ изъ гробницы,
Я мертвымъ духомъ бы повѣялъ на тебя.
Ты легъ бы подлѣ спать.“—Щебечутъ въ мірѣ птицы.
О, птицы, эту быль пропойте про себя!

СВѢТОГОРЪ.

Поѣхалъ Свѣтогоръ путемъ-дорогой длинной,
Весь міръ кругомъ сверкалъ загадкою картинной,
И сила гордая была въ его конѣ.
Подумалъ богатырь: „Что въ мірѣ равно мнѣ?"
Тутъ на пути его встрѣчается прохожій.
Идетъ по-одаль онъ. И смотритъ Свѣтогоръ:—
Прохожій-то простой, и съ виду непригожій,
Да на-ногу онъ скоръ, и конь предъ нимъ не споръ.
Поѣдетъ богатырь скорѣй—не догоняетъ,
Потише ѣдетъ онъ—все такъ же тотъ идетъ.
Дивится Свѣтогоръ, и какъ понять, не знаетъ,
Но видитъ—не догнать, хоть ѣхать цѣлый годъ.
И богатырь зоветъ: „Эй дивный человѣче,
Попридержи себя: на добромъ я конѣ,
Но не догнать тебя." Не возбраняя встрѣчѣ,
Прохожій подождалъ—гдѣ былъ онъ, въ сторонѣ.
Съ плечъ снялъ свою суму, кладетъ на камень синій,
На придорожную зеленую плиту.
И молвилъ богатырь, съ обычною гордыней,
Съ усмѣшкой поглядѣвъ на эту нищету:—
„Что у тебя въ сумѣ? Не камни ль самоцвѣтны?"
„—А подыми съ земли, тогда увидишь самъ."
Сума на взглядъ мала, видъ сверху непривѣтный,
Коснулся богатырь—и воли нѣтъ рукамъ.

Не можетъ шевельнуть. Обѣими руками,
Всей силой ухватилъ, и въ землю онъ угрязъ.
Вдоль по лицу его не потъ, а кровь струями,
Предъ тѣмъ невѣдомымъ прохожимъ, полилась.
„Что у тебя въ сумѣ? Сильна моя отвага,
Не занимать мнѣ стать, суму же не поднять.“
И просто тотъ сказалъ: „Въ сумѣ—земная тяга.“
„—Какимъ же именемъ, скажи, тебя назвать?“
„—Микула Селяниновъ.“—„Повѣдай мнѣ, Микула,
Судьбину Божію какъ я смогу открыть?“
„—Дорога прямикомъ, а гдѣ она свернула
Налѣво, тамъ коня во всю пускай ты прыть.
Отъ розстани свернешь—тамъ Сѣверныя Горы,
Подъ Древнимъ Деревомъ тамъ кузница стоитъ.
Тамъ спросишь кузнеца. Онъ знаетъ приговоры.“
„—Прощай.“—„Прощай.“ И врозь. И новый путь лежитъ.

Поѣхалъ Свѣтогоръ прямымъ путемъ, и влѣво
На розстани свернулъ, во весь опоръ тутъ конь
Пустился къ Сѣвернымъ Горамъ, вотъ Чудо-Древо,
Вотъ кузница, кузнецъ, поетъ цвѣтной огонь.
Два тонкихъ волоса куетъ кузнецъ предъ горномъ.
„—Ты что куешь, кузнецъ?“—„Судьбину я кую.
Кому быть въ жизни съ кѣмъ. Какимъ быть въ мірѣ зерномъ.“
„—На комъ жениться мнѣ? Скажи судьбу мою.“
„—Твоя невѣста есть, она въ Поморскомъ царствѣ,
Въ престольномъ городѣ, во гноищѣ лежитъ.“
Услышавъ о своемъ предсказанномъ мытарствѣ,
Смутился Свѣтогоръ. И новый путь бѣжитъ.

„Поѣду я туда. Убью свою невѣсту.“
Подумалъ. Сдѣлалъ такъ. Ужь далеко гора.
Увидѣлъ онъ избу, когда пріѣхалъ къ мѣсту.
Тамъ дѣвка въ гноищѣ, все тѣло—какъ кора.
Онъ яхонтъ положилъ на столъ. Взялъ мечъ свой вострый.

Въ грудь бѣлую ее мечомъ тѣмъ вострымъ бьетъ.
И быстро ѣдетъ прочь. Весь міръ—какъ праздникъ пестрый.
Прочь, струпья страшные. Къ иному путь ведетъ.

Проснулась спавшая. Разбита злая чара.
Ниспала въ гноище оловая кора.
И смотритъ дѣвушка. Предъ ней, свѣтлѣй пожара,
Алѣетъ яхонта цвѣтистая игра.
Принесъ тотъ камень ей богатства неисчетны,
И множество у ней червленыхъ кораблей.
Кузнецъ межъ тѣмъ куетъ. Пути безповоротны.
Чаруетъ красота. И слухъ идетъ о ней.

Пришелъ и Свѣтогоръ красавицу увидѣть.
И полюбилъ ее. Сталъ сватать за себя.
Женились. Кто бъ сказалъ, что можно ненавидѣть—
И черезъ ненависть блаженнымъ стать, любя.
Какъ спать они легли, онъ видитъ рубчикъ бѣлый.
Онъ спрашивалъ, узналъ, откуда тотъ рубецъ.
О, Свѣтогоръ, когда бъ не тотъ порывъ твой смѣлый,
Кто знаетъ, былъ ли бы такъ счастливъ твой конецъ!

ВОЛЬГА.

Закатилось красно Солнце, за морями спать легло,
Закатилося, а въ мірѣ было вольно и свѣтло.
Разсадились часты звѣзды въ свѣтломъ Небѣ, какъ цвѣты,
Не пустили Ночь на Землю, не дозволя темноты.
Звѣзды, звѣзды за звѣздами, и лучистъ у каждой ликъ.
Ужь и кто это на Небѣ возростилъ такой цвѣтникъ?
Златоцвѣтность, звѣздоцвѣтность, что ни хочешь—все проси.
Въ эту ночь Вольга родился на святой Руси.
Тихо росъ Вольга пресвѣтлый до пяти годковъ.
Дома больше быть не хочетъ, манитъ ширь луговъ.
Вотъ пошелъ, и Мать-Земля восколебалася,
Со китовъ своихъ какъ будто содвигалася,
Разбѣжалися всѣ звѣри во лѣсахъ,
Разлеталися всѣ птицы въ небесахъ,
Всѣ серебряныя рыбы разметалися,
Въ синемъ Морѣ трепетали и плескалися.
А Вольга себѣ идетъ все да идетъ,
Въ чужедальную сторонку путь ведетъ.
Хочетъ хитростямъ онъ всякимъ обучаться,
Хочетъ въ разныхъ языкахъ укрѣпляться.
На семь лѣтъ Вольга задался посмотрѣть широкій свѣтъ,
А завлекся—на чужбинѣ прожилъ всѣ двѣнадцать лѣтъ.
Обучался, обучился. Что красиво? Жить въ борьбѣ.
Онъ хоробрую дружину собиралъ себѣ.

Тридцать сильныхъ собиралъ онъ безъ единаго, а самъ
Сталъ тридцатымъ, былъ и первымъ, и пустились по лѣсамъ.
„Ой дружина, вы послушайте, что скажетъ атаманъ.
Вейте петли вы шелковыя, намъ звѣрь въ забаву данъ,
Становите вы веревочки въ лѣсу среди вѣтвей,
И ловите вы куницъ, лисицъ, и черныхъ соболей."
Какъ указано, такъ сдѣлано, веревочки столтъ,
Только звѣри чуть завидятъ ихъ, чуть тронутъ—и назадъ.
По три дня и по три ночи ждали сильные звѣрей,
Ничего не изловили, жди не жди среди вѣтвей.
Тутъ Вольга оборотился, и косматымъ сталъ онъ львомъ,
Соболей, куницъ, лисицъ онъ заворачивалъ кругомъ,
Зайцевъ бѣлыхъ поскакучихъ, горностаевъ нагонялъ,
Въ петли шолковы скружалъ ихъ, гулъ въ лѣсу и ревъ стоялъ.
И опять Вольга промолвилъ: „Что̀ теперь скажу я вамъ:—
Вы силки постановите въ темномъ лѣсѣ по верхамъ.
Лебедей, гусей ловите, заманите сверху ницъ,
Ясныхъ соколовъ словите, да и малыхъ пташекъ-птицъ."
Какъ онъ молвилъ, такъ и было, слово слушали его,
За три дня и за три ночи не словили ничего.
Тутъ Вольга оборотился, и въ вѣтрахъ, въ рѣкѣ ихъ струй,
Онъ въ подоблачьи помчался, птица вольная Пауй.
Заворачивалъ гусей онъ, лебедей, и соколовъ,
Малыхъ пташицъ, всѣхъ запуталъ по верхамъ среди силковъ.
И опять Вольга промолвилъ, возжелавъ иной игры:—
„Дроворубные возьмите-ка теперь вы топоры,
Вы суденышко дубовое постройте поскорѣй,
Вы шелковыя путевья навяжите похитрѣй,
Выѣзжайте въ сине Море, наловите рыбы мнѣ,
Много щукъ, бѣлугъ, и всякихъ, много рыбы въ глубинѣ."
Какъ онъ молвилъ, такъ и было, застучалъ о дубъ топоръ,
И въ путевьяхъ во шелковыхъ возникалъ мудренъ узоръ.
Выѣзжали въ сине Море, много рыбъ во тьмѣ его,
За три дня и за три ночи не словили ничего.
Тутъ Вольга оборотился, щукой сталъ, зубастый ротъ,

Быстрымъ ходомъ ихъ обходитъ, въ вѣрный уголъ ихъ ведетъ.
Заворачивалъ бѣлугу, дорогого осетра,
Рыбъ плотицъ, и рыбу семгу. Будетъ, ладно, вверхъ пора.
Тутъ-то въ Кіевѣ веселомъ пировалъ свѣтло Вольга,
Пировала съ нимъ дружина, говорили про врага.
Говорилъ Вольга пресвѣтлый: „Широки у насъ поля.
Хлѣбъ ростетъ. Да замышляетъ противъ насъ Турецъ-земля.
Какъ бы намъ про то провѣдать, что задумалъ-загадалъ
Нашъ лихой давишній ворогъ, этотъ царь Турецъ-Санталъ?
Если стараго послать къ нимъ, долго ждать, а спѣшенъ часъ,
А середняго послать къ нимъ, запоятъ виномъ какъ разъ,
Если жь малаго послать къ нимъ, заиграется онъ тамъ,
Только дѣвушекъ увидитъ, не дождаться вѣсти намъ.
Видно, надобно намъ будетъ, чтобъ пошелъ къ нимъ самъ Вольга,
Посмотрѣлъ бы да послушалъ да почувствовалъ врага“.
Тутъ Вольга оборотился, малой пташкой полетѣлъ,
Противъ самаго оконца, предъ царемъ Турецкимъ сѣлъ.
Рѣчи тайныя онъ слышитъ. Говоритъ съ царицей царь:—
„Ай царица, на Руси-то не ростетъ трава какъ встарь,
И цвѣты-то на Руси ужь не попрежнему цвѣтутъ.
Нѣтъ въ живыхъ Вольги, должно быть“.—Говоритъ царица тутъ:
„Ай ты царь, Турецъ-Санталъ мой, все какъ есть цвѣтокъ цвѣ-
тетъ.
На Руси трава густая все попрежнему ростетъ.
А спалось мнѣ ночью, снилось, что съ Восточной стороны
Пташка малая несется, звонко кличетъ съ вышины.
А отъ Запада навстрѣчу черный воронъ къ ней летитъ,
Вотъ слетѣлись, вотъ столкнулись, вѣтеръ въ крылья имъ свиститъ.
Въ чистомъ полѣ бой зачался, пташка—малая на взглядъ,
Да побитъ ей черный воронъ, перья по-вѣтру летятъ“.
Царь Турецъ-Санталъ подумалъ, и бесѣдуетъ съ женой:—
„Такъ я думаю, что скоро я на Русь пойду войной.
На святой Руси возьму я ровно девять городовъ,
Шубку выберу тебѣ я, погощу, и былъ таковъ“.
А Турецкая царица говоритъ царю въ отвѣтъ:—

„Городовъ не покоришь ты, не найдешь мнѣ шубки, нѣтъ“.
Вскинулъ очи, осердился, забранился царь Санталъ.
„Ахъ, сновидица-колдунья!“ И учить царицу сталъ.
„Вотъ тебѣ! А на Руси мнѣ ровно девять городовъ.
Вотъ тебѣ! А шубка будетъ. Погощу, и былъ таковъ“.
Тутъ Вольга оборотился, примѣчай не примѣчай,
Только въ горницу ружейну впрыгнулъ малый горностай,
Всѣ луки переломалъ онъ, зубомъ острымъ проточилъ,
Тетивы всѣ перервалъ онъ, прочь изъ горницы скочилъ.
Сѣрымъ волкомъ обернулся, на конюшій прыгнулъ дворъ,
Перервалъ конямъ онъ глотки, прыгъ назадъ—и чрезъ заборъ.
Обернулся малой пташкой, вотъ въ подоблачьи летитъ,
Свиснулъ,—дома. Свѣтелъ Кіевъ, онъ съ дружиною сидитъ.
„Ой дружина, собирайся!“ И дрожитъ Турецъ-земля.
На Руси чуть дышетъ вѣтеръ, тихо колосъ шевеля.
И склонилися предъ силой молодецкою
Царь-Санталъ съ своей царицею Турецкою.
Проблистали и упали сабли вострыя,
Развернулись чудо-шали ярко-пестрыя,
И ковры передъ дружиною узорные,
Растерялъ предъ пташкой воронъ перья черныя.
И гуляетъ, и смѣется вольный, свѣтлый нашъ Вольга,
Онъ ужь знаетъ, какъ коснуться, какъ почувствовать врага.

ПОТОКЪ.

Засвѣтились цвѣты въ серебристой росѣ,
Тамъ въ глуши, возлѣ заводей, въ древнихъ лѣсахъ.
Замечтался Потокъ о безвѣстной красѣ,
На пиру онъ застылъ въ непонятныхъ мечтахъ.
Ласковъ Князь говоритъ: „Службу мнѣ сослужи“.
Вопрошаетъ Потокъ: „Что исполнить? Скажи“.
„—Къ Морю синему ты поѣзжай поскорѣй,
И на тихія заводи, къ далямъ озеръ,
Настрѣляй мнѣ побольше гусей, лебедей“.
Путь бѣжитъ. Лѣсъ поетъ. Гулъ вершинный—какъ хоръ.
Бѣлый конь проскакалъ, было вольно кругомъ,
Въ чистомъ полѣ пронесся лишь дымъ столбомъ.
И у синяго Моря, далеко, Потокъ.
И у заводей онъ. Міръ богатъ. Міръ широкъ.
Слышитъ витязь волну, шелестъ, вздохъ камышей.
Настрѣлялъ онъ довольно гусей, лебедей.
Вдругъ на заводи онъ увидалъ
Лебедь Бѣлую, словно видѣніе сна,
Чрезъ перо вся была золотая она,
На головушкѣ жемчугъ блисталъ.
Вотъ Потокъ натянулъ свой упругій лукъ,
И завыли рога, и запѣлъ этотъ звукъ,
И ужъ вотъ полетитъ безъ ошибки стрѣла,—
Лебедь Бѣлая нѣжною рѣчью рекла:

„Ты помедли, Потокъ. Ты меня не стрѣляй.
Я тебѣ пригожусь. Примѣчай“.
Выходила она на крутей бережокъ,
Видитъ свѣтлую красную Дѣву Потокъ.
И въ великой тиши, слыша сердце свое,
Во сырую онъ землю втыкаетъ копье,
И за остро копье привязавши коня,
Онъ цѣлуетъ дѣвицу, исполненъ огня.
„Ахъ, Алена душа, Лиховидьевна свѣтъ,
Этихъ устъ что милѣй? Ничего краше нѣтъ“.
Тутъ Алена была для Потока жена,
И ужь больно его улещала она —
„Хоть на мнѣ ты и женишься нынче, Потокъ,
Пусть такой мы на насъ налагаемъ зарокъ,
Чтобы кто изъ насъ прежде другого умретъ,
Тотъ второй—въ гробъ—живой вмѣстѣ съ мертвымъ пойдетъ“.
Обѣщался Потокъ, и сказалъ: „Ввечеру
Будь во Кіевѣ, въ церковь тебя я беру.
Обвѣнчаюсь съ тобой“. Поскакалъ на конѣ.
И не видѣлъ, какъ быстро надъ нимъ, въ вышинѣ,
Крылья бѣлыя, даль разсѣкая, горятъ,
Лебедь Бѣлая быстро летитъ въ Кіевъ градъ.
Витязь въ городѣ. Улицей свѣтлой идетъ.
У окошка Алена любимаго ждетъ.
Лиховидьевна—тутъ. И дивится Потокъ.
Какъ его упредила, ему невдомекъ.
Поженились. Любились. Годъ минулъ, безъ зла.
Захворала Алена—и вдругъ умерла.
Это хитрости Лебедь искала надъ нимъ,
Это мудрости хочетъ надъ мужемъ своимъ.
Смерть пришла—такъ, какъ падаетъ вечеромъ тѣнь.
И копали могилу, по сорокъ сажень
Глубиной, шириной. И собрались попы,
И Потокъ, предъ лицомъ многолюдной толпы,
Въ ту гробницу сошелъ, на конѣ и въ бронѣ,

Какъ на бой онъ пошелъ, и исчезъ въ глубинѣ.
Закопали могилу глубокую ту,
И дубовый, сплотившись, возсталъ потолокъ,
Рудожелтый песокъ затянулъ красоту,
Подъ крестомъ, на конѣ, въ темной безднѣ Потокъ.
И лишь было тамъ мѣсто веревкѣ одной,
Привязали за колоколъ главный ее.
Отъ полудня до полночи въ ямѣ ночной
Ждалъ и думалъ Потокъ, слушалъ сердце свое.
Чтобы страху души ярымъ воскомъ помочь,
Зажигалъ онъ свѣчу, какъ приблизилась ночь,
Собрались къ нему гады змѣиной толпой,
Змѣй великій пришелъ, огнедышащій Змѣй,
И палилъ его, жегъ, огневой, голубой,
И касался ужалами острыхъ огней.
Но Потокъ, не сробѣвъ, вынулъ вѣрный свой мечъ,
Змѣю, взмахомъ однимъ, смогъ главу онъ отсѣчь.
И Алену онъ кровью змѣиной омылъ,
И возстала она въ возрожденности силъ.
За веревку тутъ дернулъ всей силой Потокъ.
Голосъ мѣди былъ глухъ и протяжно-глубокъ.
И Потокъ закричалъ. И сбѣжался народъ.
Раскопали засыпанныхъ. Жизнь возстаетъ.
Выступаетъ Потокъ изъ ночной глубины,
И сіяетъ краса той крылатой жены.
И во тьмѣ побывавъ, жили долго потомъ,
Эти двое, что такъ разставались со днемъ.
И молва говоритъ, что, какъ умеръ Потокъ,
Закопали Алену красивую съ нимъ.
Но въ тотъ день сводъ Небесъ былъ особо высокъ,
И воздушныя тучки летѣли какъ дымъ,
И съ Земли уносясь, въ голубыхъ Небесахъ,
Лебединыя крылья бѣлѣли въ лучахъ.

СОЛОВЕИ БУДИМІРОВИЧЪ.

Высота ли, высота поднебесная,
Красота ли, красота безтѣлесная,
Глубина ли, глубина Океанъ морской,
Широко раздолье наше всей Земли людской.

Изъ-за Моря, Моря синяго, что плещетъ безъ конца,
Изъ того ли глухоморья изумруднаго,
И отъ славнаго отъ города, отъ града Леденца,
Отъ заморскаго Царя, въ рѣшеньяхъ чуднаго,
Выбѣгали, выгребали ровно тридцать кораблей,
Всѣхъ красивѣй тотъ, въ которомъ гость богатый Соловей,
Будиміровичъ красивый, кѣмъ гордится вся земля,
Изукрашено судно, и Соколъ имя корабля.
Въ немъ по яхонту по цѣнному горитъ взамѣнъ очей,
Въ немъ по соболю чернѣется взамѣнъ густыхъ бровей,
Вмѣсто уса было воткнуто два острые ножа,
Уши—копья Мурзавецки, встали, вѣтеръ сторожа,
Вмѣсто гривы двѣ лисицы двѣ бурнастыя,
А взамѣнъ хвоста медвѣди головастые,
Носъ, корма его взираетъ по-туриному,
Взведены бока крутые по-звѣриному.
Въ Кіевъ мчится этотъ Соколъ ночь и день, чрезъ свѣтъ и мракъ,
Въ кораблѣ узорномъ этомъ есть муравленый чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда—рыбій зубъ съ игрой огней,

Тамъ, на бархатѣ, въ бесѣдѣ, гость богатый Соловей.
Говорилъ онъ корабельщикамъ, искусникамъ своимъ:
„Въ городъ Кіевъ какъ пріѣдемъ, чѣмъ мы Князя подаримъ?“
Корабельщики сказали: „Славный гость ты Соловей,
Золота казна богата, много черныхъ соболей,
Соколъ ихъ везетъ по Морю ровно сорокъ сороковъ,
И лисицъ вторые сорокъ, сколь пушиста тьма хвостовъ,
И камка есть дорогая, изъ Царь-Града свѣтъ-узоръ,
Дорогая то не очень, да узоръ весьма хитеръ“.
Прибѣжали корабли подъ тотъ ли славный Кіевъ градъ,
Въ Днѣпръ рѣку метали якорь, сходни стали, всѣ глядятъ.
Вотъ во свѣтлую во гридню смѣло входитъ Соловей,
Ласковъ Князь его встрѣчаетъ со дружиною своей.
Князю онъ даритъ съ Княгиней соболей, лисицъ, камку,
Ничего взамѣнъ не хочетъ—мѣсто въ садѣ, въ уголку.
„Дай загонъ земли“, онъ проситъ, „чтобы дворъ построить мнѣ,
Тамъ, гдѣ вишенье бѣлѣетъ, вишни будутъ спѣть Княжнѣ“.
Соловью въ саду Забавы отмежевана земля,
Онъ зоветъ людей работныхъ со червлена корабля.
„Вы берите-ка топорики булатные скорѣй,
Снарядите дворъ въ саду мнѣ, межъ узорчатыхъ вѣтвей,
Гдѣ Забава спитъ и грезитъ, въ часъ какъ Ночь въ звѣздахъ идетъ,
Въ часъ какъ цвѣтомъ, бѣлымъ цвѣтомъ, часто вишенье цвѣтетъ“.
Съ поздня вечера дружина съ топорами, ровенъ звукъ,
Словно дятлы по деревьямъ, щелкъ да щелкъ, и стукъ да стукъ.
Хорошо идетъ, къ полуночи и дворъ поспѣлъ, гляди,
Златоверхіе три терема, и сѣни впереди,
Трои сѣни, всѣ рѣшетчаты, и тонки сѣни тѣ,
Въ теремахъ все изукрашено, какъ въ звѣздной высотѣ.
Небо съ Солнцемъ, теремъ съ солнцемъ, въ небѣ Мѣсяцъ, мѣсяцъ здѣсь,
Въ Небѣ звѣзды, въ Небѣ зори, въ зоряхъ звѣздныхъ теремъ весь.
Вотъ къ заутрени звонили, пробуждается Княжна,

Ото сна встаетъ Забава, смотритъ все ли спитъ она?
Изъ косящата окошка въ свой зеленый смотритъ садъ,
Златоверхіе три терема какъ будто тамъ стоятъ.
„Ой вы мамушки и нянюшки, идите поскорѣй,
Красны дѣвушки, глядите, что въ саду среди вѣтвей.
Это чудо ль показалось мнѣ средь вишенья въ цвѣту?
Наяву ли увидала я такую красоту?“
Отвѣчаютъ красны дѣвушки и нянюшки Княжнѣ:
„Счастье съ цвѣтомъ въ домъ пришло къ тебѣ, и въ яви,
не во снѣ“.
Вотъ идетъ Забава въ садъ свой, межъ цвѣтовъ идетъ Княжна,
Теремъ первый, въ немъ все тихо, золотая тамъ казна,
Ко второму, за стѣнами потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ въ немъ, все молитву тамъ творятъ,
Подошла она ко третьему, стоитъ Княжна, глядитъ,
Въ третьемъ теремѣ, тамъ музыка, тамъ музыка гремитъ.
Входитъ въ сѣни, дверь открыла, испугалася Княжна,
Рѣзвы ноги подломились, видитъ дивное она:
Небо съ Солнцемъ, теремъ съ солнцемъ, въ Небѣ Мѣсяцъ, мѣсяцъ
здѣсь,
Въ Небѣ звѣзды, въ Небѣ зори, въ звѣздныхъ зоряхъ теремъ
весь.
Подломились рѣзвы ножки, Соловей догадливъ былъ,
Гусли звончаты онъ бросилъ, красну дѣву подхватилъ,
Подхватилъ за бѣлы ручки тутъ Забаву Соловей,
Клалъ ее онъ на кровати изъ слоновыихъ костей,
На пуховыя перины, въ обомлѣньи, положилъ:—
„Что жь, Забава, испужалась?“—Тутъ имъ день поворожилъ.
Солнце съ солнцемъ золотилось, Мѣсяцъ съ мѣсяцемъ горѣлъ,
Зори звѣздныя свѣтились, въ сердцѣ жаръ былъ юнъ и смѣлъ.
Сердце съ сердцемъ, очи въ очи, о, какъ сладко и свѣтло,
Бѣлымъ цвѣтомъ, всякимъ цвѣтомъ, нѣжно вишенье цвѣло.

САДКО.

Былъ Садко молодецъ, молодой Гусляръ,
Какъ начнетъ играть, пляшетъ младъ и старъ.
Какъ начнутъ у него гусли звончаты пѣть,
Тутъ выкладывать мѣдь, серебромъ гремѣть.
Такъ Садко ходилъ, молодой Гусляръ,
И богатъ бывалъ отъ пѣвучихъ чаръ.
И любимъ бывалъ за напѣвы струнъ,
Такъ Садко гулялъ, и Садко былъ юнъ.
Загрустилъ онъ разъ: „Больно бѣденъ я,
Пропадетъ вотъ такъ вся и жизнь моя".
Закручинился онъ, къ Ильменю пришелъ,
Гусли звончаты взялъ, зазвенѣлъ лѣсъ и долъ.
Заходила волна, загорѣлась волна,
Всколыхнулась со дна вся вода-глубина.
Онъ такъ разъ проигралъ, проигралъ онъ и два,
А на третій мелькнула предъ нимъ голова.
Водный Царь передъ нимъ, словно бѣлый пожаръ,
Разметался, встаетъ, смотритъ юный Гусляръ.
„Все, что хочешь, проси".—„Дай мнѣ рыбъ золотыхъ".
—„Опускай невода, много вытащишь ихъ".
Трижды бросилъ въ Ильмень онъ свои невода,
Рыбой бѣлой и красной дарила вода,
И пока допѣвалъ онъ напѣвчатый стихъ,
Далъ Ильмень ему въ неводъ и рыбъ золотыхъ.

Положилъ онъ всю рыбу на полныхъ возахъ,
Онъ въ глубокихъ ее хоронилъ погребахъ.
Черезъ день онъ пришелъ и открылъ погреба,—
Эхъ Садко молодецъ, вотъ судьба такъ судьба:
Тамъ, гдѣ красная рыба—несчетная мѣдь,
Тамъ, гдѣ бѣлая—сѐребра полная клѣть,
А куда положилъ онъ тѣхъ рыбъ золотыхъ,
Все червонцы лежатъ, сколько ихъ, сколько ихъ!
Тутъ Гусляръ молодой сталъ богатый Купецъ,
Гость Богатый Садко. Ну Гусляръ молодецъ!

Онъ по Новгороду ходитъ и глядитъ.
„Гдѣ товары тутъ у васъ?“ онъ говоритъ.
„Я ихъ выкуплю, товары всѣ до-тла“.
Вѣчно молодость хвастливою была.
„Я сто тысячей казны вамъ заплачу.
Гдѣ товары? Всѣ товары взять хочу“.
Онъ поитъ Новогородскихъ мужиковъ,
Во-хмѣлю-то напоитъ онъ всѣхъ готовъ.
Выставляли тутъ товаровъ безъ конца,
Да не считана казна у молодца.
Все купилъ онъ, все, что было, онъ скупилъ,
Онъ, сто тысячей отдавъ, богатымъ былъ.
Теремъ выстроилъ, въ высокомъ терему
Камни ночью самоцвѣтятся во тьму.
Онъ Можайскаго Николу сорудилъ,
Онъ всѣ маковицы ярко золотилъ.
Изукрашивалъ иконы по стѣнамъ,
Чистымъ жемчугомъ убралъ иконы намъ.
Вызолачивалъ онъ царскія врата,
Предъ жемчужной—золотая красота.
А какъ въ Новгородѣ снова онъ пошелъ,
Онъ товаровъ на полушку не нашелъ,
И зашелъ тогда Садко во темный рядъ,
Черепки, горшки тамъ битые стоятъ.

Усмѣхнулся онъ, купилъ и тѣ горшки:
„Пригодятся“, говоритъ, „и черепки“,
„Дѣти малые“, молъ, „будутъ въ нихъ играть,
Будутъ въ играхъ про Садко воспоминать.
Я Садко Богатый Гость, Садко Гусляръ,
Я люблю, чтобы плясалъ и младъ и старъ.
Гусли звончаты недаромъ говорятъ:
Я Садко Богатый Гость, весенній садъ!“

Вотъ по Морю, Морю синему, средь пѣнистыхъ зыбей,
Выбѣгаютъ, выгребаютъ тридцать быстрыхъ кораблей.
Походили, погуляли, торговали далеко,
А на Соколѣ на свѣтломъ ѣдетъ самъ купецъ Садко.
Корабли бѣгутъ проворно, Соколъ лишь стоитъ одинъ,
Видно чара тутъ какая, есть рѣшеніе глубинъ.
И промолвилъ Гость Богатый, говоритъ Садко Купецъ:
„Будемъ жеребья метать мы, на кого пришелъ конецъ“.
Всѣ тутъ жеребья метали, написавши имена, —
Всѣ плывутъ, перо Садково поглотила глубина.
Дважды, трижды повторили,—валъ взметнется, какъ гора,
Ничего тотъ валъ не топитъ, лишь хмѣлева нѣтъ пера.
Говоритъ тутъ Гость Богатый, говоритъ своимъ Садко:
„Видно часъ мой подступаетъ, быть мнѣ въ Морѣ глубоко,
Я двѣнадцать лѣтъ по Морю, Морю синему ходилъ,
Дани-пошлины я Морю, возгордившись, не платилъ.
Говорилъ я: Что мнѣ море? Я плачу кому хочу.
Я гуляю на просторѣ, мигъ забавъ озолочу.
А ужь кланяться зачѣмъ же! Кто такой, какъ я, другой?
Видно, Море осерчало. Жертвы хочетъ Царь Морской“.
Говорилъ такъ Гость Богатый, но, безстрашный, гусли взялъ,
Въ валъ спустился—тотчасъ Соколъ прочь отъ мѣста побѣжалъ.
Далеко ушелъ. Надъ Моремъ воцарилась тишина.
А Садко спустился въ бездну, онъ живой дошелъ до дна.

Видитъ онъ великую тамъ на днѣ избу,
Тутъ Садко дивуется, узнаетъ судьбу.

Раковины свѣтятся, мѣсяцы дугой,
На рѣзныхъ палатяхъ самъ тамъ Царь Морской.
Самоцвѣтны камни съ потолка висятъ,
Жемчуга такіе—не насытишь взглядъ.
Лампы изъ коралла, изумрудъ—вода,
Такъ бы и осталась тамъ душа всегда.
„Здравствуй", Царь Морской промолвилъ Гусляру,
„Ждалъ тебя долгонько, помню я игру.
Что жь, разбогатѣлъ ты—гусли позабылъ?
Ну-ка, поиграй мнѣ, звонко, что есть силъ".
Сталъ Садко тутъ тѣшить Воднаго Царя,
Заиграли гусли, звономъ говоря,
Заиграли гусли звончаты его,
Царь Морской—плясать, не помнитъ ничего.
Голова Морского словно сѣна стогъ,
Пляшетъ, размахался, бьетъ ногой въ порогъ,
Шубою зеленой бьетъ онъ по стѣнамъ,
А вверху — тамъ Море съ ревомъ льнетъ къ скаламъ.
Море разгулялось, тонутъ корабли,
И когда бы сверху посмотрѣть могли,
Видѣли бъ, что нѣтъ сильнѣе ничего,
Чѣмъ Садко и гусли звончаты его.
Наплясались ноги. Царь Морской усталъ.
Гостя угощаетъ, Гость тутъ пьянымъ сталъ.
Развалялся въ Морѣ, на цвѣтистомъ днѣ,
И Морскія Дѣвы встали какъ во снѣ.
Царь Морской смѣется: „Выбирай жену.
Ту бери, что хочешь. Лишь бери одну".
Тридцать красовалось передъ нимъ дѣвицъ
Бѣлизною груди, красотою лицъ.
А Садко причудникъ: ту, что всѣхъ скромнѣй,
Выбралъ онъ, Чернава было имя ей.
Спать легли, и странно въ глубинѣ морской
Раковины рдѣли, мѣсяцы дугой.
Рыбы проходили въ изумрудахъ водъ,
Видѣло мечтанье, какъ тамъ китъ живетъ,

Сколько травъ нездѣшнихъ смотритъ къ вышинѣ,
Сколько тайнъ сокрыто на глубокомъ днѣ.
И Садко забылся въ красотѣ морской,
И жену онъ обнялъ лѣвою ногой.
Что-то колыхнулось въ сердцѣ у него,
Вспомнилъ, испугался, что ли, онъ чего.
Только вдругъ проснулся. Смотритъ—чудеса:
Новгородъ онъ видитъ, свѣтятъ Небеса,
Вонъ, тамъ храмъ Николы, то его приходъ,
Съ колокольни звонъ къ заутрени зоветъ.
Видитъ—онъ лежитъ надъ утренней рѣкой,
Онъ въ рѣкѣ Черниавѣ лѣвою ногой.
Корабли на Волхѣ свѣтятъ далеко.
„Здравствуй, Гость Богатый! Здравствуй, нашъ Садко!“

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЪ.

Какъ во стольномъ томъ во городѣ во Кіевѣ былъ пиръ,
Какъ у ласковаго Князя пиръ идетъ на цѣлый міръ.
Пированье, столованіе, почестный столъ,
Словно день затѣмъ пришелъ, чтобъ этотъ пиръ такъ шелъ.
И ужь будетъ день въ половинѣ дня,
И ужь будетъ столъ во полу-столѣ,
А все гусли поютъ, про веселье звеня,
И не знаетъ душа, и не помнитъ о злѣ.
Какъ приходитъ тутъ къ Князю сто молодцовъ,
А за ними другіе и третіи сто.
Съ кушаками они вкругъ разбитыхъ головъ,
На охотѣ ихъ всѣхъ изобидѣли. Кто?
А какіе-то молодцы, сабли булатныя,
И кафтаны на нихъ все камчатные,
Жеребцы-то подъ ними Латинскіе,
Кони бѣшены тѣ исполинскіе.
Половили они соболей и куницъ,
Пострѣляли всѣхъ туровъ, оленей, лисицъ,
Обездолили лѣсъ, и надѣлали бѣдъ,
И добычи для Князя съ Княгинею нѣтъ.
И не кончали эти, другіе идутъ,
Въ кушакахъ, какъ и тѣ, кушаки-то не тутъ,
Гдѣ имъ надобно быть: рыболовы пришли,
Вмѣсто рыбы они челобитье несли.

Всю-де выловили бѣлорыбицу тамъ,
Карасей нѣтъ, ни щукъ, и обида есть намъ.
И не кончили эти, какъ третьи идутъ,
Въ кушакахъ, какъ и тѣ, и челомъ они бьютъ:
То сокольники, нѣтъ соколовъ въ ихъ рукахъ,
Что не надо, такъ есть, много есть въ кушакахъ,
Изобидѣли ихъ сто чужихъ молодцовъ.
„Чья дружина?“ — „Чурилы“. — „А кто онъ таковъ?“
Тутъ Бермята Васильевичъ старый встаетъ:
„Мнѣ Чурило извѣстенъ, не здѣсь онъ живетъ.
Онъ подъ Кіевцемъ Малымъ живетъ на горахъ,
Дворъ богатый его, на семи онъ верстахъ.
Онъ привольно живетъ, самъ себѣ господинъ,
Вкругъ двора у него тамъ желѣзный есть тынъ,
И на каждой тынинкѣ по маковкѣ есть,
По жемчужинкѣ есть, тѣхъ жемчужинъ не счесть.
Середи-то двора тамъ свѣтлицы стоятъ,
Бѣлодубовы всѣ, гордо гридни глядятъ,
Эти гридни покрыты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ — соболями, а полъ — серебромъ,
А пробои-крюки все злаченый булатъ,
Предъ свѣтлицами трои ворота стоятъ,
Какъ одни-то рѣзныя, вальящаты тамъ,
А другія хрустальны, на радость глазамъ,
А предъ тѣмъ какъ пройти чрезъ стеклянныя,
Еще третьи стоятъ, оловянныя“.

Вотъ собрался Князь съ Княгинею, къ Чурилѣ ѣдетъ онъ,
Старый Пленъ идетъ навстрѣчу, имъ почетъ и имъ поклонъ.
Посадилъ во свѣтлыхъ гридняхъ ихъ за убраны столы,
Будутъ пить питья медвяны до вечерней поздней мглы.
Только Князь въ оконце глянулъ, закручинился: „Бѣда!
Я изъ Кіева въ отлучкѣ, а сюда идетъ орда.
Изъ орды идетъ не Царь ли, или грозный то посолъ?“

Пленъ смѣется: „То Чурило, сынъ мой, Пленковичъ пришелъ“.
Вотъ глядятъ они, а день ужь вечеряется,
Красно Солнышко къ покою закатается,
Собирается толпа, ихъ за пять сотъ,
Молодцовъ-то и до тысячи идетъ.
Самъ Чурило на могучемъ на конѣ
Впереди, его дружина—въ сторонѣ,
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ-цвѣтокъ,
Чтобы жаръ ему лица пожечь не могъ.
Перво-на-перво бѣжитъ тутъ скороходъ,
А за нимъ и всѣ, кто ѣдетъ, кто идетъ.
Князь зоветъ Чурилу въ Кіевъ, тотъ не прочь:
Свѣтелъ день тамъ, да свѣтла въ любви и ночь.

Вотъ во Кіевѣ у Князя снова пиръ,
Какъ у ласковаго пиръ на цѣлый міръ.
Ликованіе, свирѣльный слышенъ гласъ,
И Чурило препожалуетъ сейчасъ.
Задержался онъ, неладно, да идетъ,
Въ первый разъ вина пусть будетъ невзначетъ.
Старъ Бермята, да жена его душа
Катеринушка ужь больно хороша.
Позамѣшкался маленько, да идетъ,
Онъ ногой муравки-травки не помнетъ,
Пятки гладки, сапожки—зеленъ сафьянъ,
Руки бѣлы, свѣтлы очи, стройный станъ.
Вся одежда—драгоцѣнная на немъ,
Краснымъ золотомъ прошита съ серебромъ.
Въ каждой пуговкѣ по молодцу глядитъ,
Въ каждой петелкѣ по дѣвицѣ сидитъ,
Застегнется, и милуются они,
Разстегнется, и цѣлуются они.
Заглядѣлись на Чурилу, всѣ глядятъ,
Тамъ гдѣ дѣвушки—заборы тамъ трещатъ,
Гдѣ молодушки—тамъ звонъ, оконца бьютъ,

Тамъ гдѣ старыя—платки на шеѣ рвутъ.
Какъ вошелъ на пиръ, тутъ Князева жена
Лебедь рушила, обрѣзалась она,
Со стыда ли руку свѣсила подъ столъ,
Какъ Чурилушка тотъ Пленковичъ прошелъ.
А Чурило только смѣло поглядѣлъ,
А свирѣльный гласъ куда какъ сладко пѣлъ.

Пировали такъ, окончили, и прочь,
А пороша выпадала въ эту ночь.
Всѣ къ заутрени идутъ, чуть бѣлый свѣтъ,
Запримѣтили на снѣгѣ свѣжій слѣдъ.
И дивуются: смотри да примѣчай,
Это зайка либо бѣлый горностай.
Усмѣхаются иные, говорятъ:
„Горностай ли былъ? Тутъ зайка ль былъ? Наврядъ.
А Чурило тутъ навѣрно проходилъ,
Красоту онъ Катерину навѣстилъ“.

Говорили мнѣ, что будто молодецъ
На Бермяту натолкнулся наконецъ,
Что Бермятой былъ онъ будто бы убитъ,—
Кто повѣдалъ такъ, неправду говоритъ.
Ужь Бермятѣ ль одному искать въ крови
Чести, мести, какъ захочешь, такъ зови.
Не убьешь того, чего убить нельзя,
Горностаева уклончива стезя.
Тотъ, кто любитъ,—какъ ни любитъ, любитъ онъ,
И кровавою рукой не схватишь сонъ.
Сонъ пришелъ, и сонъ ушелъ, лови его.
Чуръ меня! Хотѣнье сердца не мертво.
Знаю я, Чурило Пленковичъ красивъ,
Съ нимъ цѣлуются, цѣлуются, онъ живъ.
И сейчасъ онъ улыбаяся идетъ,
Предъ лицомъ своимъ подсолнечникъ несетъ.
Расцвѣчается подсолнечникъ-цвѣтокъ,
Чтобы жаръ лицо красивое не сжегъ.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

Ай же ты, Микула Селяниновичъ, Мужикъ,
Ты за сколько тысячъ лѣтъ къ землѣ своей привыкъ?
Сколько долгихъ тысячъ лѣтъ ты водилъ сохой?
Вѣкъ придетъ, и вѣкъ уйдетъ, вѣчонъ образъ твой.
Лошадь у тебя была, покрасна на видъ,
А взметнется да заржетъ, облако гремитъ.
Ходитъ, ходитъ, съ бороздой борозда дружна.
Свѣтелъ Кіевъ,—что̀ мнѣ онъ? Пашня мнѣ нужна.
Сколько долгихъ тысячъ лѣтъ строятъ города,
Строятъ, нѣтъ ихъ,—а идетъ въ полѣ борозда.
И Микула новь святитъ, съ пашней говоритъ,
Ель онъ вывернулъ, сосну, въ борозду валитъ.
Ѣхалъ тутъ какой-то князь, витязь что-ли онъ,
Подивился, посмотрѣлъ,—гулъ въ землѣ и стонъ.
„Кто ты будешь?“ говоритъ. „Въ толкъ я не возьму.
Какъ тебя, скажи, назвать?“ говоритъ ему.
А Микулушка взглянулъ, лошадь подхлестнулъ,
Крикнулъ весело,—въ лѣсу стонъ пошелъ и гулъ.
На нарядного того поглядѣлъ слегка,
На такихъ онъ чрезъ вѣка смотритъ свысока.
„Вотъ какъ ржи я напахалъ, къ дому выволочу,
Къ дому выволочу, дома вымолочу.
Наварю гостямъ я пива, кликнутъ гости въ торжество:
Вѣкъ крестьянствовать Микулѣ, міръ—его, земля—его!“

ИСПОЛИНЪ ПАШНИ.

Исполинъ безмѣрной пашни,
Какъ тебя я назову?
—Что ты, блѣдный? Что, вчерашній?
Ты во снѣ, иль наяву?

Исполинъ безмѣрной нивы,
Отчего надменный ты?
—Не надменный, не спѣсивый,
Только любящій цвѣты.

Исполинъ безмѣрной риги,
Цвѣтъ и колосъ любъ и мнѣ.
—Полно, тѣнь прочтенной книги,
Отойди-ка къ сторонѣ.

ДВѢ РѢКИ.

Я видѣлъ всю Волгу во время разлива,
Отъ самыхъ истоковъ
До Каспія гордаго, чей хорошъ изумрудъ.
О, Волга повсюду красива,
Въ самомъ имени свѣтлой царицы такъ много намековъ,
И ея заливные луга, расцвѣтая, побѣдно цвѣтутъ.
Это—гордость Славянъ, это—знаменье воли для вольныхъ,
Для раздольныхъ умовъ, тѣснотой недовольныхъ.
Волга, Волга, воспѣтая тысячи разъ,
Ты качала, въ столѣтьяхъ, мятежниковъ, насъ.
Ты, царица всѣхъ рѣкъ, полновластно красива,
Какъ красивъ, ставшій звучною былью, разбой,
Какъ красива гроза въ высотѣ голубой.
По желаннѣй мнѣ кротко-шуршащая желтая нива
Надъ родною Владимірской тихой рѣкою Окой.
И да памятно будетъ,
Что надъ этой рѣкою рожденъ былъ любимецъ вѣковъ,
Кто въ былинныхъ сердцахъ—и еще—много пѣсенъ пробудитъ,
Сильный, силы не рабъ, исполинскій смиренникъ лѣсовъ.
Тотъ прекрасный межъ витязей всѣхъ, богатырь справедливый,
Кто одинъ не кичился могучею силой своей,
И на подвиги вскормленный скудною нивой,
Былъ за тѣхъ, чья судьба—ждать и ждать хлѣбоносныхъ стеблей.
Какъ заманчивъ онъ былъ, когда съ сильнымъ и наглымъ схватился,

И, его не убивъ, наглеца лишь взметнулъ въ вышину,
И упавшаго самъ подхватилъ, чтобы тотъ не убился,
Но впередъ научился не силу лишь вѣдать одну.
Какъ заманчивъ онъ былъ и другой, Соловья побѣдитель,
Разметавши надменныхъ съ ихъ Кіевской гриднею той,
Кроткій, могъ онъ возстать, какъ разгнѣванный мечущій мститель,
Могъ быть тихой рѣкой, и разливной рѣкою Окой.
И заманчивъ онъ былъ, какъ, прощаясь съ родною рѣкою,
Корку чернаго хлѣба пустилъ онъ по водамъ ея,
И вскочилъ на коня, въ три прыжка былъ онъ съ жизнью иною,
Но въ нарядностяхъ дней не забылъ назначенье свое.

ХВАЛА ИЛЬѢ МУРОМЦУ.

Спавшій тридцать лѣтъ Илья,
Вставшій въ мигъ одинъ,
Тайновидецъ бытія,
Русскій исполинъ.
Геній долгихъ вѣщихъ сновъ,
Потерявшихъ счетъ,
Нашихъ Муромскихъ лѣсовъ,
Топей и болотъ.
Геній пашни, что мертва
Въ долгой цѣпи дней,
Но по слову вдругъ жива
Отъ любви лучей.
Геній сѣрой нищеты,
Что безгласно ждетъ,
До назначенной черты,
Рвущей твердый ледъ.
Геній таинства души,
Что мертва на взглядъ,
Но въ таинственной тиши
Схоронила кладъ.

Спавшій тридцать лѣтъ Илья
Былъ безъ рукъ, безъ ногъ,
Шевельнувшись, какъ змѣя,
Вдругъ быть сильнымъ могъ.
Нищій нищаго будилъ,
Мужика мужикъ,
Чарой слабому далъ силъ,
Развязалъ языкъ.
Былъ раздвинутъ мощный кругъ
Предъ лицомъ калѣкъ,
Великанъ проснулся вдругъ,
Гордый человѣкъ.
Если бъ къ небу отъ земли
Столбъ съ кольцомъ воткнуть,
Эти руки бы могли
Міръ перевернуть.
Будь отъ неба до земли
Столбъ съ златымъ кольцомъ,
По иному бы цвѣли
Здѣсь цвѣты кругомъ.

Спавшій тридцать лѣтъ Илья,
Ты понынѣ живъ,
Это молодость твоя
Въ шелестѣньи нивъ.
Это Муромскій твой умъ,
Въ часъ когда въ лѣсахъ
Будятъ бури долгій шумъ,
Говорятъ въ громахъ.
Между всѣми ты одинъ
Не склонилъ лица,
Полновольный исполинъ,
Смѣлый до конца.

До конца ли? Безъ конца.
Ибо ты—всегда.
Отъ прекраснаго лица
Вотъ и здѣсь звѣзда.
Вознесенный глубиной,
И вознесшій—ликъ,
Мой Владимірецъ родной,
Муромскій мужикъ.

ОТШЕСТВІЕ МУРОМЦА.

Муромецъ Русскую землю прошелъ,
Вѣтеръ идетъ такъ смарагдами бора,
Видѣлъ безчисленность градовъ и селъ,
Обнялъ ихъ ласкою взора.
Жизнь онъ прошелъ изъ предѣла въ предѣлъ,
Видѣлъ могучихъ, и видѣлъ безсильныхъ,
Много безвѣстнаго онъ подглядѣлъ,
Въ мірѣ, на торжищахъ пыльныхъ.
Муромецъ силу свою развернулъ,
Попилъ довольно съ хмѣльною онъ голью,
Въ думахъ притихшихъ разслышалъ онъ гулъ,
Тѣсныхъ бросалъ онъ къ раздолью.
Всѣхъ онъ сермяжныхъ въ пути защитилъ,
Важныхъ смириться онъ властно заставилъ,
Дикую схватку враждующихъ силъ
Онъ къ равновѣсью направилъ.
Духъ свой предавши Полярной Звѣздѣ,
Той, что въ сказаньяхъ зовется Судьбою,
Былъ предрѣшенно онъ вѣрнымъ вездѣ,
Бралъ недоступность безъ бою.
Муромецъ полюсъ и полюсъ узналъ.
Будетъ. Пришелъ къ Океану морскому.
Соколъ-корабль колыхался тамъ, алъ, —
Смѣлый промолвилъ: „Къ другому“.

Сѣлъ на червленый корабль, и ушелъ
Прочь отъ пройденной земли, не жалѣя.
Гнался за Соколомъ Сизый-Орелъ,
Соколъ Орла былъ быстрѣе.
Гдѣ онъ? Донынѣ ль въ неузнанномъ Тамъ?
Синею бездной, какъ въ люлькѣ, качаемъ?
Снова ль придетъ неожиданно къ намъ?
Пѣсня гадаетъ. Не знаемъ.

ЦѢЛЕБНАЯ КРИНИЦА.

Конь Ильи копытомъ звонкимъ бьетъ, рождается криница,
Ключъ лѣсной освободился изъ подземнаго жерла.
Самъ Илья въ тотъ мигъ стремился, улеталъ въ просторъ
какъ птица,
А цѣлебная криница до сихъ поръ въ лѣсахъ свѣтла.

Онъ летѣлъ, не размышляя о зиждительности бѣга,
Безъ мышленья сердцемъ зная, какъ Свобода хороша.
И донынѣ среброводна освѣжительная нѣга,
И поетъ хрустальность въ чащахъ: Приходи испить, душа.

КАПЛЯ КРОВИ.

Красавица склонилась,
Шумитъ веретено.
Вѣщанье совершилось,
Ужь Ночь глядитъ въ окно.
Свѣтлянка укололась,
И приговоръ свершенъ.
Красивъ застывшій волосъ,
Красивъ глубокій сонъ.
Отъ одного укола,
Какъ будто навсегда,
Кругомъ заснули села,
Притихли города.
Притихли и застыли,
И все слилось въ одно.
Вездѣ, въ безгласной были,
Глядится Ночь въ окно.
Всѣмъ міромъ овладѣла
Ночная тишина.
И какъ нѣмое тѣло,
Глядитъ на міръ Луна.
Красавица склонилась,
Молчитъ веретено.
Рѣшенье совершилось,
Такъ было суждено.

Но капля въ ранкѣ малой,
Сверкнувъ огнемъ во мглу,
Какъ цвѣтъ упала алый,
И свѣтитъ на полу.

И нѣжный свѣтъ не таетъ,
Алѣетъ все сильнѣй.
Шиповникъ расцвѣтаетъ,
Весь въ призракахъ огней.
Какъ кустъ онъ всталъ вкругъ злого
Того веретена.
Въ молчаньи сна ночного
Разросся до окна.
Сіяя алымъ цвѣтомъ,
Ростетъ онъ какъ пожаръ.
И въ мірѣ, мглой одѣтомъ,
Слабѣютъ ковы чаръ.
Сперва цвѣты проснулись,
Пошелъ въ деревьяхъ гулъ.
И дѣти улыбнулись,
Святой старикъ вздохнулъ.
И лебеди запѣли
На зеркалѣ озеръ.
Всемірной колыбели
Вдругъ ожилъ весь просторъ.
И вотъ, на счастье наше,
Глядится День въ окно.
Еще Свѣтлянка краше,
Шумитъ веретено.

ПЕРЕДЪ ЦВѢТНЫМЪ ОКОНЦЕМЪ.

На морѣ Океанѣ есть островъ Красота,
Сидятъ въ рѣзной избушкѣ три дочери Христа.

Передъ цвѣтнымъ оконцемъ шьютъ молча три сестры.
Гора тамъ есть, и остры уступы у горы.

И если кто восхочетъ къ заманчивой чертѣ,
Онъ больно рѣжетъ ноги въ той вольной высотѣ.

Не смотрятъ—видятъ сестры, и старшая сестра
Беретъ иглу булатну, и говоритъ: „Пора".

Беретъ иглу булатну, нить шолкову притомъ,
И вышиваетъ гору на Морѣ голубомъ.

Потомъ сестрѣ середней передаетъ тотъ платъ,
Встаетъ на немъ дорога: пойдешь—нельзя назадъ.

И платъ беретъ узорный тутъ младшая сестра,
И алымъ расцвѣтаетъ узоромъ вся гора.

Въ тѣ самыя минутки какъ расцвѣтаетъ платъ,
У путника на высяхъ свѣтло глаза горятъ.

Отъ ранъ ему не больно, не льется больше кровь,
А брызнетъ, такъ немедля въ цвѣткахъ зажжется вновь.

И годъ идетъ за годомъ, и ропщетъ Океанъ,
Но островъ тотъ не гибнетъ, съ богатствомъ горнихъ странъ.

И съ самаго разсвѣта до поздней до поры,
Передъ цвѣтнымъ оконцемъ шьютъ молча три сестры.

ОГНЕННОЙ РѢКОЮ.

Изъ Арабскихъ дальнихъ странъ
Къ намъ придя въ своемъ скитаньи,
Руссовъ древнихъ Ибнъ-Фодланъ
Вопрошалъ о сожиганьи.

Почему, когда просторъ
Здѣшней жизни Руссомъ смѣрянъ,
Трупъ кладутъ они въ костеръ,
Въ огнь, что силой достовѣренъ?

Потому, гласилъ отвѣтъ,
Что, вступивши въ яркій пламень,
Возрожденъ, какъ цвѣтъ и свѣтъ,
Мракъ желѣза, мертвый камень.

Потому, отвѣтъ гласилъ,
Что земному подобаетъ
Побывать въ жару горнилъ,
Тамъ, гдѣ все перекипаетъ.

Да земныя тѣлеса
Аки Солнце просвѣтятся,
Передъ тѣмъ какъ въ Небеса
Въ царство Солнца возвратятся.

Искушенные огнемъ,
Разлученные съ тоскою,
Поплывутъ въ свой Отчій Домъ,
Ярко-огненной рѣкою.

САЛАМАНДРА.

Межь бреговъ есть брегъ Скамандра,
Что живетъ въ умахъ вѣка.
Межь звѣрей есть саламандра,
Что къ безсмертію близка.
Дивной силой мусикійской
Вброшенъ въ жизнь который годъ,
Этотъ звѣрь въ странѣ Индійской
Яркимъ пламенемъ живетъ.
Разожги костеръ златистый,
Саламандру брось въ него, —
Меркнетъ вдругъ восторгъ огнистый,
Звѣрь живетъ, въ кострѣ—мертво.
Такъ и ты, коль Дьяволъ черный
Въ блескъ любви введетъ свой ликъ,
Вспыхнешь весь во лжи узорной,
А любовь—погаснетъ вмигъ.

ТРАВА-КОСТЕРЪ.

Есть трава—ростетъ
Возлѣ тихихъ рѣкъ.
И не каждый годъ
Та трава цвѣтетъ,
А когда придетъ
Человѣкъ.

Ростъ ея—стрѣла,
И красивъ узоръ.
Та трава была
Много разъ свѣтла,
Снова расцвѣла,
Какъ костеръ.

И горитъ огонь
Возлѣ тихихъ рѣкъ.
Мчится красный конь,
Ржетъ, поетъ: Не тронь,
Не хватай огонь,
Человѣкъ.

Съ ржаньемъ конь скакалъ,
Убѣжалъ въ просторъ.

Ярко промелькалъ.
Былъ расцвѣтно-алъ,
Возлѣ рѣкъ сверкалъ
Цвѣтъ-костеръ.

И свѣтла была
Влага тихихъ рѣкъ.
Въ мірѣ вѣсть прошла,
Что трава цвѣла: —
Былъ здѣсь, въ мірѣ зла,
Человѣкъ.

БЛѢДНЫЕ ЛЮДИ.

Я людей повстрѣчалъ на степи неоглядной,
Въ безпредѣльномъ скитаньи своемъ,
У костра, въ часъ Луны предразсвѣтно-прохладной,
Нисходившей небеснымъ путемъ.

Трепетанья костра горячо расцвѣчали
Блѣднолицыхъ печальныхъ людей,
И рыданія флейтъ, въ ихъ напѣвной печали,
Разносились по шири степей.

Я спросилъ ихъ, о чемъ эти звонкіе стоны,
И отвѣтилъ одинъ мнѣ изъ нихъ:
„Въ нашихъ пѣсняхъ поютъ и скорбятъ милліоны,
Милліоны существъ намъ родныхъ“.

Какъ лунатикъ влекомъ междузвѣзднымъ пространствомъ,
Я ушелъ, годъ промчался, какъ сонъ,
Я ходилъ, и повторныхъ шаговъ постоянствомъ
Снова былъ къ ихъ костру приведенъ.

Въ часъ ночной, блѣднолицые люди смотрѣли
На рубинъ, возникавшій съ огнемъ,
И, какъ прежде, рыдали и пѣли свирѣли,
Ночь тревожа подъ Млечнымъ путемъ.

Начинала свирѣль, повторяла другая,
Третья, сотая, тысячный бредъ,
Точно пѣла и плакала бездна морская.
Я спросилъ—и услышалъ отвѣтъ.

„Вы всегда ли въ степи? И всегда ли вы въ горѣ?“
И какъ будто бы хрустнула цѣпь:—
„—Мы Славяне, мы вѣчно тоскуемъ о Морѣ,
Потому такъ и любимъ мы степь“.

Какъ безумный, опять я ушелъ на разстанья,
Какъ лунатикъ, закрывши глаза.
Вновь пришелъ. Вновь костеръ. Вновь пѣвучесть рыданья.
Вечеръ. Молнія. Алость. Гроза.

Степь и небо въ огнѣ. Міръ въ раскатахъ и въ гулѣ.
„Смерть иль жизнь?“ я шепнулъ, какъ во снѣ.
На меня блѣднолицые только взглянули,—
Лишь свирѣли отвѣтили мнѣ!

ВАНДА.

Ванда, Ванда, Дѣва Польши, ужь сведенъ съ минувшимъ счетъ,
Свѣтлый призракъ въ глубь принявши, Висла медленно течетъ.

Твой отецъ, о, Панна Влаги, былъ властитель Польши, Кракъ,
Онъ убилъ смолою Змія. Подвигъ тотъ случился такъ.

Змѣй Вавель, въ горѣ пещерной, извиваясь былъ въ гнѣздѣ,
Истреблялъ людей и нивы, изводилъ стада вездѣ.

Мудрый Кракъ, чтобъ искушенъ былъ Змій Вавель, хитритель злой,
Начинилъ бычачьи шкуры лико-черною смолой.

Близь пещеры, гдѣ чернѣла та змѣиная нора,
Встали чудища бычачьи, началась въ горахъ игра.

Змій Вавель бычачьи шкуры пастью жадною пожралъ,
И внутри воспламенился, и, безумствуя, сгоралъ.

И сгорѣлъ, пробивъ ущелье. Спасъ свою отчизну Кракъ.
Городъ Краковъ именитый есть лишь дней минувшихъ знакъ.

Дочь такого-то героя Ванда стройная была.
Какъ была она надменна, какъ была она свѣтла!

Много витязей хотѣло Дѣву Польскую плѣнить,
Мысль ничья ей не сумѣла золотую выткать нить.

Ванда, въ день когда раскрылся красоты ея цвѣтокъ,
На себя взглянула утромъ въ протекающій потокъ.

И сказала: „Развѣ можетъ рядомъ съ золотомъ быть мѣдь?
Нѣтъ достойнаго мужчины—Польской Панною владѣть“.

И молва о свѣтлоглазой прогремѣла тамъ вдали,
Въ край ея, изъ странъ далекихъ, Алеманы подошли.

Алеманскій повелитель, пышнокудрый Ритогаръ,
Красотою Ванды взятый, плѣнникъ былъ всевластныхъ чаръ.

И отправились къ ней дважды, трижды къ ней послы пришли,
Но привѣта Ритогару въ сердцѣ Дѣвы не нашли.

Бранный кличъ тогда раздался,—нѣтъ добра, будь геній зла,
Вся дружина Алемановъ копья длинныя взяла.

Но, хоть длинны, не достали, но, хоть остры, нѣтъ копья,
Ты была сполна красива,—Ванда, власть сполна твоя.

Вся дружина Алемановъ, Ванду видя предъ собой,
Пораженная какъ Солнцемъ, отступила, конченъ бой.

Кликнулъ вождь: „Да будетъ Ванда на землѣ и въ снѣ морскомъ!
„Ванда въ воздухѣ!“ воскликнувъ, поразилъ себя мечомъ.

И свершилось чарованье, отошла звѣзда къ звѣздѣ,
Ванда всюду, звѣздность всюду, на землѣ и на водѣ.

Устремившись въ воды Вислы, Ванда тамъ—въ текучемъ снѣ,
Свѣтлый взоръ ея колдуетъ Польскимъ судьбамъ въ глубинѣ.

Пѣсня въ воздухѣ надъ Вислой да не молкнетъ никогда,
Какъ побѣдный образъ Ванды живъ, пока течетъ вода.

ЕЛЕНА-КРАСА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, за тридевять земель,
Въ тридесятомъ государствѣ—Ой звучи, моя свирѣль!—
Въ очень-очень старомъ царствѣ жилъ могучій сильный Царь,
Было это въ оно время, было это вовсе встарь.
У Царя, въ томъ старомъ царствѣ, былъ Стрѣлецъ-молодецъ,
У Стрѣльца у молодого былъ проворный конь,
Какъ пойдетъ, такъ міръ пройдетъ онъ изъ конца въ конецъ,
Погонись за нимъ, уйдетъ онъ отъ любыхъ погонь.
Разъ Стрѣлецъ поѣхалъ въ лѣсъ, чтобы потѣшить ретивое,
Ѣдетъ, видитъ онъ перо изъ Жаръ-Птицы золотое,
На дорогѣ ярко рдѣетъ, золотой горитъ огонь,
Хочетъ взять перо—вѣщаетъ богатырскій конь:
„Не бери перо златое, а возьмешь—узнаешь горе".
Призадумался Стрѣлецъ,
Размышляетъ молодецъ,
Взять—не взять, ужь больно ярко, будетъ яхонтомъ въ уборѣ,
Будетъ камнемъ самоцвѣтнымъ. Не послушался коня.
Взялъ перо. Царю приноситъ свѣтоносный знакъ Огня.
„Ну, спасибо," Царь промолвилъ, „ты досталъ перо Жаръ-Птицы
Такъ достань мнѣ и невѣсту по указу Птицы той,
Отъ Жаръ-Птицы ты развѣдай имя царственной дѣвицы,
Чтобъ была вступить достойна въ царскій теремъ золотой!
Не достанешь—вотъ мой мечъ,
Голова скатится съ плечъ".

Закручинился Стрѣлецъ, пошелъ къ коню, темно во взорѣ.
„Что, хозяинъ?“—„Такъ и такъ“, молъ.—„Видишь, правду я сказалъ:
Не бери перо златое, а возьмешь—узнаешь горе.
Ну, да что-жь, поѣдемъ къ краю, гдѣ всегда сводъ Неба алъ.
Тамъ увидимъ мы Жаръ-Птицу, путь туда тебѣ скажу.
Такъ и быть ужь, эту службу молодому сослужу“.

Вотъ они пріѣхали къ садамъ неземнымъ,
Небо тамъ сливается съ Моремъ голубымъ,
Небо тамъ алѣетъ невянущимъ огнемъ,
Полночь ослѣпительна, въ полночь тамъ какъ днемъ.
Въ должную минутку, гдѣ вѣчный цвѣтъ цвѣтетъ,
Конь заржалъ у Древа, копытомъ звонкимъ бьетъ,
Съ яблоками Древо алостью горитъ,
Море зашумѣло, Кто-то къ нимъ летитъ.
Кто-то опустился, жаръ еще сильнѣй,
Вся игра зардѣлась всѣхъ живыхъ камней.
У Стрѣльца закрылись очи отъ Огня,
И раздался голосъ, музыкой звеня.
Гдѣ пропѣла пѣсня? Въ сердцѣ иль въ саду?
Ой свирѣль, не знаю! Дальше рѣчь веду.

Та пѣсня пропѣла: „Есть путь для мечты.
Скитанья мечты хороши.
Кто хочетъ невѣсты для свѣтлой души,
Тотъ въ мірѣ ищи Красоты“.
Жаръ-Птица пропѣла: „Есть путь для мечты.
Гдѣ Солнце восходитъ,—горитъ полоса,
Тамъ Елена-Краса золотая коса.
Та Царевна живетъ тамъ, гдѣ Солнце встаетъ,
Тамъ гдѣ вѣчной Веснѣ сине Море поетъ“.

Тутъ окончился звукъ, прошумѣла гроза,
И Стрѣлецъ могъ раскрыть съ облегченьемъ глаза:—
Никого передъ нимъ, ни надъ нимъ,

Лишь безкрайность Воды, бирюза, бирюза,
И рубиновый пламень надъ сномъ голубымъ.

Въ путь, Стрѣлецъ. Кто Жаръ-Птицу услышалъ хоть разъ,
Тотъ ужь темнымъ не будетъ въ пути ни на часъ,
И найдетъ, какъ находятся клады въ лѣсу,
Ту царевну Елену-Красу.
Вотъ поѣхалъ Стрѣлецъ, гладитъ гриву коня,
Пріѣзжаетъ онъ къ вѣчно-зеленымъ лугамъ,
Онъ глядитъ на рожденіе вѣчнаго дня,
И раскинулъ шатеръ-златомаковку тамъ.
Онъ разставилъ тамъ яства и вина, и ждетъ.
Вотъ по синему Морю Царевна плыветъ,
На серебряной лодкѣ, въ пути голубомъ,
Золотымъ она правитъ весломъ.
Увидала она златоверхій шатеръ,
Златомаковкой нѣжный плѣняется взоръ,
Подплыла, и какъ Солнце стоитъ предъ Стрѣльцомъ,
Обольщается тотъ несказаннымъ лицомъ.
Стали ѣсть, стали пить, стали пить, и она
Отъ заморскаго вдругъ опьянѣла вина,
Усмѣхнулась, заснула—и тотчасъ Стрѣлецъ
На коня, ѣдетъ съ ней молодецъ.
Вотъ пріѣхалъ къ Царю. Конь летѣлъ какъ стрѣла,
А Елена-Краса все спала да спала.
И во весь-то ихъ путь, золотою косой
Озарялась Земля, какъ грозой.
Пробудилась Краса, далеко отъ луговъ,
Гдѣ всегда изумрудъ расцвѣтать былъ готовъ,
Измѣнилась въ лицѣ, ну рыдать, тосковать,
Уговаривалъ Царь, невозможно унять.

Царь задумалъ вѣнчаться съ Еленой-Красой,
Съ той Еленой-Красой золотою косой.
Но не хочетъ она, говоритъ среди слезъ,

Чтобы тотъ, кто ее такъ далеко завезъ,
Къ синю Морю поѣхалъ, гдѣ Камень большой,
Подвѣнечный нарядъ тамъ ея золотой.
Подвѣнечный уборъ пусть достанетъ сперва,
Послѣ, можетъ быть, будутъ другія слова.
Царь сейчасъ за Стрѣльцомъ, говоритъ: „Поѣзжай,
Подвѣнечный нарядъ Красоты мнѣ давай,
Отыщи этотъ край—а иначе, вотъ мечъ,
Коротка моя рѣчь, голова твоя съ плечъ“
Ужь не вовсе ль Стрѣльцу огорчаться пора?
Вспомнилъ онъ: „Не бери золотого пера“.
Снова выручилъ конь: передъ бездной морской
Наступилъ на великаго рака ногой,
Тотъ сказалъ: „Не губи“. Конь сказалъ: „Пощажу.
Ты зато послужи“.—„Честью я послужу“.
Диво-Ракъ закричалъ на просторъ весь морской,
И такія же дива сползлися гурьбой,
Въ глубинѣ голубой изъ-подъ Камня они
Чудо-платье исторгли, блеснули огни.
И Стрѣлецъ-молодецъ подвѣнечный уборъ
Предъ Красой положилъ, но великій упоръ
Тутъ явила она, и велитъ наконецъ,
Чтобъ въ горячей водѣ искупался Стрѣлецъ.
Закипаетъ котелъ. Вотъ бѣда такъ бѣда.
Брызги бьютъ. Говоритъ, закипая, вода.
Коль добра ты искалъ, вотъ настало добро.
Ты бери—не бери золотое перо.
Испугался Стрѣлецъ, прибѣгаетъ къ коню,
Добрый конь-чародѣй заклинаетъ огню
Не губить молодца, молодого Стрѣльца,
Лишь его обновить красотою лица.
Вотъ въ горячей водѣ искупался Стрѣлецъ,
Вышелъ онъ невредимъ, вдвое сталъ молодецъ,
Что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.
Тутъ и Царь, чтобы старость свою развязать,

Прямо въ жаркій котелъ. Ты желай своего,
Не чужого. Погибъ. Вся тутъ рѣчь про него.
А Елена-Краса золотая коса—
Ужь такая нашла на нее полоса—
Захотѣла Стрѣльца, обвѣнчалась съ Стрѣльцомъ,
Мы о ней и о немъ на свирѣли поемъ.

СѢВЕРНЫЕ.

Мы поемъ о Скандинавахъ. Точно, смѣлы Скандинавы.
Много грабили, все къ Югу шли они отъ бѣлыхъ льдовъ.
И на Западѣ далекомъ свѣтъ нашли широкой славы,
Предвосхитили Колумба за четыреста годовъ.

Межъ такихъ предѣловъ разныхъ, какъ глухое Заонежье
И Атлантика съ Винландомъ, свѣтлый Кіевъ и Царьградъ,
Чайки Норги пролетѣли лабиринты побережья,
И о викингахъ донынѣ волны моря говорятъ.

Даже въ эту современность, Скальдъ сѣдой и величавый
Опрокинулъ всѣ оплоты мелкомыслящихъ людей,
Показалъ, припомнивъ древность, что не меркнутъ Скандинавы,
Башня Сольнеса надменна, Майя—въ заревѣ страстей.

Гордымъ воронамъ—хваленье. Скандинавамъ память наша
Вознесетъ охотно пѣсню, свѣтелъ Одинъ, мощенъ Торъ.
Но да вспѣнится разгульно и еще другая чаша,
Въ честь Славянъ, и въ честь Перуна, знавшихъ, знающихъ просторъ.

Разметать чужія риги, растоптать чужія гумны
Люди Сѣвера умѣли, какъ и мы, пьянясь бѣдой.
Но предъ ними ль будутъ падать—Тайновидецъ нашъ безумный,
И кудесникъ Русской рѣчи, Пѣснопѣвецъ нашъ златой!

Прикоснувшись къ Преступленью, мы раздвинули границы,
Перебросивъ дерзновенье до истоковъ Божества.
Мы въ степяхъ бѣжимъ какъ кони, мы въ степяхъ летимъ как птицы,
Посягнувши, посягаемъ, знаемъ вѣщія слова.

И любиться, цѣловаться кто умѣетъ, какъ Ярило?
Въ благородствѣ и въ размахѣ превзошелъ ли кто Илью?
Честь и слава Скандинавамъ! Да шумитъ въ моряхъ вѣтрило!
Честь Славянамъ! Пью за Сѣверъ, пью за Родину мою!

ЖИВАЯ ВОДА.

Богатыри родные,
Въ васъ свѣтятъ небеса,
Въ васъ водные, степные,
Лѣсные голоса.

Вы дѣтство укачали,
Какъ зимняя мятель
Качаетъ въ снѣжной дали
Загрезившую ель.

Вы въ отрочествѣ жили
Какъ отсвѣтъ вѣчныхъ силъ,
Какъ стебель давней были,
Который тьму пробилъ.

Вы юность обвѣнчали
Съ нарядною мечтой,
Съ глубинностью печали,
Съ улыбкой золотой.

Когда мечта хотѣла
Быть въ яркой зыби дней,
Вы поглядѣли смѣло,
Жаръ-Птицу дали ей.

Когда въ затонъ мечтанья
Вошла, какъ тѣнь, печаль,
Вы сдѣлали страданье
Прозрачнымъ, какъ хрусталь.

Мгновенья потонули,
Но, жезлъ подъявши свой,
Вы молодость вернули,
И смѣхъ, съ водой живой.

И гдѣ сошлись дороги,
Вашъ образъ—какъ звѣзда.
Богатыри, вы боги,
Вамъ жить и жить всегда.

ТѢНИ БОГОВЪ СВѢТЛОГЛАЗЫХЪ.

ЗНАКЪ: ИЗУМРУДЪ.

Если свѣтлая тѣнь на изумрудъ, сдѣлаетъ у
ной [illegible].

Розъ, [illegible] Арабскій.

ЧЕТВЕРОКРАТНОСТЬ.

Зорко глядитъ Свѣтовитъ,
Изъ Арконы взираетъ онъ вдаль,
Въ драгоцѣнныхъ камняхъ. Чаровническимъ свѣтомъ горитъ
Изумрудъ, хризолитъ, и карбункулъ, и горный хрусталь.
На четыре конца міровыхъ
Зеленѣй, жизнь людей,
Хризолитной мечтой во влюбленіяхъ искрись людскихъ,
И рубиновымъ, алымъ, червленымъ огнемъ, разгорайся, любись,
Золотись,
А печалиться станешь, такъ пусть и печаль,
Въ глуби вольной твоей,
Въ глубинѣ, загадавшихъ о многомъ, Славянскихъ очей,
Будетъ свѣтлой, какъ горный хрусталь.

СЛАВЯНСКОЕ ДРЕВО.

Корнями гнѣздится глубоко,
Вершиной восходитъ высоко,
Зеленыя вѣтви уводитъ въ лазурно-широкую даль.
Корнями гнѣздится глубоко въ землѣ,
Вершиной восходитъ къ высокой скалѣ,
Зеленыя вѣтви уводитъ широко въ безмѣрную синюю даль.
Корнями гнѣздится глубоко въ землѣ, и въ безсмертномъ подземномъ огнѣ,
Вершиной восходитъ высоко-высоко, теряясь свѣтло въ вышинѣ,
Изумрудныя вѣтви въ расцвѣтѣ уводитъ въ бирюзовую вольную даль.
И знаетъ веселье,
И знаетъ печаль.
И отъ Моря до Моря раскинувъ свои ожерелья,
Колыбельно поетъ надъ умомъ, и уводитъ мечтаніе въ даль.

Дѣвически вспыхнетъ красивой калиной,
На кладбищѣ горькой зажжется рябиной,
Взнесется упорно какъ дубъ вѣковой.
Качаясь и радуясь свисту мятели,
Растянется лапчатой зеленью ели,
Сосной перемолвится съ желтой совой.
Осиною тонкой какъ духъ затрепещетъ,
Березой засвѣтитъ, березой заблещетъ,

Серебряной ивой заплачетъ листвой.
Какъ тополь, какъ факелъ пахучій, возстанетъ,
Какъ липа іюльская умъ затуманитъ,
Шепнетъ звѣздоцвѣтно въ ночахъ какъ сирень.
И яблонью цвѣтъ свой разсыплетъ по саду,
И вишеньемъ ластится къ дѣтскому взгляду,
Черемухой нѣжитъ душистую тѣнь.
Раскинетъ рѣзьбу изумруднаго клена,
И долгою пѣсней зеленаго звона
Чаруетъ дремотную лѣнь.

Въ вешней рощѣ, вдоль дорожки,
Ходитъ легкій вѣтерокъ.
На березѣ есть сережки,
На бѣлянѣ сладкій сокъ.

На березѣ бѣлоствольной
Бьются липкіе листки.
Надъ рѣкой весенней, вольной
Зыбко пляшутъ огоньки.

Надъ рѣкою, въ часъ разлива,
Духъ узывчивый бѣжитъ.
Ива, ива такъ красива,
Тонкимъ кружевомъ дрожитъ.

Слышенъ голосъ ивы гибкой,
Какъ русалочій напѣвъ,
Какъ протяжность сказки зыбкой,
Какъ улыбка водныхъ дѣвъ:—

Срѣжь одну изъ вѣтокъ стройныхъ,
Освяти мечтой Апрѣль,
И, какъ Лель, для безпокойныхъ,
Заиграй, запой въ свирѣль.

Не забудь, что возлѣ Древа
Есть кусты и есть цвѣтки,
Въ зыбь свирѣльнаго напѣва
Всѣ запутай огоньки,

Всѣ запутай, перепутай,
Нашъ Славянскій цвѣтъ воспой,
Будь пѣвучею минутой,
Будь веснянкой голубой.

И все ростетъ зеленый звонъ,
И сонъ въ душѣ поетъ:—
У насъ въ поляхъ есть нѣжный ленъ,
И любъ-трава цвѣтетъ.
У насъ есть папороть-цвѣтокъ,
И перелетъ-трава.
Небесно-радостный намекъ,
У насъ есть синій василекъ,
Вся нива имъ жива.
Есть подорожникъ, есть дрема,
Есть ландышъ, первоцвѣтъ.
И нѣтъ цвѣтовъ, гдѣ злость и тьма,
И мандрагоры нѣтъ.
Нѣтъ тяжкихъ кактусовъ, агавъ,
Цвѣтовъ, глядящихъ какъ удавъ,
Кошмаровъ естества.
Но есть ромашекъ нѣжный свѣтъ,
И сладкихъ кашекъ есть расцвѣтъ,
И есть плакунъ-трава.

А нашъ плѣнительникъ долинъ,
Свѣтящій нѣжный нашъ жасминъ,
Не это ль красота?
А сну подобные цвѣты,
Что безъимянны какъ мечты,
И странны какъ мечта?

А нашихъ лилій водяныхъ,
Какой восторгъ замѣнитъ ихъ?
Не нужно ничего.
И самыхъ пышныхъ орхидей
Я не возьму за сѣть стеблей
Близь древа моего.

Не все еще вымолвилъ голосъ свирѣли,
Но лишь не забудемъ, что круглый намъ годъ,
Отъ ивы къ березѣ, отъ вишенья къ ели,
Зеленое Древо цвѣтетъ.

И туча протянется, съ молніей, съ громомъ,
Какъ дьявольскій омутъ, какъ вѣдьмовскій сглазъ,
Но Древо есть теремъ, и этимъ хоромамъ
Нѣтъ гибели, вѣченъ ихъ часъ.

Свѣжительны бури, рожденье въ нихъ чуда,
Колодецъ, криница, коверъ-самолетъ.
И вѣчно намъ, вѣчно, какъ сонъ изумруда,
Славянское Древо цвѣтетъ.

СВАРОГЪ.

Небо, носящее имя Сварога,
Небо, верховная степь голубая,
Небо, родившее Солнце, Дажьбога,
Какъ хорошо ты въ ночахъ, засыпая.

Искрятся звѣзды, судебъ нашихъ свѣчи,
Камни горятъ, что всегда самоцвѣтны,
Съ душами ждутъ свѣтозарности встрѣчи,
Съ душами могутъ ли быть безотвѣтны.

Небо, носящее имя Сварога,
Бездна верховная, глубь голубая,
Каждую ночь мы стоимъ у порога,
Въ часъ какъ уходитъ Дажьбогъ, засыпая.

День въ голубыя отходитъ пустыни,
День нашъ со свитой несчетныхъ явленій,
Свѣчи судебъ засвѣтились и нынѣ,
Будемъ въ безгласности ждать откровеній.

Небо, носящее имя Сварога,
Звѣзды раскинулись къ краю отъ краю,
Сердце, какъ радостно чувствовать Бога,
Сердце, ты мысль не обманешь, я знаю.

РУЕВИТЪ.

У Руевита семь мечей
Виситъ, въ запасъ, въ ножнахъ.
У Руевита семь мечей,
Восьмой въ его рукахъ.

У Руевита семь есть лицъ,
Что зримы надъ землей.
А для боговъ, пѣвцовъ, и птицъ
Еще есть ликъ восьмой.

У Руевита семь есть дней,
Чтобъ праздновать расцвѣтъ.
А день восьмой есть день огней,
Есть день рѣзни и бѣдъ.

У Руевита семь ночей
Для игрищъ и любви.
У Руевита семь мечей,
Чтобъ ихъ омыть въ крови.

ЯРИЛО.

Въ вѣнкѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ,
Цвѣтовъ полевыхъ,
Овѣянъ вѣщаньями прошлыхъ вѣковъ,
Въ одеждахъ волнистыхъ, красиво-живыхъ,
На бѣломъ конѣ,
Тропою своей,
Я ѣду, Ярило, среди Бѣлорусскихъ полей,
И звѣздныя росы сіяютъ на мнѣ,
Погаснутъ, и снова зажгутся свѣтлѣй,
Подъ рокотъ громовъ,
Въ вѣнкѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ,
Цвѣтовъ полевыхъ.

По селамъ, за мной, хороводами, дѣвы,
„Ярило“, поютъ, „озари намъ напѣвы“,
Ярилѣ слагаютъ свой стихъ,
Играютъ мнѣ пѣсни, на игрищахъ пляшутъ,
Сердца расцвѣтаютъ въ мигъ пляски мірской,
Тамъ гдѣ-то работаютъ, гдѣ-то тамъ пашутъ,
А игрища—въ уровень съ бѣлой сохой.
Горсть желтыхъ колосьевъ, колосья ржаные,
Я лѣвой рукою держу,
И маки горятъ, васильки голубые
Роняю я въ рожь, расцвѣчаю межу.

По селамъ, въ ихъ избахъ, и тѣсныхъ, и узкихъ,
Въ поляхъ безпредѣльныхъ, по имени—Русскихъ,
Являюсь я взору, и грезѣ во снѣ,
Я между живыхъ—какъ дающій забвенье,
Для нихъ—я видѣнье
На бѣломъ конѣ,
Мигъ страсти, богъ счастья, богъ отдыховъ плѣнныхъ,
И вновь пробужденій и игрищъ живыхъ,
Въ вѣнкѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ, не надменныхъ,
Но вѣчно-желанныхъ цвѣтовъ полевыхъ.

БОГИНЯ-ГРОМОВНИЦА.

Дѣвица волшебная, богиня Громовница,
Моя полюбовница
Лежала въ гробу.
И вѣтры весенніе плакали жалостно,
И съ воплями, яростно,
Играли на флейтахъ, и дули въ трубу.

Покойница юная—о, съ косами русыми,
И съ рдяными бусами
На шеѣ своей—
Бѣлѣла застылая, словно дремотная
Купава болотная,
Что еле раскрылась среди камышей.

Дѣвица волшебная, богиня Громовница,
Душа-полюбовница,
Ты крѣпко ли спишь?
Ужели ты вновь не исполнишься силою
Предъ богомъ Ярилою,
Не вспрянешь со смѣхомъ, разрушивши тишь?

Проснулась, проснулась ты! Я молньями рдяными
Взмахнулъ надъ туманами,
О, слава мечу!
Какая ты свѣтлая съ этими маками,
Ты мчишься надъ мраками,
Ворчатъ твои громы, рычатъ они. Чу!

РАДУГА.

Радуга—лукъ,
Изъ котораго Индра пускаетъ свои громоносныя стрѣлы.
Кто въ мірѣ единый развѣдаетъ звукъ,
Тотъ услышитъ и все семизвучье, раздвинетъ душой звуковые
предѣлы,
Онъ войдетъ въ восьмизвучье, и вступитъ въ цвѣтистость, гдѣ
есть фіолетовый полюсъ и бѣлый,
Онъ услышитъ всезвучность напѣвовъ, рыданій, восторговъ,
моленій, и мукъ.
Радуга—огненный лукъ,
Это—оружье Перуна,
Бога, который весь міръ оживляетъ стрѣлой,
Гулко поющей надъ майской, проснувшейся, жадной Землей,
Лукъ огневого Перуна,
Бога, въ которомъ желаніе жизни, желаніе юности вѣчно и юно.
Радуга—мостъ, что въ выси изогнулся дугой,
Мостъ, что въ разбѣгѣ, надъ бурею влажной и жаркой,
Свѣжей при молніяхъ, выгнулся праздничной аркой,
Словно павлинъ,
Исполинъ,
Въ радости яркой,
Вдругъ распустилъ въ Небесахъ расцвѣченный свой хвостъ,
Словно Жаръ-Птица надъ міромъ раскрыла кометный свой хвостъ,
Въ радости яркой

Отъ свѣжей игры самоцвѣтныхъ дождей.
Радуга—мостъ,
Радуга—Змѣй,
Поясъ цвѣтной изъ играющихъ звѣздъ,
Царскій уборъ изъ небесныхъ лучей,
Божій престолъ,
Божій алтарь для возженья неузнанныхъ дней,
Праздникъ весенняго Агни надъ мирностью пашенъ и селъ,
Радуга—звукъ,
Претворившійся въ свѣтъ,
Радуга—Ветхій Завѣтъ,
Въ Новомъ несозданномъ Храмѣ живущій какъ знакъ избавленья
отъ временныхъ мукъ,
Слово, въ которомъ несчетность значеній, число, для котораго
имени нѣтъ,
Радуга—звукъ,
Воплотившійся въ пламенный цвѣтъ.

СТРИБОГОВЫ ВНУКИ.

Вѣтры, Стрибоговы внуки,
Проносясь по безмѣрнымъ степямъ,
Разметали захватисто, цѣпкія, межъ травъ шелестящія,
Кому-то грозящія,
Блѣдныя руки,
Стонутъ, хохочутъ, свистятъ шелестятъ, шепчутъ соблазны
Громамъ.

„Гдѣ же вы, громы?
Судьбы намъ разны.
Гдѣ вы тамъ громы? Вамъ незнакомы
Вольныя шири степей.
Слава идетъ, что вы будто гремите,—
Гдѣ ужь вамъ! Спите!
Это лишь вѣтры, лишь мы шелестимъ, убѣгая по волѣ
скорѣй и скорѣй.
Степь пробѣжимъ мы, всю степь мы измѣримъ,
Съ хохотомъ, топотомъ, вторгнемся въ лѣсъ,
Сосны разметаны, травы всѣ спутаны. Что жъ, не хотите
спуститься съ Небесъ?
Гдѣ ужь вамъ! Что̀ ужь вамъ! Мы только носимся,
Въ Небо влетимъ, никого тамъ не спросимся,
Рухнемъ на Море, поднимемъ волну,
Свиснемъ,—въ другую страну.

Въ ночь колдовскую загадкой глядимъ,
Снѣгъ поднимаемъ, и носимся съ нимъ.
Пляшемъ подъ крышей съ соломой сухой,
Въ душу бросаемъ и хохотъ и вой.
Нѣжною флейтою душу пьянимъ,
Бѣшеной кошкою вдругъ завизжимъ.
Вѣдьмы смѣются, услышавши насъ,
Знаютъ, что вотъ онъ, отгадчивый часъ.
Вмигъ мы приносимся, вмигъ мы уносимся,
Входимъ гдѣ нужно, не молимъ, не просимся.
Снова по прихоти мчимся своей,
Эй вы, просторы степей,
Вѣтры мы, вѣтры, Стрибоговы внуки,
Дайте намъ пѣть и плясать веселѣй,
Мы вѣдь не сѣрою тучей влекомы,
Нѣтъ,
Мы вѣдь не громы,
Наши всѣ земли и нашъ небосводъ,
Мраки и свѣтъ,
Прямо летимъ мы—и вдругъ поворотъ,
Мы вѣдь не громы.
Небо? Да мы не считаемся съ нимъ,
Если чего мы хотимъ, такъ хотимъ!"

Вдругъ въ Небесахъ разорвались хоромы,
Башнями, храмами взнесшихся, тучъ,
Это за громы обиженъ, гремучъ,
Въ бѣгѣ блистателенъ,
Въ гнѣвѣ пѣвучъ,
Въ краскахъ цвѣтистъ, въ торжествѣ обаятеленъ,
Молніей дымный чертогъ свой порвавъ
Съ тьмой, съ тучевыми его водоемами,
Молніи бросивъ на землю изломами,
Ярый Перунъ, не сдержавши свой нравъ,
Выпустилъ гнѣвности: „Вотъ вамъ дорога,

Громы, задѣли васъ внуки Стрибога,
Вотъ же имъ факелы травъ!
Малые, юные, дерзкіе, злые,
Вѣтры степные,
Есть и небеснымъ услада забавъ!
Мы не впервые
Рушимъ созданья небесныхъ зыбей.
Любъ ли пожаръ вамъ, горѣнье степей?
Любы ли вамъ громогудные звуки?
Громы гремятъ!"
Но Стрибоговы внуки,
Выманивъ тайну, вметнувъ ее въ быль,
Рдяный качая горящій ковыль,
Съ свистомъ, съ шипѣньемъ, змѣинымъ, хохочущимъ,
Струйно-рокочущимъ,
Дальше уносятся, дальше уносятся, слѣдомъ клубится
лишь пыль.

СТИХЪ О ВЕЛИЧЕСТВѢ СОЛНЦА.

Величество Солнца великія поприща въ Небесахъ пробѣгаетъ легко,
Но малымъ намъ кажется, ибо въ далекости отъ Земли отстоитъ высоко.

Одежда у Солнца съ короною—царскія, много тысячъ есть Ангеловъ съ нимъ,
По вся дни хождаху съ нимъ, егда же зайдетъ оно, есть и отдыхъ одеждамъ златымъ.

Тѣ Ангелы Божіи съ него совлекаютъ ихъ, на Господень кладутъ ихъ престолъ,
И на ночь три Ангела у Солнца останутся, чтобъ въ чертогъ его—врагъ не вошелъ.

И только что къ Западу сойдетъ оно, красное, это часъ есть для огненныхъ птицъ,
Нарицаемыхъ фениксы и ксалавы горючіе, упадаютъ, летучіе, ницъ.

Предъ Солнцемъ летятъ они, и блестящія крылія въ окѣянстей макаютъ водѣ,
И кропятъ ими Солнце, да жаромъ пылающимъ не спалитъ поднебесность нигдѣ.

И егда отъ огня обгораетъ ихъ періе, въ океанъ упадаютъ он
Въ океанѣ купаются, и въ водѣ обновляются, снова свѣтлы на
новые дни.

И едва въ полуночь отъ престола Господняго двигнетъ Ангелъ
покровъ и вѣнецъ,
Пѣтелъ тутъ пробуждается, гласъ его возглашается, изъ конца
поднебесной въ конецъ.

И до свѣта свершается эта пѣснь предразсвѣтная, отъ жилищъ
до безлюдныхъ пустынь.
Богъ-Творецъ величается, радость въ міръ возвѣщается, радос
темнымъ и свѣтлымъ. Аминь.

СВАДЬБА МѢСЯЦА.

Какъ женился Свѣтлый Мѣсяцъ на Вечерней на Звѣздѣ,
Свѣтелъ праздникъ былъ на Небѣ, свѣтелъ праздникъ на Водѣ.

Страны облачны простерли серебристое руно,
Океанъ восколебался, перстень съ Неба палъ на дно.

До Земли лучи тянулись, и качалася трава,
Въ горнихъ высяхъ собирались всѣ святыя божества.

Молнія дары дѣлила: тучи взялъ себѣ Перунъ,
Лель-Любовь съ Красою-Ладой взяли звоны свѣтлыхъ струнъ.

Богъ Стрибогъ себѣ взялъ вѣтры, имъ приказывалъ играть,
И подъ рокотъ Океана разъигралась эта рать.

Свѣтовитъ, хоть и дневной онъ, посаженнымъ былъ отцомъ,
Новобрачныхъ онъ украсилъ золотымъ своимъ кольцомъ.

Синеокая Услада получила тихій часъ,
Свѣтлый часъ самозабвенья, съ нѣгой влажныхъ синихъ глазъ.

Океанская безкрайность ткала зыбь въ морскихъ звѣздахъ,
Чудо Моря, Диво-Рыба колыхалась на волнахъ.

И Русалки разметались въ бѣлыхъ пляскахъ по водѣ,
И въ лѣсахъ шептались травы, лунный праздникъ былъ вездѣ.

Въ тотъ всемірный звѣздный праздникъ возвѣщала высота,
Что съ Вечернею Звѣздою будетъ вѣкъ дружить мечта.

Тотъ всемірный лунно-звѣздный свѣтлый праздникъ возвѣщалъ,
Что навѣки въ новолунье будетъ въ Морѣ пьянымъ валъ.

ПЕРУНЪ.

У Перуна ростъ могучій,
Ликъ пріятный, усъ златой,
Онъ владѣетъ влажной тучей,
Словно дѣвой молодой.

У Перуна мысли быстры,
Что захочетъ — такъ сейчасъ,
Сыплетъ искры, мечетъ искры
Изъ зрачковъ сверкнувшихъ глазъ.

У Перуна знойны страсти,
Но, достигнувъ своего,
Что любилъ онъ — рветъ на части,
Тучу сжегъ — и нѣтъ его.

ПРОБУЖДЕНІЕ ПЕРУНА.

При началѣ весны пробужденный Перунъ
Вылетаетъ на пламени синемъ,
И подъ громы своихъ вулканическихъ струнъ
Онъ несется по вышнимъ пустынямъ.

Онъ безумно летитъ въ ураганѣ огней,
И хохочетъ, ликуя безъ мѣры,
Вылетая изъ склепа оконченныхъ дней
Семимѣсячной зимней пещеры.

Передъ нимъ Океанъ, и, его бороздя,
И громами овѣявъ стремленье,
Ослѣпительный богъ, въ ожерельяхъ дождя,
Самоцвѣтные сѣетъ каменья.

Разрываются стѣны сомкнувшихся горъ,
Что зовутся межъ смертными тучи,
И уносится онъ, возлюбившій просторъ,
Огневзорный, веселый, пѣвучій.

Вотъ ужь онъ обогнулъ весь размахъ высоты,
И пропалъ, утонулъ, какъ мечтанье,—
Только тамъ, гдѣ онъ былъ, засвѣтились цвѣты,
Да разбитое молніей зданье.

ГУСЛИ-САМОГУДЫ.

Тамъ, гдѣ горъ сложились груды,
Въ крѣпость-домъ Громовника,
Диво-гусли-самогуды
Въ замкѣ спрятаны вѣка.

Много сильныхъ восходило
До скалистой высоты,
Но всегда слабѣла сила
Ровно-ровно у черты.

Много избранныхъ хотѣло
Самогуды-гусли взять,
Ровно-ровно у предѣла
Стыла ихъ живая рать.

Превращаясь въ изваянья,
Ихъ застывшія тѣла
Увеличивали зданье,
Домъ, гдѣ музыка была.

Такъ узорно каменѣли
Ровно-ровно у черты.
И ростутъ изъ камня ели,
Въ царствѣ гордой высоты.

Рѣзкимъ возгласомъ промчится
Въ свистѣ бури крикъ орла,
Стонутъ гусли, пѣсня длится,
Сказка музыки свѣтла.

Много тѣлъ сложилось въ груды,
Грозенъ домъ Громовника,
Входятъ души въ самогуды,
Пѣсня воздуха звонка.

ТРИГЛАВЪ.

Триглавъ, царящій троекратно,
Надъ Небомъ, Бездной, и Землей,
Зачѣмъ глядишь ты такъ возвратно
Тройной козлиной головой?

Ужели въ Небѣ тѣ же мысли,
Что въ Безднѣ безднъ, и на Землѣ?
Вездѣ-ль желанія повисли,
Какъ гроздья звѣздъ въ полночной мглѣ?

И свѣтлоглазый взглядъ хотѣнья
Ужели всюду повторенъ?
И то же-ль въ тлѣніи горѣнье,
Что̀ трижды въ вѣчностяхъ законъ?

Вездѣ ли тѣ же есть узоры,
И тѣ жь для всплесковъ берега?
И тѣ же пламенные взоры,
И тѣ же острые рога?

И тотъ же, трижды взятый съ бою,
Чтобъ снова жалить насъ, удавъ?
Надъ троекратною судьбою
Неукоснительный Триглавъ!

БѢЛБОГЪ И ЧЕРНОБОГЪ.

I.

Бѣлбогъ и Чернобогъ
Бесѣду-споръ вели.
И громъ возникъ, и вздохъ,
Вблизи, и тамъ вдали.

Въ пучинѣ звуковой,
И въ царствѣ тишины,
Въ пустынѣ міровой,
Звучали двѣ струны.

Мѣняясь безъ конца,
Вблизи, какъ и вдали,
Снотворца и Творца
Два дѣйства дружно шли.

Снотворецъ возвѣщалъ,
Что сонъ—богатство душъ,
Но день рождался алъ,
Творецъ вился, какъ ужъ.

Творецъ вился, какъ змѣй,
Рождался изумрудъ,
Отъ солнечныхъ лучей
Вездѣ цвѣты цвѣтутъ.

Все видно, все свѣтло,
Рукой все можно взять.
Мѣняется стекло,
Дрожитъ морская гладь.

Рубины на поляхъ
Горятъ какъ свѣжій макъ,
Но въ страстныхъ лепесткахъ
Есть кровь и боль и мракъ.

Но въ огненныхъ цвѣткахъ
Таится тяжкій сонъ.
И въ странныхъ облакахъ
Вечерній небосклонъ.

Темнѣетъ глубь морей,
Темнѣй вверху сафиръ,
Въ лѣсахъ, среди вѣтвей,
Иной мерцаетъ міръ.

Какъ хаосъ—міръ лѣсной,
Ужь поздно для лучей,
Ужь Воронъ тьмы ночной
Прокаркалъ часъ ночей.

И желтая Луна
Безъ блеска въ небесахъ,
И бродятъ тѣни сна,
И бродитъ Сонъ и Страхъ.

И тонкая струна
Дрожитъ, нѣжнѣй, чѣмъ вздохъ.
Но чья, но чья она,
Бѣлбогъ и Чернобогъ?

2.

Бѣлбогъ съ Чернобогомъ былъ въ спорѣ,
Кто въ чарахъ красивыхъ сильнѣй.
Раскинулось темное Море,
Помчались потоки лучей.

И Солнце, во имя Бѣлбога,
Пронзило огнемъ глубину,
И въ высяхъ ночного чертога
Зажгло золотую Луну.

Но хитростью Бога Ночного
Несчетности яркихъ лучей
Зажглись—какъ безмолвное слово
Во влажностяхъ темныхъ очей.

И ежели Небо красиво,
Ночной оно чарой зажглось,
Какъ блескъ синевого отлива,
На пышности черныхъ волосъ.

Такъ спорили долго и много
Два Бога, и міръ былъ смущенъ,
И День полюбилъ Чернобога,
И Сумракъ въ Бѣлбога влюбленъ.

ЦАРЬ ОГНЕННЫЙ ЩИТЪ.

Царь Огненный Щитъ, на конѣ восьминогомъ,
Надъ міромъ поставленный богомъ Бѣлбогомъ,
Съ Востока на Западъ проходитъ свой путь.
И конь его—бѣлый, и конь его—смѣлый,
Едва только, въ знойностяхъ, міръ онѣмѣлый
Коня запримѣтитъ—и можетъ вздохнуть.

Царь Огненный Щитъ выпиваетъ всѣ росы,
И сушитъ дороги, и жжетъ онъ откосы,
И влага восходитъ къ нему изъ морей.
Но конь его, съ каждою каплею влаги,
Все больше въ себѣ ощущаетъ отваги,
Ростетъ восьминогой громадой своей.

Ростетъ, подвигаясь по Небу съ Востока,
Мгновеньями вспыхнетъ огромное око,
И огненный броситъ надъ міромъ изломъ.
Ростетъ, надвигаясь, и странно темнѣетъ,
Мѣняется въ цвѣтѣ, густѣетъ, чернѣетъ,
И чу, подъ копытами рушился громъ.

Царь Огненный Щитъ, вознесясь до зенита,
Замедлилъ, подумалъ, и глянулъ сердито,
Онъ поднялъ коня на дыбы, и глядитъ.
Вотъ дернулъ за поводъ, и грянули громы,
Для жаждущихъ—внизъ сорвались водоемы,
И вдвое свѣтлѣе Царь Огненный Щитъ.

ОБЛАЧНЫЯ ДѢВЫ.

Въ тучахъ есть лѣса, есть пашни и посѣвы,
Стройные, ростутъ, восходятъ терема,
У янтарныхъ оконъ Облачныя Дѣвы
Ткутъ, прядутъ, въ ихъ тканяхъ—свѣтъ, въ ихъ пряжѣ — тьма.

Безъ конца прядутъ и ткутъ попеременно,
Любо Дѣвамъ выткать самоцвѣтный лугъ,
Море изъ опала, ширь, гдѣ влажность пѣнна,
Сѣть сребристой грезы, золотистый кругъ.

Изъ воздушной влаги облачныя горы,
Стебли изъ дождя, что внизъ, не вверхъ ростутъ.
Облачныя Дѣвы ткутъ всегда узоры,
Имъ въ отвѣтъ Земля рождаетъ изумрудъ.

ВЕЛЕСЪ.

Волосъ, Велесъ, богъ пышныхъ стадъ,
Богъ изумрудностей въ Апрѣлѣ,
Прими — не грозовой раскатъ,
Текучесть льющихся руладъ
Моей пастушеской свирѣли.

Богъ мирныхъ дней, Велесъ, Волосъ,
Ужь въ нашихъ долахъ отшумѣли
Игранья первыхъ громкихъ грозъ,
И стебли свѣтлые овесъ
Поитъ росой подъ звукъ свирѣли.

Богъ нѣжныхъ травъ, Волосъ, Велесъ,
Ты кроткій другъ забавъ при дѣлѣ,
Ты пращуръ мой, ты духъ чудесъ.
Ты дѣдъ Баяна. Чу, какъ лѣсъ
Поетъ подъ звукъ моей свирѣли.

Богъ сочныхъ травъ, Велесъ, Волосъ,
Твои луга не оскудѣли,
Звенитъ и свѣтитъ сѣнокосъ,
Чу, сколько пѣсенъ понеслось
Въ отвѣтъ на зовъ моей свирѣли.

Богъ тучныхъ нивъ, Волосъ, Велесъ,
Въ честь бога—жатвы подоспѣли,
И межь снопами, въ честь Небесъ,
Кустъ ржи завитый не исчезъ,
Закрутъ воскресъ, подъ звукъ свирѣли.

Чу, колокольчики звенятъ,
Нѣжнѣй, чѣмъ гомонъ птицъ въ Апрѣлѣ,
Стада идутъ съ возами въ рядъ,
Волосъ, Велесъ, богъ пышныхъ стадъ,
Годъ спѣтъ. Домой, подъ зовъ свирѣли.

КОЛОСЪ ВЕЛЕСА.

Закрученный колосъ, въ честь бога Велеса,
Виситъ украшеньемъ въ избѣ, надъ окномъ.
На небѣ осеннемъ густѣетъ завѣса,
И Ночь въ двоечасьи длиннѣетъ предъ Днемъ.

Въ томъ суточномъ нощно-денномъ двоевластьи
На убыль пошли чарованія Дня.
И въ Небѣ Велесъ, въ этомъ зримомъ ненастьи,
Стада облаковъ умножаетъ, гоня.

Но колосъ закрученъ. Круженіе года
Уводитъ Велеса. Онъ въ Небо ушелъ.
Онъ скрутитъ тамъ тучи. Яснѣетъ погода.
Вотъ, предки дохнули надъ мирностью селъ.

Ужь ледъ на рѣкахъ не вполнѣ достовѣренъ,
Снѣга покрываются настомъ въ ночахъ.
Ходъ Ночи и Дня въ полнотѣ равномѣренъ,
Вновь сдвинутъ, — у Дня больше свѣта въ очахъ.

Тотъ свѣтъ отразится въ подснѣжникѣ скоро,
Закрученный колосъ раскрутится вновь.
Богъ новаго хочетъ земного убора,
На выгонъ, къ Велесу, земная любовь!

ПРАЗДНИКЪ ЗЕЛЕНОЙ НЕДѢЛИ.

Лѣтницы, праздникъ Зеленой Недѣли.
Идите, идите, стада,
Въ просторъ изумруда, подъ звуки свирѣли,
Такими веселыми будьте всегда.
Мы хлѣбомъ и медомъ стада угощаемъ,
Вѣнчаемъ нарядными лентами ихъ,
Цвѣтами, что грезятъ Апрѣлемъ и Маемъ,
Зелеными вѣтками ихъ украшаемъ,
Велесу свирѣльный слагаемъ мы стихъ.
Ливни веселые въ Небѣ созрѣли,
Стебли дождя отъ Небесъ до Земли.
Тучамъ — раскатности, намъ же — свирѣли,
Нѣжное — близко, и грозность — вдали.
Травы, цвѣтите, поютъ вамъ свирѣли,
Медомъ вамъ будетъ живая вода.
На выгонъ, на праздникъ Зеленой Недѣли,
Идите, идите, стада.

ПРАЗДНИКЪ ЛАДЫ.

Какъ различны мельканья красы
Въ вѣковомъ, намъ шумящемъ, бурунѣ!
У Литовцевъ былъ Праздникъ Росы,
Въ изумрудномъ Іюнѣ.

У Поляковъ, у свѣтлыхъ Славянъ,
Такъ понявшихъ красивость измѣны,
Крикъ кукушки мечтой былъ сліянъ
Съ чарой вешней Живены.

Праздникъ Лады есть праздникъ любви,
А въ Апрѣлѣ веснянки поются,
Все, что хочешь, мечтой назови,
Отголоски найдутся.

Праздникъ первыхъ въ лѣсу лепестковъ,
Праздникъ мартовскій смерти Мораны,
Праздникъ выпавшихъ за ночь снѣговъ,
Разны мысли и страны.

Есть и праздникъ танцующихъ ногъ,
Есть и праздникъ влюбленнаго взгляда.
Какъ мелькаетъ онъ, твой башмачокъ,
Какъ смѣется намъ Лада!

ПРАЗДНИКЪ ВЕСНЫ.

Зима отъѣхала отъ насъ,
Телѣга скрылась вдалекѣ.
Весна подходитъ. Въ добрый часъ.
Весна всегда ласкаетъ насъ.
И Лѣто ѣдетъ въ челнокѣ.
Прощайте, снѣжности Зимы,
Бурлитъ и пѣнится разливъ.
Изъ тѣста жаворонковъ мы
Печемъ, имъ клювъ позолотивъ,
И крылья золотомъ покрывъ.
Чтобъ клювъ по-солнечному былъ,
И къ намъ Весну поторопилъ,
Сусальнымъ золотомъ крыло
Скорѣй Весну сюда влекло.
Еще мы круглый хлѣбъ печемъ,
Съ хлѣбъ-солью выйдемъ предъ Тепломъ.
И стелемъ новый холстъ въ поляхъ,
Кладемъ пирогъ на тѣхъ холстахъ.
И обратившись на Востокъ,
Поемъ обрядовый намекъ:—
„Весна красна, Весна красна,
Приди къ намъ поскорѣй!
Гори, Любовь, приди, Весна,
Къ намъ съ милостью своей!

Будь Ладой къ снамъ, усладой намъ,
Побольше дай цвѣтовъ!"
Весна идетъ, и намъ поетъ:
„Ужь лугъ цвѣсти готовъ!"
„— Весна красна, Весна красна,
Березка намъ нужна!"
Весна идетъ, и намъ поетъ:
„— Ужь липкій сокъ течетъ!"
„— Весна красна, Весна красна,
Красивы глазки льна!"
„— Я дамъ вамъ ленъ и коноплю,"
Весна поетъ: „Люблю!"

МОРСКОЕ ЧУДО.

Отправился Витязь къ безвѣстностямъ странъ,
По синему Морю, чрезъ влажный туманъ.
Плыветъ, развернулась предъ нимъ бирюза,
Морская Пучина — кругомъ вся Глаза.

То Чудо струило дрожанье лучей,
И все состояло изъ устъ и очей.
Глубинная бездна окружно зажглась,
Глядѣла несчетностью пляшущихъ глазъ.

Глядѣла на Витязя зыбко-свѣтло,
Въ рукѣ у него задрожало весло.
Шептала устами, какъ Вѣчность, ему.
„Ужь ѣхать ли?“ Витязь подумалъ. „Къ чему?“

У Чуда Морского, куда ни взгляни,
Все очи, все очи, во взорахъ огни.
У Чуда Морского, въ дрожаніи струй,
Все губы, все губы, вездѣ поцѣлуй.

И Витязю стало такъ странно-свѣтло,
И влага, скользнувши, умчала весло.
И дрогнули очи, и влажности губъ
Такъ долго ласкали безжизненный трупъ.

МОРСКАЯ ПАНИ.

Царевичъ Горошекъ, съ глазами лукавыми,
Подпоясанный тонкими свѣтлыми травами,
Малъ, но силенъ, не спуститъ врагу.
Если хочетъ гремѣть, такъ ужь вѣрно прославится,
А когда онъ задумаетъ чѣмъ позабавиться,
Самъ себѣ говоритъ: Все могу.
Звѣздокудрый — Горошекъ, и знаетъ онъ чары,
Вотъ однажды принесъ онъ цвѣтные товары,
Разложилъ на морскомъ берегу.
Много всякаго: книжка Цвѣтныя Странички,
Изъ жемчужины рыбки, изъ золота птички,
И зеленые въ томъ же числѣ черевички,
Все горитъ и играетъ огнемъ,
Засвѣтилось въ морскомъ пѣнпотканомъ туманѣ,
Башмачками Морская прельстилася Пани,
Изловилъ ее, спряталъ въ свой домъ.

Онъ въ угоду красавицы бездны глубинной
Создалъ между утесовъ дворецъ паутинный,
И досталъ ей изъ Моря, со дна,
Все, чѣмъ бездна морская сильна:—
Жемчуга, драгоцѣнные камни, кораллы,
И гирлянду морскихъ расцвѣтающихъ звѣздъ,
И въ блистающій пологъ онъ сплелъ ей кристаллы.

И отъ Моря къ дворцу свѣтлый выткалъ ей мостъ.
И пригналъ, чтобъ скакать, жеребца ей морского,
И двѣнадцать пригналъ ей морскихъ кобылицъ.
Но не молвила Пани Морская ни слова,
Въ черевички обулась, потупилась ницъ.
И блѣднѣетъ, и чахнетъ въ томленьи безсонномъ,
И какъ Пани Морская — такъ Солнце вдали,
Раньше было оно на лазури червоннымъ,
Поблѣднѣло, груститъ, всѣ цвѣты отцвѣли.
И Царевичъ пошелъ въ тридесятое царство,
Онъ тревожныя смѣло предпринялъ мытарства,
Чтобы только узнать, отчего
Было раньше все живо, а стало мертво.

Вотъ Царевичъ Горошекъ идетъ, и тоскуетъ,
Въ тридесятомъ онъ царствѣ, гдѣ Солнце ночуетъ,
Прямо къ дому, — тамъ солнцева Мать,
Посмотрѣла сперва на Горошка сердито,
„Спрячься“, шепчетъ, „вотъ здѣсь, въ золотое корыто,
Солнце будетъ, такъ я постараюсь узнать.“
Вотъ и Солнце пришло по путямъ небосклоннымъ.
„Что̀ ты, дитятко? Прежде ты было червоннымъ,
А теперь все блѣднѣешь, блѣднѣй, чѣмъ Луна,
Когда въ четверти первой она.“
И отвѣтило Солнце: „Когда-то въ туманѣ
Я встрѣчало Морскую красивую Пани,
Посмотрю — покраснѣю сейчасъ,
Потому что красива блѣдняпка Морская,
И красива одежда на ней голубая,
И красавъ изумрудъ ея глазъ.
Ужъ не вижу я Пани“. Тутъ Солнце вздохнуло,
Закатилось, и въ спальнѣ предкрайной заснуло.
А Царевичъ Горошекъ домой,
И разсыпался громомъ, и выпустилъ Пани, —
И подъ утро, червонное, въ аломъ туманѣ,
Солнце встало надъ бездной морской!

МАРІЯ МОРЕВНА.

Марія Моревна, Марія Моревна,
Прекрасная ты королевна!
Дочь Моря ли ты? Ты богиня ли Лада?
Марія Моревна, услада!

Глаза твои свѣтлы, глаза твои чудны,
Одежды твои изумрудны.
Зовутъ Ненаглядной тебя Красотою,
Съ косою твоей золотою.

Безсмертный Кощей на тебя покусился,
Похитилъ, съ царевною скрылся.
Но Вѣтеръ и Градъ съ дождебрызжущимъ громомъ
Упали надъ дьявольскимъ домомъ.

Маріи Моревнѣ Кощей ли желаненъ?
Онъ змѣйно-уродливо-страненъ.
И Воронъ, и Соколъ, съ Орломъ, всѣ на Змѣя,
Царевну спасли отъ Кощея.

Чу, Буря хохочетъ, чу, Громъ какъ грохочетъ,
Весь міръ безъ тебя быть не хочетъ.

Ужь очень мы были бы темно-плачевны
Безъ нашей Маріи Моревны.

Марія Моревна, Марія Моревна,
Прекрасная ты королевна!
Ты міръ золотишь свѣтоносностью взгляда,
Марія Моревна, услада!

БОГЪ ПОГОДА.

Богъ Погода, юный, малый,
Въ васильковомъ онъ вѣнкѣ,
У него румянецъ алый,
Перстень синій на рукѣ.

Перстень синій, съ бирюзою,
Крылья тонки мотылька,
Нѣженъ цвѣтъ, передъ грозою,
Васильковаго вѣнка.

Голубой и серебристый
Развѣвается покровъ,
Весь онъ легкій, весь сквозистый,
Богъ цвѣтовъ и мотыльковъ.

Богъ пріятнаго покоя,
Шелестѣнья свѣтлыхъ травъ,
Сладкихъ отдыховъ отъ зноя,
Прохладительныхъ забавъ.

Есть иные, что серьезны,
Хмурятъ очи, жгутъ огнемъ,
Боги люты, боги грозны,
Тѣ, что любятъ кровь и громъ.

Богъ Погода жертвъ не хочетъ,
Въ храмахъ душно, мчится въ лѣсъ,
Вонъ, съ касаткой онъ хохочетъ,
Съ быстрой ласточкой исчезъ.

Богу юному, Погодѣ,
Все и дѣло что летать,
Промелькнуть на небосводѣ,
И земнымъ съ земными стать.

БЕРЕГИНЯ.

Есть красивыя старинныя слова,
Ихъ душа черезъ столѣтія жива.
У Славянъ въ почтеньи были берегини,
Это водныя прибрежныя богини.

Цвѣтъ морей и цвѣтъ затоновъ нѣжно-синь,
Взоръ глубокъ у синеглазыхъ берегинь.
Голосъ ихъ — какъ зовъ-напѣвъ волны прибрежной,
Завлекательный, ласкательный, и нѣжный.

Лебедь Бѣлая, вѣдунья старыхъ дней,
Берегинею была среди людей.
Витязь былъ, Потокъ Могучій, ею скованъ,
Бѣлой Лебедью прибрежной зачарованъ.

Онъ въ гробницѣ очутился — и съ конемъ,
Змѣй пришелъ, палилъ и жегъ его огнемъ.
Змѣй не сжегъ его, онъ жилъ бы и донынѣ,
Да не такъ хотѣлось Бѣлой Берегинѣ.

Лебедь Бѣлая любила быть одна
И глядѣть, какъ голубѣетъ глубина.
Любъ ей былъ и день и два Потокъ Красивый,
„Будетъ“, молвила съ улыбкой горделивой.

И взмахнувъ крылами бѣлыми надъ нимъ,
Обернула камнемъ витязя нѣмымъ.
Спитъ Потокъ, застылъ видѣньемъ бѣлоснѣжнымъ,
Надъ затономъ, надъ мерцаньемъ водъ прибрежнымъ.

Въ невеликомъ отдаленьи отъ него
Лебедь Бѣлая, и все кругомъ мертво.
Но не мертвенно-мертво, а въ смерти живо:—
Вѣще спитъ она, и въ снѣ навѣкъ-красива.

БОГЪ ПОСВИСТЪ.

Посвистъ, Посвистъ, съ кѣмъ несешься,
Споришь, сердишься, шумишь?
Надъ осокою трясешься,
Надъ изсохшей, чахлой вьешься,
Шорохъ льешь въ лѣсную тишь.

Сукъ зацѣпишь, сукъ застонетъ,
Можжевельникъ шелеститъ.
Хлыстъ незримый листья гонитъ.
Сумракъ сосенъ свистъ хоронитъ.
Свистъ безсмертенъ. Чу, свиститъ.

Въ осень, въ зиму, съ снѣгомъ сивымъ,
Съ снѣгомъ чистымъ вступитъ въ споръ.
Лѣтомъ, змѣй, грозится нивамъ:
Колосъ, колосъ, будь спѣсивымъ, —
Серпъ придетъ, и смятъ узоръ.

Расшаталася застрѣха,
Шепчетъ вѣтеръ, бьетъ, свиститъ.
Тамъ, въ оврагѣ, стонетъ эхо,
Ближе, дальше, звуки смѣха,
Посвистъ, Посвистъ шелеститъ.

ВОДЯНОЙ.

Если ночью надъ рѣкою
Ты проходишь подъ Луной,
Если, темный, надъ рѣкою
Ты захваченъ мглой ночной,
Не совѣтуйся съ тоскою,
Силенъ страшный Водяной.

Онъ душистыя растенья
Возростилъ на берегахъ,
Онъ вложилъ въ свои растенья
Власть внушать предъ жизнью страхъ,
Цѣпко сѣять опьяненье
Въ затуманенныхъ мечтахъ.

Самъ сидитъ весь голый въ тинѣ,
Въ шапкѣ, свитой изъ стеблей,
Въ скользкомъ илѣ, въ вязкой тинѣ,
Манитъ странностью своей,
Но замкни свой слухъ кручинѣ,
Тайный онъ совѣтчикъ ей.

Съ изумленьемъ ты замѣтишь,
Что скользятъ твои шаги,
Если это ты замѣтишь,

Самъ себѣ ты помоги,
Въ топяхъ помощи не встрѣтишь,
Здѣсь цвѣты и тѣ враги.

Прочь скорѣй отъ Водяного,
Онъ удавитъ здѣсь въ тиши,
Не смотри на Водяного,
И цвѣтами не дыши,
Если съ нимъ промолвишь слово,
Быстро вступишь въ камыши.

И захваченный рѣкою,
И испорченъ мглой ночной,
Той болотистой рѣкою,
Подъ ущербною Луной,
Ты поймешь съ иной тоскою,
Какъ захватистъ Водяной.

БОЛОТНЯНИКЪ.

Страхъ дѣтей и старыхъ нянекъ,
Вѣдьмамъ кажущій языкъ,
Духъ смѣшливый, болотняникъ,
А иначе водовикъ.

Если онъ кого встрѣчаетъ,
Онъ какъ кочка предстаетъ,
Схватитъ за ногу, качаетъ,
Чуть замедлишь, конченъ счетъ.

Онъ лягушку не утопитъ,
Любитъ кваканье трясинъ,
Но подъ землю поторопитъ
Тѣхъ, чье имя — Божій сынъ.

Такъ тихонько, такъ безъ злобы
Заберетъ и засосетъ:—
Всѣ — изъ матерней утробы,
Каждый въ Землю-мать пойдетъ.

Что же медлить? Поскорѣе:—
Меньше путь — короче грѣхъ.
Встала кочка, зеленѣя,
Чу, подъ кочкой сжатый смѣхъ.

Чу, подъ кочкой чьи-то стоны,
Стерся въ топи чей-то ликъ.
Болотняникъ, весь зеленый,
Утѣшаетъ: Есть двойникъ!

ДОМОВОИ.

Неуловимымъ видѣньемъ, неотрицаемымъ взоромъ,
Онъ таится на плоскости стѣнъ,
Ночью въ хозяйскихъ строеніяхъ бродитъ дозоромъ,
Тайностью вѣетъ, и волю свѣваетъ,
Умы забираетъ
Въ домовитый свой плѣнъ,
Сердцу внушаетъ, что дома уютно,
Что вотъ эти часы такъ пріятно стучатъ,
Что внѣ дома быть дурно, и прямо безпутно,
Что отраденъ очагъ, хоть и связанъ съ нимъ чадъ.
Расцвѣчаетъ на старыхъ обояхъ узоры,
Еле слышно на нихъ пошептавъ.
За окномъ—тамъ болота, тамъ темныя горы,
Не ходи. И колдуютъ безстрастные взоры,
Такъ прозрачно глядятъ, какъ на птицу удавъ.
Задержалъ уходящаго. Томно такъ стало.
Что̀ отсюда идти? Всюду то же, одно.
Да и съ вѣшалки шапка куда-то упала.
И въ сѣняхъ такъ темно. И враждебностью смотритъ окно.
Посиди на печи. Полежи. Или въ сердцѣ все порохъ?
Спи. Усни. Дышетъ жарко. Мерцаетъ. И хочется спать.
Въ мірѣ брошены мы. Кто-то спитъ.
Что-то есть. Чу, шуршитъ.
Наползающій шорохъ.

И невидимый кто-то къ кому-то, кто зримъ, подобрался,
налегъ на кровать.
Между стѣнъ развивается дымное зрѣлище духа.
Что-то давитъ,—какъ будто мертвецъ, на минуту живой,
Ухватился за горло живого, и шепчетъ такъ глухо
О тяготахъ земныхъ. Отойди, отойди, Домовой!

СОЛНЦЕ, ВѢТЕРЪ, И МОРОЗЪ.

Вотъ и мнѣ узнать пришлось
Солнце, Вѣтеръ, и Морозъ.

Шелъ дорогой я одинъ,
Вижу: Солнце, Божій сынъ.

Вижу: Вѣтеръ, Божій братъ,
И Морозъ, идущій въ Адъ.

На дорогѣ на одной
Трое всѣ передо мной.

Въ поясъ кланяюсь я имъ,
Тремъ могучимъ міровымъ.

Всѣмъ имъ поровну поклонъ,
Вѣтру вдвое, любъ мнѣ онъ.

Солнце въ гнѣвѣ на меня:—
„Ну, узнаешь власть огня.

„Не захочешь и врагу.
„Я сожгу тебя, я жгу.“

Вѣтеръ молвилъ: — „Ничего.
„Солнце жжетъ, смиримъ его.

„Въ свѣжемъ духѣ жизнь моя.
„Вѣю, вѣю, вѣю я“.

„Солнце что̀!“ сказалъ Морозъ,
Въ бѣлизнѣ своихъ волосъ.

„Солнце слабо, силенъ ледъ.
„Пострашнѣй со мною счетъ“.

Вѣтеръ молвилъ: „Ничего.
„Жостокъ ледъ, смягчимъ его.

„Въ вешнемъ духѣ жизнь моя.
„Вѣю, вѣю, вѣю я“.

Вѣтеръ Солнце укротилъ,
Пламень — только освѣтилъ.

Озарилъ, не сжегъ меня
Токъ блестящаго огня.

Въ Вѣтрѣ кроткимъ сталъ Морозъ,
Маемъ быть ему пришлось.

Поворчалъ онъ, былъ онъ золъ,
И какъ яблоня расцвѣлъ.

Вѣтеръ, Вѣтеръ, ты вѣдунъ,
Съ юнымъ старъ ты, съ старымъ юнъ.

Колдовская — власть твоя,
Вѣешь ты — и свѣтелъ я.

Вѣтеръ, Вѣтеръ, весь я твой,
Вешній я теперь съ тобой.

Распознать мнѣ довелось
Солнце, Вѣтеръ, и Морозъ.

СКАЗКА РѢКЪ.

Говоритъ намъ старина,
Раньше, въ радостяхъ игры,
Днѣпръ, Волга, и Двина
Были братъ и двѣ сестры.

Бѣденъ былъ отецъ у нихъ,
Чуть родивъ, скончалась мать,
Домъ былъ пустъ, и домъ былъ тихъ,
Вотъ, отправились гулять.

Побродила ихъ мечта,
Походила далеко,
Все хотятъ найти мѣста,
Чтобъ разлиться широко.

Какъ-то разъ среди болотъ
Ночевать они легли,
Братъ уснулъ, во снѣ поетъ,
Сестры встали, потекли.

Сестры были похитрѣй,
И какъ длилась темнота,
Взяли въ хитрости своей
Всѣ отлогія мѣста.

Братъ проснулся поутру,
Серебрится ранній свѣтъ,
Кликнулъ старшую сестру,
Кликнулъ младшую, ихъ нѣтъ.

Разсердился, дрогнулъ братъ,
Шумный токъ — какъ бѣгъ врага,
Струи пѣнныя кипятъ,
Рвутъ крутые берега.

Въ буераки мечутъ гулъ
Силой гнѣвностей своихъ,
Вотъ и Море, онъ вздохнулъ,
Онъ ровнѣй пошелъ, утихъ.

Въ это время двѣ сестры
Разбѣжались отъ него,
Были вмѣстѣ до поры,
Будетъ розно торжество.

Оттого-то у Днѣпра
Рукавовъ, пороговъ рой,
И быстра его игра
Передъ Волгой и Двиной!

ВЕСЕЛАЯ ЗАТВОРНИЦА.

Чья въ буряхъ перебранка?
Чей шопотъ? Зовъ листа?
Веселая Веснянка
Зимою заперта.

За тридевятымъ царствомъ.
Ты ждешь ея лица?
Пойди, твоимъ мытарствамъ
Не будетъ и конца.

Издрогнешь по дорогѣ,
Измерзнешь ты, и все жь
Ты въ зимніе чертоги
Къ Веснянкѣ не придешь.

Она играетъ въ прятки,
Замкнута, сломанъ ключъ.
И только разъ ей въ Святки
Даютъ на праздникъ лучъ.

Даютъ ей чудо-санки,
И въ замкѣ, на дворѣ,
Позволено Веснянкѣ
Согрѣть снѣга въ игрѣ.

Но что же, въ самомъ дѣлѣ,
Потерпимъ мы часокъ.
Ты слышишь вой мятели?
Въ немъ чей-то смѣхъ и скокъ.

Въ немъ чьи-то прибаутки.
Морозъ грозитъ: „Навѣкъ!“
Ну, нѣтъ, братъ, это шутки,
Придутъ разливы рѣкъ.

Веснянка ожидаетъ.
Мы тоже. Знаемъ ледъ.
Смотри въ окно: Ужь таетъ.
Веснянка къ намъ идетъ!

ЛѢСЪ.

1.

Пробуждается съ весною,
Переливною волною
Зеленѣетъ на вѣтвяхъ.
Отзовется гулкимъ эхомъ,
Крикомъ, гиканьемъ, и смѣхомъ
Для потѣхи будитъ страхъ.

Кружитъ, манитъ, и заводитъ,
Въ разныхъ обликахъ проходитъ,
Съ каждымъ разное всегда.
Малой травкой — на опушкѣ,
Въ старомъ борѣ—до верхушки,
Вона, вонъ гдѣ борода.

Лапти вывернулъ, и правый
Вмѣсто лѣваго, лукавый,
Усмѣхаясь, натянулъ.
То же сдѣлалъ и съ другою,
Въ лапоть скрытою, ногою,
И пошелъ по лѣсу гулъ.

То же сдѣлалъ и съ кафтаномъ,
И со смѣхомъ, словно пьянымъ,
Застегнулъ наоборотъ.

Въ разнополость нарядился,
Въ человѣчій ликъ вмѣстился,
Какъ мужикъ идетъ, поетъ.

Лишь спроси его дорогу,
Ужь помолишься ты Богу,
Ужь походишь по лѣсамъ.
Тотъ же путь сто разъ измѣришь,
Твердо въ Лѣшаго повѣришь,
Будешь вѣрить старикамъ.

2.

Гулко въ зеленомъ лѣсу откликается,
Въ чащахъ темнѣетъ, покуда смеркается,
Смотритъ въ сплетенныхъ кустахъ.
Прячется, кажется, смутнымъ видѣніемъ
Гдѣ-то тамъ, съ шопотомъ, съ хохотомъ, съ пѣніемъ,
Съ шорохомъ быстрымъ возникнетъ въ листахъ.
Лапчатой елью отъ взора укроется,
Встанетъ, и въ ростѣ внезапно удвоится,
Вспрыгнетъ, и съ трескомъ обломится сукъ.
Выросъ, съ вершиной, шурша, обнимается,
Сразу на многихъ деревьяхъ качается,
Тянется тысячью рукъ.
Вотъ отовсюду качанья и ропоты,
Тѣни, миганія, шорохи, шопоты,
Кто-то, кто долго былъ мертвымъ, воскресъ.
Что-то, что было въ беззвучномъ, въ неясности,
Стало грозящимъ въ своей многогласности,—
Лѣсъ!

3.

Смотритъ изъ тихихъ озеръ,
Манитъ въ безгласную глубь,
Вѣтви сплетаетъ въ узоръ.
— Лѣсъ, приголубь!

Тянетъ войти въ изумрудъ,
Съ пыльнаго манитъ пути,
Въ глушь, гдѣ деревья цвѣтутъ.
— Лѣсъ, защити!

Шепчетъ несчетной листвой,
Моремъ зеленыхъ пустынь.
— Лѣсъ, я такой же лѣсной,
Лѣсъ, не покинь!

ЛѢСНЫЕ ЦАРЬКИ.

Кто, въ проворствѣ твердый, могъ
Собственной рукою,
Отойдя отъ всѣхъ дорогъ
Быстро взять, въ завѣтный срокъ,
Звѣздный папороть-цвѣтокъ,
Надъ глухой рѣкою,—
Передъ тѣмъ, въ глуши лѣсной,
Многое возникнетъ,
По-другому глубиной
Глянетъ весь просторъ рѣчной,
Для него и звѣрь лѣсной
По-иному крикнетъ.

Тотъ, кто взять умѣлъ въ свой срокъ,
Звѣздный папороть-цвѣтокъ,
На лѣсной дорожкѣ,
На одной изъ тропокъ тѣхъ,
Гдѣ лѣсной змѣится смѣхъ,
Гдѣ цвѣтутъ цвѣты утѣхъ,
На лѣсной дорожкѣ,
Запримѣтитъ огоньки,
Что мелькаютъ вдоль рѣки,
Это свѣтятся царьки
Золотые рожки.

Прямо онъ туда пойдетъ,
Гдѣ царьки лѣсные,
Вотъ, въ подземный длинный ходъ
Царь царьковъ его ведетъ,
Вотъ, вошли въ какой-то сводъ,
Стѣны расписныя.
Ярче утренней зари,
И вечерней краше,
Что захочешь, все бери,
Но другимъ не говори,
Гдѣ рѣзныя чаши,
Гдѣ таятся янтари,
Гдѣ огни не наши.

Кто захочетъ, вѣря въ стихъ,
Самоцвѣтностей такихъ,
Пусть онъ зря не проситъ,
А сперва путей земныхъ
Пусть онъ скуку броситъ.
И походитъ вдоль рѣки,
Тамъ гдѣ звѣздные цвѣтки,
Близь лѣсной дорожки,
Что значеньемъ глубоки,
И придутъ къ нему царьки
Золотые рожки.

ДИВЬИ ЖЕНЫ.

Дивьи жены внушаютъ намъ страхъ.
Почему?
Вспоминаемъ ли саванъ при видѣ ихъ бѣлыхъ рубахъ?
Пробуждаетъ ли бѣлый тотъ цвѣтъ въ нашемъ сердцѣ безвѣстную тьму?
Или людямъ встрѣчать неуютно
Въ тѣнистыхъ лѣсахъ
Не людей?
Человѣкъ съ человѣкомъ, какъ съ птицею птица, мелькаютъ попутно,
Все удобно, знакомо, хоть встрѣть я разбойника между вѣтвей,
Знаю, какъ поступить:
Я слабѣй — быть убитымъ, сильнѣе — убить,
Или что-нибудь, какъ-нибудь, ну, ужь я знаю, какъ быть.
Тутъ принять намъ возможно рѣшенье.
А вотъ какъ поступить, если встрѣтишь ты дивью жену?
Чуть посмотришь на бѣлое это видѣнье,
Вдругъ тебя, непредвидѣнно, клонитъ ко сну,
И впадаешь въ забвенье.
Ты заснулъ. Просыпаешься — лѣсъ ужь другой.
На могилахъ невѣдомыхъ ветлы верхушками машутъ,
Словно старой сѣдою изсохшей рукой, —
Убѣги, молъ, скорѣй, убѣги, убѣги. Но видѣнія бѣлыя пляшутъ.
И лучиной зажженною свѣтятъ они,
И приходятъ, уходятъ, и бродятъ огни.

Убѣжать невозможно.
Дивьи жены сковали, хотя и не клали цѣпей.
Сердце бьется тревожно.
Разорвется пожалуй. Бѣги, убѣги поскорѣй.
Убѣжать невозможно.
Превратишься въ березу, въ траву, въ можжевельникъ, въ сосну.
Если во-время ты заговоръ противъ нихъ не вспомянешь,
Такъ въ лѣсу, межь лѣсными, въ лѣсной западнѣ и застрянешь.
Не смотри, проходя межь деревьевъ, на дивью жену!

ПОЛУДНИЦЫ.

Три полудницы-дѣвицы
У лѣсной сошлись криницы,
Часъ полдневный въ этотъ мигъ
Прозвенѣлъ имъ въ вѣткахъ, въ шутку,
И послѣднюю минутку
Уронилъ въ лѣсной родникъ.

И одна изъ тѣхъ причудницъ,
Свѣтлокудрыхъ дѣвъ-полудницъ
Говоритъ межъ двухъ сестеръ:
„Вотъ ужъ утро миновало,
А проказили мы мало.
Я съ утра крутила соръ,
Прахъ свивала по дорогамъ,
На утесѣ круторогомъ
Отдохнула — и опять,
Все крутила, все крутила,
Утомилась къ полдню сила,—
Послѣ полдня что начать?“

И отвѣтила другая:
„Я съ утра ушла въ поля,
Жили тамъ серпы, сверкая,
Желтый колосъ шевеля,

Спѣлый колосъ подсѣкая.
Посмотрѣла я кругомъ,
На межѣ лежитъ ребенокъ,
Свитъ въ какой-то тѣсный комъ,
Сжатъ онъ въ саванъ изъ пеленокъ.
Я догадлива была,
Я пеленки сорвала,
Крикъ раздался, былъ онъ звонокъ,
Но душа была свѣтла,
Я ребенка унесла,
И по воздуху носила
Утомилась къ полдню сила,
А ребенокъ сталъ лѣснымъ,—
Что̀ теперь мнѣ дѣлать съ нимъ?"

И послѣдняя сказала:
„Что жь, начните то жь сначала, —
Ты крути дорожный прахъ,
Ты, ребенка взявъ отъ нивы,
Закрути его въ извивы,
И качай въ глухихъ лѣсахъ".
„— Ну, а ты что?"—„Я глядѣла,
Какъ въ водѣ заря блестѣла,
Вдругъ послышались шаги,
Я скорѣе въ глубь криницы:
Для полудницы-дѣвицы
Люди — скучные враги.
Я въ криницѣ колдовала,
Я рождала зыбь опала,
Я глядѣла вверхъ со дна,
И глядѣли чьи-то очи,
Путь межъ насъ былъ все короче,
Чаровала глубина,
Чаровала, колдовала,
И душа полюбывала

О намѣченномъ пути,
Кто-то верхній позабылся,
Здѣсь, въ глубинахъ очутился,
Я давай цвѣты плести,
Горло нѣжное сдавила,
Утомилась къ полдню сила,
Вверхъ дорогу не найти.
Я же здѣсь".

И три дѣвицы,
У лѣсной глухой криницы,
Смотрятъ, смотрятъ, зыбокъ взоръ.
Ждутъ, и вотъ прошла минутка,
Вновь звонитъ мгновеній шутка,
Въ продѣльностей разсулка: —
„Сестры! Дальше! На просторъ!"

ЛѢСУНКИ.

Кто играетъ на опушкѣ?
Чей тамъ звонкій слышенъ сонъ?
Тонкій, тонкій, какъ въ игрушкѣ,
Говоритъ хрустальный звонъ.

Чьи тамъ маленькія струнки
Преисполнены чудесъ?
Это нѣжныя лѣсунки
Веселятъ полдневный лѣсъ.

Вонъ, въ одеждѣ паутинной,
Вмѣстѣ двѣ, и порознь три,
Волосъ свѣтлый, волосъ длинный,
И въ вѣнкахъ они, смотри.

Вонъ, еще, семья другая,
Порознь три, и вмѣстѣ двѣ,
Пляшутъ, въ зелени мелькая,
Нѣтъ слѣдовъ отъ нихъ въ травѣ.

Брилліантъ роняютъ въ дрёму,
Въ бѣлый ландышъ, въ василекъ,
Освѣжаютъ ихъ истому,
Расцвѣчаютъ лепестокъ.

Вольныхъ бабочекъ вѣнчаютъ
Въ беззаконной ихъ любви,
Стебли тонкіе качаютъ,
Говорятъ всему: Живи.

И лѣсныя щебетуньи
Имъ поютъ свой птичій стихъ,
Эти малыя колдуньи
Сестры имъ въ забавахъ ихъ.

Въ гусляхъ сказочныя струнки
Теребитъ зеленый жукъ,
Пляшутъ стройныя лѣсунки,
Долго длится тонкій звукъ.

ВОДНАЯ ПАННА.

Что этò, голубь воркуетъ?
Ключъ ли журчитъ неустанно?
Нѣтъ, это плачетъ, тоскуетъ
Водная панна.

Чтò на лугу тамъ бѣлѣетъ,
Свѣтится лунно и странно?
Это туманы лелѣетъ
Водная панна.

Чтò это въ мельницу бьется,
Жерновъ крутитъ первозданно?
Это хохочетъ, смѣется
Водная панна.

Плакала, больше не хочетъ
Плакать такъ струнно-обманно,
Въ мельничныхъ брызгахъ хохочетъ
Водная панна.

Кто-то ходилъ на откосахъ,
Съ нимъ она вьется сліянно,
Нѣжится въ мельничныхъ росахъ
Водная панна.

Возлѣ крутого обрыва
Тайна царитъ невозбранно.
О, какъ блѣдна и красива
Водная панна!

ОГНЕННЫЙ ДУХЪ.

Кто вдали идетъ предъ нами?
Черный весь, онъ свѣтитъ ало.
Духъ съ двѣнадцатью глазами,
Духъ, зовущійся Ховала.

Онъ еще зовется Віемъ,
Онъ еще зовется Тучей,
Онъ ползетъ по Небу зміемъ,
Онъ роняетъ слѣдъ горючій.

Растянувшись отъ Востока,
Въ дымный Западъ онъ упрется,
И широко, и далеко
Онъ грозится, онъ смѣется.

Искривленно онъ хохочетъ,
Кровли хижинъ зажигая.
И грохочетъ, и не хочетъ
Сгинуть въ смерти сила злая.

Вотъ, прошло. Змѣя убита.
Но надъ нами Небесами
Вѣчно скрытъ, и дышетъ скрыто
Духъ съ двѣнадцатью глазами.

РАЙСКІЯ ПТИЦЫ.

На Макарійскихъ островахъ,
Куда не смотрятъ наши страны,
Куда не входятъ Смерть и Страхъ,
И не доходятъ великаны,—

На Макарійскихъ островахъ
Живутъ безъ горя человѣки,
Тамъ въ изумрудныхъ берегахъ
Текутъ пурпуровыя рѣки.

Тамъ камни цѣнные цвѣтутъ,
Тамъ все въ цвѣтеньи вѣчно-юномъ,
Тамъ птицы райскія живутъ,
Волшебный Сиринъ съ Гамаюномъ.

И если слышимъ мы во снѣ
Напѣвъ, который многолиренъ,
Въ тотъ часъ, въ блаженной той странѣ,
Поетъ о счастьи свѣтлый Сиринъ.

И если звономъ нѣжныхъ струнъ
Ты убаюканъ, засыпая,
Такъ это птица Гамаюнъ
Поетъ въ безвѣстномъ, голубая.

ПТИЦЫ ЧЕРНОБОГА.

Воронъ, Филинъ, и Сова,
Слуги Чернобога,
Ваша слава вѣкъ жива,
Съ вами вѣщія слова,
Тайная дорога.

Тотъ, кто Ворона видалъ,
Знаетъ силу мрака,
Воронъ къ Одину леталъ,
Въ вѣчный онъ глядѣлъ кристалъ,
Принялъ тайну знака.

Тотъ, кто съ Филиномъ побылъ,
Знаетъ тайну гроба,
Филинъ—вѣщій страхъ могилъ,
Знаетъ, сколько скрыла силъ
Тайная утроба.

Кто бесѣдовалъ съ Совой,
Знаетъ силу Ночи,
Знаетъ, какъ въ рѣкѣ живой
Къ полосѣ береговой
Сдѣлать путь короче.

Воронъ, Филинъ, и Сова
Птицы Чернобога,
Но у темныхъ мысль жива,
Въ ихъ зрачкахъ горятъ слова,
О, горитъ ихъ много.

ВОРОНЪ.

Воронъ и дубъ,
Воронъ съ клювомъ желѣзнымъ,
Воронъ, пьющій горячую кровь, и клюющій остывшій трупъ,
Воронъ, знающій рѣчь человѣка,
И донынѣ, отъ вѣка,
Не забывшій, какъ судьбы развѣдать по рунамъ надзвѣзднымъ,
Воронъ, вѣщая птица Славянъ,
Вѣстникъ Одина, зрящій, какъ въ мірѣ
Разстилается сумракъ ночной, каждый день простирается шире,—
Говоришь ли ты карканьемъ намъ о погибели солнечныхъ странъ?
Воронъ, домъ твой есть дубъ,
Вѣковой,
Что въ раскатахъ громовъ,
Возрожденно-живой,
Зеленѣетъ,
И хоть карканьемъ ты возвѣщаешь, что въ сумерки свѣтлыхъ
Боговъ,
Между пепельно-дымныхъ, зажженныхъ пожарами дней, облаковъ,
Волкъ явиться посмѣетъ
И оскалитъ на Свѣтлыхъ прожорливый зубъ,—
Воронъ, Воронъ, твой дубъ,
Говоритъ, что за сумракомъ новое Солнце восходитъ,
И подъ карканье рунъ вся дубрава живетъ,
И ужь новыя зори нашъ Бальдеръ, нашъ Бальдеръ выводитъ,
Мы съ Воскресшимъ воскресли, и пляшемъ, сплетясь въ хороводъ.

СОВА.

Сова, кто смотрѣлъ въ твое круглое желтое око,
Тотъ знаетъ великую тайну чудесъ.
Не царила ли ты въ Небесахъ? Въ ихъ провалахъ нѣмыхъ, тамъ, высоко,
Въ бездонностяхъ синихъ донынѣ твой знакъ не исчезъ.
Кто въ полночь читалъ подъ ущербной Луною
Пожелтѣвшую лѣтопись дней,
Тотъ меня понимаетъ безъ словъ, и сейчасъ онъ со мною,
Надъ одной мы строкою,
Въ пѣснѣ моей,
Въ струнѣ мы одной, что во славу Вселенной бряцаетъ.

О, мудрая птица, чей взоръ темноту проницаетъ,
Въ ночи, гдѣ дневные не видятъ ни зги,
Ты сидѣла на страшной избушкѣ Яги,
Ты глядѣла въ глаза благородной Аѳины,
Ты была за плечами у всѣхъ колдуновъ,
Ты крыломъ прорѣзаешь ночныя долины,
Навѣвая видѣнья вѣщательныхъ сновъ
На вѣдовскіе стебли полночныхъ цвѣтовъ,
Отъ которыхъ принявъ дуновеніе, мракъ
Нашимъ снамъ сообщаетъ твой знакъ,—
Я знаю, когда-нибудь въ безднахъ, далеко,
Погаснетъ Свѣтило кружащихся дней,
Но въ новыхъ ночахъ первозданныхъ, въ смѣшеніи тьмы и огней,
Предъ творчествомъ новымъ зажжется, сквозь Хаосъ, безмѣрное желтое око.

ПТИЦА СИРИНЪ.

Птица Сиринъ на Морѣ живетъ,
На утесѣ цвѣтномъ,
На скалистомъ уступѣ, надъ вѣчной измѣнностью водъ,
Начинающихъ съ шопота волю свою, и ее возносящихъ какъ громъ.

Птица Сиринъ на Морѣ живетъ,
Надъ глубокой водой,
Птица Сиринъ такъ сладко поетъ,
Чуть завидитъ корабль, зачаруетъ мечтой золотой,
На плывущихъ наводитъ забвенье и сонъ,
Распинаетъ корабль на подводныхъ камняхъ,
Утопаютъ пловцы въ расцвѣченныхъ волнахъ,
Услаждается музыкой весь небосклонъ,
Звуки смѣха со всѣхъ возрастаютъ сторонъ.
Безпощадна Любовь съ Красотой,
Кто-то властный о Жизни и Смерти поетъ,
Надъ пустыней сѣдой кто-то есть молодой,
Кто струну озаритъ — и порветъ.
Птица Сиринъ на Морѣ живетъ,
Надъ глубокой водой.

ПТИЦА СТРАТИМЪ.

Есть много птицъ, красивыхъ, сильныхъ,
Проворныхъ, злыхъ, любвеобильныхъ,
Но умѣряющихъ свой пылъ,
Цвѣтистыхъ въ яркомъ опереньи,
Прекрасныхъ въ бѣгѣ, въ летѣ, въ пѣньи,
Въ двойномъ размахѣ вольныхъ крылъ.

Есть много птицъ, и плещетъ слава
Орла, и фениикса, ксалава,
Молва о нихъ — какъ свѣтлый дымъ,
И древенъ воронъ въ снахъ богатыхъ,
Но всѣхъ прекраснѣй межъ крылатыхъ
Всемірно-грезящій Стратимъ.

Онъ неземной, онъ вѣчно въ Морѣ,
Отъ края къ краю, на просторѣ,
Простеръ онъ въ мірѣ два крыла,
И чуть онъ въ полночь встрепенется,
Весь Океанъ восколыхнется,
Познавъ, что вновь Заря свѣтла.

НА КАМНѢ СОЛНЦЕВОМЪ.

На Камнѣ солнцевомъ сидитъ Заря-Дѣвица,
Она — улыбчивая птица,
Въ сіяньи розовомъ широко-длинныхъ крылъ,
На Камнѣ солнцевомъ, онъ—амулетъ всѣхъ силъ.
Свѣтло-раскидисты сіяющія крылья,
Пушинки, перушки до Моря достаютъ,
Все Небо — токъ огня, всѣ облака поютъ
Отъ ихъ цвѣтного изобилья,
Отъ нихъ румянится и нищенскій пріютъ.
Улыбчивымъ лицомъ будя людскія лица,
Сіяньемъ розовымъ развеселивъ весь міръ,
На Камнѣ солнцевомъ побывъ, Заря-Дѣвица
Уходитъ за моря—къ другимъ—и тотъ же пиръ.

СВѢТОВИТЪ.

Мнѣ снится древняя Аркона,
Славянскій храмъ,
Пылаютъ дали небосклона,
Есть часъ громамъ.

Я вижу призракъ Свѣтовита,
Межъ облаковъ,
Кругомъ него святая свита
Родныхъ Боговъ.

Онъ на конѣ, и слишкомъ знаетъ
Восторгъ погонь,
О, вихри молній нагоняетъ
Тотъ бѣлый конь.

Онъ бросилъ алую Аркону,
Туманъ завѣсъ,
И льнетъ къ нетронутому лону,
Къ степямъ Небесъ.

Онъ позабылъ священность красныхъ
Заклятыхъ стѣнъ,
Для свѣжей радости неясныхъ
Измѣнъ, измѣнъ.

И рогъ съ виномъ имъ брошенъ въ храмѣ
И брошенъ лукъ,
И съ нимъ несется небесами
Громовый звукъ.

Славянскій міръ объятъ пожаромъ,
Душа горитъ.
Къ какимъ ты насъ уводишь чарамъ,
Богъ Свѣтовитъ?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ЖАРЪ-ПТИЦА

Жаръ-Птица 3

1. Ворожба.

Заговоръ на посаженіе пчелъ въ улей. 7
Заговоръ на зеленую дуброву 9
Заговоръ противъ Змѣи 10
Заговоръ ратника 11
Заговоръ отъ погасшихъ. 13
Заговоръ Хмѣля 14
Заговоръ любовный 16
Заговоры семи Вѣтровъ 18
Заговоръ на тридцать три тоски. 20
Заговоръ Красной Дѣвицы 22
Заговоръ Матери. 24
Заговоръ охотника 27
Заговоръ на утиханіе крови 29
Заговоръ на путь-дорогу. 30
Заговоръ отъ Черной немочи. 31
Заговоръ Громовъ 32
Заговоръ отъ Сглаза 33
Заговоръ противъ Смерти. 34
Заговоръ отъ металловъ и стрѣлъ. 36

2. Зыби глубинныя.

Между Огнемъ и Водой 41
Въ началѣ Временъ. 42
Глубинная Книга. 45

Стр.

Море всѣхъ морей 48
Видѣніе царя Волота. 50
Три Неба. 52
Чернобыль 54
Навожденіе 56
Тайна сына и матери 61
Горе. 63
Добрыня и Смерть 65
Стихъ о Горѣ. 67
Стихъ про Онику Воина. 69
Отчего перевелись витязи на Руси. 71
Загадка. 73
Три Сестры. 74
Нѣжныя Зори. 76
Четыре источника. 77
Рѣшеніе Мѣсяцевъ 78
Жернова. 84
Колосъ 86
Ленъ. 87
Зарина 88

3. Живая вода.

Волхъ. 91
Свѣтогоръ и Муромецъ. 93
Свѣтогоръ. 95
Вольга. 98
Потокъ 102
Соловей Будиміровичъ 105
Садко. 108
Чурило Пленковичъ 113
Микула Селяниновичъ 117
Исполинъ Пашни 118
Двѣ рѣки. 119
Хвала Ильѣ Муромцу. 121
Отшествіе Муромца. 124
Цѣлебная Криница 126
Капля крови. 127
Передъ цвѣтнымъ оконцемъ 129
Огненной рѣкою. 130

Стр.

Саламандра. 132
Трава-костеръ. 133
Блѣдные люди 135
Ванда. 137
Елена-Краса. 139
Сѣверные. 144
Живая вода. 146

4. Тѣни боговъ свѣтлоглазыхъ.

Четверократность. 151
Славянское Древо 152
Сварогъ. 156
Руевитъ. 157
Ярило. 158
Богиня-Громовница. 160
Радуга. 161
Стрибоговы внуки. 163
Стихъ о величествѣ Солнца 166
Свадьба Мѣсяца. 168
Перунъ 170
Пробужденіе Перуна 171
Гусли-Самогуды. 172
Триглавъ 174
Бѣлбогъ и Чернобогъ 175
Царь Огненный Щитъ 178
Облачныя Дѣвы. 179
Велесъ 180
Колосъ Велеса 182
Праздникъ Зеленой Недѣли 183
Праздникъ Лады 184
Праздникъ Весны 185
Морское Чудо. 187
Морская Пани. 188
Марія Моревна 190
Богъ Погода. 192
Берегиня 194
Богъ Посвистъ 196
Водяной 197
Болотняникъ 199

Стр.

Домовой 201
Солнце, Вѣтеръ и Морозъ. 203
Сказка Рѣкъ 206
Веселая затворница 208
Лѣсъ 210
Лѣсные царьки. 213
Дивьи жены 215
Полудницы 217
Лѣсунки. 220
Водная панна. 222
Огненный духъ. 224
Райскія птицы 225
Птицы Чернобога. 226
Воронъ 228
Сова 229
Птица Сиринъ 230
Птица Стратимъ. 231
На Камнѣ солнцевомъ 232
Свѣтовитъ 233

OCT 13 1970

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3453
B2
1914a
t.7

Bal'mont, Konstantin
Dmitrievich
Polnoe sobranie stikhov